

МАЙ

1 мая 1924 г. Нью-Йорк

Из дневника Г.Д. Гребенщикова:

<...> «Итак, мы в Америке, и это совершилось так легко, легче, нежели свершить однодневную поездку за город. А давно ли возникла мысль о поездке в Америку? В прошлом году в мае и июне мы лишь мельком, в связи с поездкою в Америку добрых знакомых, пошутили, что, может быть, и мы когда-нибудь туда поедем. А потом, уже в августе, в связи со сборами Завадских, снова мимолетно навестила эта мысль. Но приход ко мне Завадского и беседа о Рерихе, и письма к Рериху, и ответ Рериха, его открытка и его телеграмма — не только утвердили эту мысль, но и сделали её радостной, но малосбыточной мечтой. И вот пошло всё чудесное, почти неопишное. Теперь мне кажется, что с того момента, как впервые мы пришли к Рерихам и как, не зная отчего, весело рассказывали и смеялись и, наивные и глупые, болтали о всякой всячине, лишь бы как-то выразить свою радость, - для нас перестали существовать трудности. Неодолимое - одолевалось (вечер с артистами Московского Художественного Театра). Невероятное - сбывалось, невыразимое - высказывалось ясными, простыми словами. И не хочется описывать житейски суетные дни, недели, даже месяцы, когда одолевали разные сомнения и когда заботы о земном и будничная суета закрывали путь к легкому мосту через ночь к утру. Но уже после первых писем, полученных из Америки, когда почуялось, что у нас там есть никогда не виданные нами братья и сестры и что мы можем их любить более чем родственной любовью - пути труда и достижения чудесно облегчились. Думаю, что если бы собрать все письма, писанные мною в Индию и в Америку, - какая пёстрая картина шествия по дебрям к свету могла бы составиться. И потому не буду повторяться. Лишь скажу, что чудо за чудом сплетались в длинную гирлянду, по которой не только без труда, но окрылённый радостью, я, как на воздушной качели, перекачнулся через океан. И здесь был встречен более чем родственно - чудесно, удивительно красиво. Даже чужие, строгие чиновники встретили приветливо, точно зная, что открывают врата к ступеням Храма, на которых преклонил свои колена 29 апреля ровно в 2 часа. Описание моего первого ощущения в Алтаре Храма, в музее Рериха, я дал в моём первом письме на Гималаи. Теперь буду вести короткие записи о фактах наиболее значительных. Великая и сладостная радость делать это. Слышу, доносятся то из одного, то из другого придела Храма звуки музыки, точно благостные капли света и дождя. Это падают стрелы благословения с горных вершин...»

Публикуется по изданию: Вестник Ариаварты. 2003. № 1-2.

2 мая [1924 г.] Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к Гребенщикову Г.Д.

2 мая – к Гребенщикову.

Только что получил Вашу телеграмму о Вашем приезде к братьям и сёстрам. Не мог не послать Вам и дорогой Нару наш привет. Мы так рады, что Вы приехали и вышли на другой берег, и так начался новый путь жизни. И не только путь, поистине новая ступень, с которой всё лучше видится и слышится, и волна новой энергичной жизни несёт вас всё выше и выше. И скоро Вам

будет странно думать, что Париж мог бы для вас представлять собой серьёзное решение. А позади Н[ью]И[орка] лежит великая Америка, ждущая растущих и сильных. Всё идёт хорошо – хорошо, что Вы приехали одни. Даже лучше, чем Вы можете думать. Конечно, Морей имеет знак, и он сам достоин его, но вся драма в Марии. Её дух может быть не только далеко, но и враждебным. Морей, как ребёнок, привык ничего не скрывать от неё, и потому ему говорить ничего нельзя. Это так печально, потому что этим нарушается равенство в братстве. Но мы знаем, что на своём первом задании дух Марии был сброшен в свои старые одежды и может стать опасным. И важно, где бы ни началось предательство, на публичной площади или в закрытой комнате, – его результаты могут быть одинаково опасны. И можно ли тратить священную силу на предотвращение внутреннего предательства, потому будьте осторожны до последней степени.

Вам так хорошо. Вы идёте вместе с Нару, которая восходит и заслуживает полного доверия. Мы не боимся за Вас, потому что Вы идёте светло и ставите Служение превыше всего, но с этими воинственными мыслями, которые рождаются в семье Морей, трудно рассчитывать на успех, потому что все мы действуем только в интересах великого дела, и никакие привилегии не должны входить в нашу объединённую жизнь. Не падая в духе, Вы пройдёте через все поиски, как мы прошли. Но проявит ли Морей великую осторожность. Лучше не говорить ему ничего, чем позволить тайне быть предметом для критики и раскола.

Желаю вам всего светлого в Америке.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

**2 мая 1924 г. Дарджилинг, Хиллсайд.
Письмо Н.К. Рериха к Джеймсу Казинсу.**

2 мая 1924. Хиллсайд.

Дорогой д-р Казинс.

Я непременно пришлю Вам фотографию («Вестника») и свою статью не позже 1 августа. До сегодняшнего дня я не получил смету на небольшую книгу (50 страниц, 1 репродукция, 2000 экземпляров). Известен ли мой адрес издателю? С наилучшими братскими чувствами

Искренно Ваш

Н. Рерих.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с английского)

**3 мая 1924 г. Нью-Йорк
Из дневника Г. Гребенщикова:**

3 мая. «...с 9 часов был захвачен чтением новой статьи Рериха «Струны Земли». Не восторг, но веление разума и веры требуют преклонения перед силою Его слова. Эту вещь в большом русском журнале напечатать так необходимо!»

Публикуется по изданию: Вестник Ариаварты. 2003. № 1-2.

4 мая 1924 г.

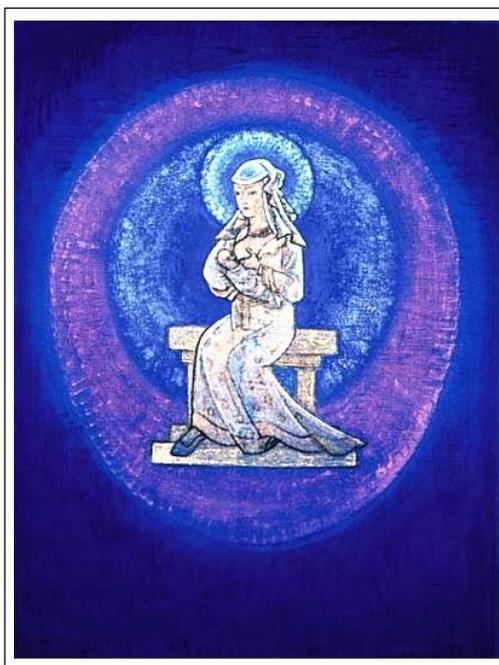
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Удряя [Ю. Н. Рерих. – М. М.] внял ночной просьбе и принёс изображение Матери Мира. Оно является самым древним изображением, основанным на незапамятной явленной преданием основе, *живой со времён цветения пустыни*»

Неизвестный художник. Харити с детьми. Яр-Хото, Турфан. IX–XI век. Музей народоведения (Берлин). Справа – прорисовка.

(16 апр. 1924 г.) «Хотим, чтобы икона Матери Мира была окончена в это время. Зачем новую? – Можно снять пыль с образа. Кому-то очень не хочется видеть её»

Н.К. Рерих. Матерь Турфана. 1924.

4 мая 1924 г. Нью-Йорк

Из письма З. Г. Лихтман к Рерихам Н.К. и Е.И.

4 мая 1924 г.

«Теперь, любимые мои, опишу Вам приезд Завадских. Они приехали в субботу утром, их задержали короткое время в Ellis Island, для медицинского осмотра, но ввиду того, что Хорш хлопотал 2 дня до того и имел там 2-ух знакомых людей, которые обещали помочь, их сейчас же выпустили. Так же Хорш передал им через одного из этих людей 50 долларов, ибо они имели лишь при себе 20 дол. и их бы послали обратно(нужно показать минимум 25 дол. каждому приезжающему). Встречали их мама, Frances, муж и Гребенщиков, и сейчас повезли их в нанятую для них мамой комнату, прекрасную, светлую, с отдельной кухней и передней, недалеко от мамы. <...> Сегодня они будут в Музее, а вечером мы соберёмся и поговорим все вместе. <...>

Тарухан [Гребенщиков – ред.] за эти дни начал работу, пишет письма для будущих деловых сношений, изучает здешние русские газеты, присматривается ко всему. Сильный он дух. Жена его – чудесная душа. Мы её сразу полюбили, всем она близка. Она – как сосуд любви, и мне кажется, что она любовью поведёт Тарухана быстрее к свету, чем он сам придёт разумом. Разум один – плохой проводник. Это мы здесь уже знаем на личном опыте. Оба – Тарухан и Таня нам очень близки и дороги. С открытым сердцем и любовью принимаем Завадских и ещё с большей нежностью, ибо они слабые. Теперь, родные, очень прошу Вас написать нам, что вы считаете важным для Алатаса.

1) Перевод ли «Микулы» на английский или раньше «Чураевых»? 2) Затем, когда приедет книга Ремизова, её распространить по русским магазинам, или тоже переводить на английский? 3) Затем, печатать «Цветы Мории» по-русски или же летом переводить на английский и печатать здесь? 4) Переводить мне и Francis, или же дать хорошему переводчику, Селивановой или другому? 5) Издавать ли поэмы Бальмонта теперь?

Я теперь спрашиваю эти вопросы, ибо они будут решаться не теперь, а через месяца два. Селиванова говорила с Таруханом, взяла «Микулу» и хочет поехать в Филадельфию, и постарается её продать в виде отдельных эпизодов, т.е по главе в каждом номере Saturday Evening Post. У неё есть туда связи и они хорошо платят. Кроме того, он продал в большую фирму издательскую здесь 40 книг и тот сказал, что будет распространять его книги (это вроде синдиката для распространения русских книг).

<...>

Пришли Ваши чудные письма от 2-ого и 8-ого Апреля. Как мы поняли, о даре присланном Тарухану и его жене ещё говорить не будем. Поразительно, родная Е.И. то, что Вы пишете о Ваших упражнениях. Какой огромный, значительный мир открывается! Как это всё поразительно, и как всё ближе начинаешь понимать невидимые нити огромных дел!

Спасибо, родная, за Вашу ласку и любовь. Мне были бесконечно дороги Ваши слова ко мне. Если бы Вы знали, как часто я Вас ощущаю близко! Но Вы это знаете! У нас в круге прекрасная гармония, ибо приезд новых братьев нам показал многое, а именно – сплочённость любви. А теперь имеем «вмещение, простоту и бесстрашие»!

Крепко целую и обнимаю Вас, любимые и родные мои, всегда в духе с Вами

Радна

Мама Вас крепко целует, всегда Вас видит и чувствует».

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

6 мая 1924 г. Нью-Йорк

Письмо Г.Д. Гребенщикова к Рерихам Н.К. и Е.И.

6 мая 1924

Господи, благослови! Благослови, Учитель! Учители Благословенные, благословите! Не прошло и пяти секунд, как, получивши новые бланки со знаком [издательства «Алатас»], я начал Вам писать это письмо - радость, что мы теперь, и внешне, и официально, вступаем на путь работы «Алатаса»¹. Благоговейно направляю к Вам первую мысль на этом первом листе с великим и многозначимым знаком - мысль о благословении Вашем и о благословении Божиим - к делу во славу Грядущего!

И первое, что по делу мыслится, - издать книгу «Лампада Путника» со статьями «Пути благословения» и особенно «Струны земли» - не могу не повторить о радости читать эти великие глаголы! Читать и перечитывать, и думать о том, что, может быть, великий дух Соломона и Христа, Будды и Сергия Радонежского говорят устами автора этих глаголов. Так думалось при чтении статьи.

Знак этот заказан именно с оригинала, написанного рукою Николая Константиновича на голубом клочке бумаги. Мы считаем, что именно подлинный рисунок, а не перерисовка, может быть, и более тщательная, должен быть у нас на бумаге.

Почти каждый день нахожу минуты писать Летопись, пока что робкое описание первых впечатлений. Потом буду учиться кратко, заносить наиболее важные факты, хотя и знаю, что трудно отличить важное в малом и великом.

Всё чаще думаю обо всех Вас, представляя, как Вы ходите, смотрите из окон на горы, улыбаетесь обезьянам и зверям, разговариваете, пишете нам письма и читаете от нас. И знаю, что сейчас, в 3 часа дня - у Вас 4 часа ночи, и Вы видите, быть может, какой-то вещий сон о будущих деяниях «Алатаса». Ведь первые слабые лучики - книги его более сотни уже разошлись по земле. Потихоньку будут они идти в мир, и особенно засияет «Алатас», когда «Лам-

¹ Алатас / Alatas ("белый камень") - издательский центр, организованный при "Корона Мунди" в 1924 г. Г.Д. Гребенщиковым (см.), который был сначала исполнительным директором, а с 17.3.1927 владельцем книгоиздательства. Корпорация зарегистрирована 7.5.1924 г.

пада Путника» звёздным жемчугом затеплится в земных путях. Как бы я хотел, чтобы «Алатас» рождающийся приснился Вам именно сейчас. Ведь сейчас Вы спите самым крепким, предутренним сном, хотя мне не верится, что Вы можете вообще спать. Дух Ваш всегда бодрствует и парит где-то над белыми вершинами Гималаев. Как сам я чувствую всю дивную силу благословенного Алтая... Одно есть преимущество у Алтая - он весь новый и чистый. Земля эта непочатая, хотя и отоптанная хищническими налётами. Боюсь, что при встрече Алтай покажется Вам маленьким.

Вы от 2 апреля пишете, что [не получили тома] «Былины» — мы послали Вам его 19 марта - первые экземпляры: 1 люкс и 1 обыкновенный, и все ждём суда Вашего о внешнем виде и внутреннем содержании.

Не знаю, хорошо ли Вы помните расположение комнат в Институте Соединённых Искусств, но мне хочется Вам описать комнату № 5 - «Алатаса». Это в 3 этаже, направо с лестницы, с большим окном на реку. Чудный вид, никогда нежданный мною, много неба, облака, зелень внизу и набережная бесшумная, пароходы, за рекою новый Джерсей. В комнате у нас всегда запах свежего дерева, в углу стоит деловой красивый железный шкафчик для бумаг, у меня огромный стол, лампа, на стенах старинные чудные картины. А гардероб - превращён в книжный склад, в котором все эти дни шуршит бумагами, как мышь, Татьяна. Она почти целые дни здесь же, хотя и не имеет на то особых «прав», но то и дело повторяет: «Это наш Дом», «У нас хорошо в Алатасе».

Весть о том, что ей дано имя, очень взволновала её. Я же свидетельствую, что её усердие к служению самое чистое, бескорыстное, полное трудолюбия и светлой любви. Только не успевает всё переписывать вовремя. Потому Летопись (10 страниц) немножко запаздывает отсылкою Вам. Мне радостно сообщить Вам, что, видимо, всем наша Татьяна здесь понравилась, и все здесь называют её «светленькая наша Танечка». Только Логван называет её по-своему: «Татьянская», но и он, и Порума затвердили уже «Тать(х)ана!» (Татьяна).

Чудесно-весело, всё было бы прекрасно, если бы наши милые Василий и Мария Алексеевна [Завадские] не усложняли атмосферу своим непростым, каким-то своеобразно-сепаратным подходом к Делу. Пишу об этом целые страницы в Летописи и не знаю - то слать ли Вам. Больно нехорошая это моя задача... Выходит, что мы хороши, а они плохи. Впрочем - Вы беспристрастно решите, не щадя и нас, кто, может быть, не умеет понять Морья.

Хотел написать несколько строк - показать Знак «Алатаса», а написал длинейшее письмо. Простите - всё никак не научусь писать так, чтобы словам было тесно, а мыслям свободно. Как дивно пишет автор «Струн Земли»! Как дивно! Поистине, Сам Господь водит рукою его. Как и в картинах его - всюду Бог, так и в каждом слове - Бог и Божье благословение. На том и склоняю перед Вами голову мою.

Тарухан

А звуки музыки всегда несутся из разных концов дома. Сейчас забежал к нам Морей. Вид его посветлевший. После моего вчерашнего разговора с ним, а главное, после начала «Струн Земли», которые я ему отнёс вчера же, — он явно посветлел. Надолго ли только?..

Публикуется по изданию: "Дельфис" №25 (1/2001)

*7 мая [1924] Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке*

7 мая.

Родные.

Только что пришло письмо Пор[умы] с правильным чувством тревоги, касающимся тона письма миссис З. Пусть Тар[ухан] прочтёт вам всё моё письмо, которое было послано ему. Вы увидите, что Учитель предупреждал нас обо всём. Он также указал, что с такими мыслями, как у Марии, трудно думать об успехе. Только тогда, когда Служение ставят превыше всего, только тогда придёт защита и помощь, и просветление. Вы знаете, как всё это приходит. И вы знаете, как мужественно надо идти и как принять в молитве посылаемое благо. И тогда новыми несказуемыми путями осуществляются наши нужды.

Разве это возможно, чтобы дух Марии звучал так слабо, но она может принести много вреда, и мы не знаем, когда они теперь приедут. Как странно, что сам Морей так мало пишет и даже не пытается кристаллизовать свои мысли. Сегодня мы получили замечательные письма от Яр[уи] и Чахем[булы]. Оба горят и трудятся, и, конечно, получают свою долю. Хотелось даже плакать от письма Яр[уи]. Он так много старается сделать всё лучше. Мы уверены, что он может совершенствовать всё. Его положение в Риге и знание транспортного дела чрезвычайно необходимы для будущего. Какое дело будет между R. и A.? Мы радуемся, что Тарухан понял важность анонимного действия во всех предприятиях. Опять «Цветы Марии» – где-то Бурии, где-то Маории. Где только можно, везде тёмные стараются затемнить священное имя. Это значит, что нужно неустанно сражаться во имя священного мирового дела.

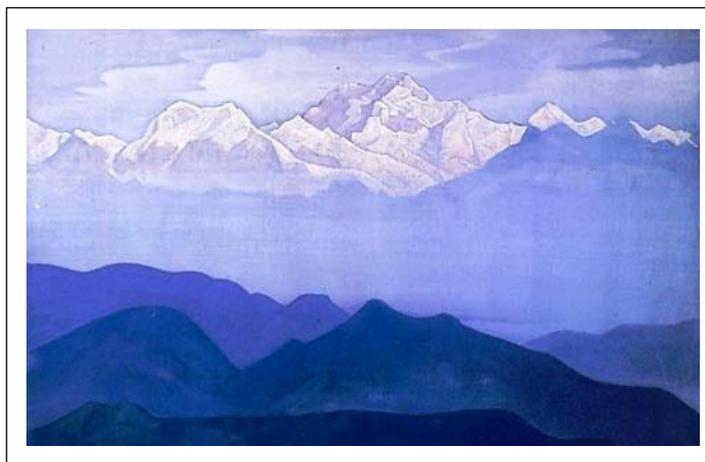
У нас некоторое беспокойство – губ[ернатор] граф Литтон выразил желание приехать. Уже так сильно, как только можем, мы стараемся спрятаться, и также настойчиво они стараются найти нас.

Итак, мы желаем вам чувствовать любовь, работать доблестно, энергично и широко. Сказано: «Шире широкого».

Духом с вами

Р

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

Н.К. Рерих. Гималаи. 1924. Серия «Гималаи»

7 мая 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к Шибяеву В.А. и Кардашевскому Н.В..

7 мая 1924.

Родные Яруя и Чахембула, вместе пришли Ваши прекрасные письма, полные труда и горения. Вы видите, как важно писать письма — для Вас важно, ибо в них Вы кристаллизуете итоги. Конечно, Ваша деятельность будет расти, ибо там, где нет сомнений и предательства, там и помощь и исполнение нужд приходят. Так и примите посылаемое молитвенно, ибо, где малое сумеете принять, там и большое получите.

Радуемся, что Вы так заняты, — все работники Братства этим отличаются. Но громада дел пусть не подавляет Вас, но даст новые возможности. Думаем, что Чахембуле ещё рано уезжать из Литвы — так как там подошли новые и возможны и новые дела. Люмоу напишет о возможности чая и прочего сбыта. Не нужно ли что-нибудь сделать для Литвы и Латвии? Пусть Чахембула заявит правительству о возможностях, имеющихся здесь через достоверных лиц. Ведь мы этот год очень близко живём от центра чайных плантаций. Идеи с табаком могут быть полезны. Мысль о мече нам нравится, и если будет Указ, то и меч явится. Для Темника будет почётная работа, берегите бумагу от Хутухты. Пранде я помню и чувствую симпатию к нему. Передайте ему лучший привет. На каком языке его журнал? Приход новых к Чахембуле имеет большое значение. Передайте им книгу Учителя.

Если бы Вы только знали подробности жизни Христа до Служения Явного. Прямо потрясающе!

Очень хорошо, если Вы оба помогаете распространению книг Тарухана. Яруя, делайте это на деловых основах для World Service. Все учреждения Учителя должны работать во внутреннем и деловом контакте. Прекрасно, что Яруя приближается к музыке. Чахембула, опишите подробнее всех новых. В чём их особенности, кто из них свободнее от предрассудков и кто мыслит скорее, находчивее и шире. Идите просто, красиво и бесстрашно.

Духом с Вами всегда

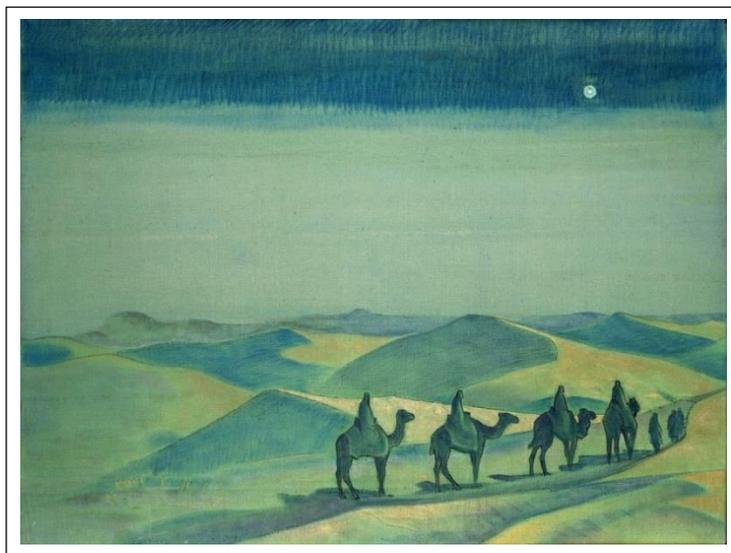
✍

Публикуется по: Н. К. Рерих, "Держайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

Н.К. Рерих. Канченджунга. 1924. Эскиз.

**«Звезда Утра – знак великой эпохи, которая первым лучом
блеснёт из учения Христа».**

Н.К. Рерих. Звезда Матери Мира. 1924.

8 мая 1924 г. Дарджиллинг, Talai Pho-brang.

Н.К. Рерих.

ЗВЕЗДА МАТЕРИ МИРА

Семизначное созвездие под именем семи сестёр или семи старцев или большой медведицы привлекло внимание всего человечества. Библия славословит это созвездие. Буддийская священная Трипитака ему же посылает пространное моление. Древние майя и египтяне на камнях его запечатлели. К нему же обращалась «чёрная» вера шамана дикой тайги. Другому чуду неба – созвездию Ориона - посвящены древние таинственные храмы Средней Азии. Ему же сознание астрономов подносит название «трёх магов». Как два сверкающих крыла, раскинулись по небу эти два созвездия. Между ними неудержно сейчас несётся к земле звезда утра – светлая обитель Матери Мира. И своим подавляющим светом, своим знаменательно небывалым приближением предрекает новую великую эпоху человечества.

Давно запечатлённые сроки исполняются в звёздных рунах. Прозрения египетских иерофантов облакаются в действия перед нашими глазами. Поистине замечательное время для зрячих.

Так же предначертано и неудержимо нисходит на человечество спутница Матери Мира – живая ткань красоты. Как пелена высшего очищения знак красоты должен освятить каждый очаг.

«Простота, красота и бесстрашие». Так заповедано. Бесстрашие есть наш водитель. Красота есть луч постижения и возвышения. Простота есть ключ от врат Тайны грядущей.

И не «простота» ханжества и униженности. Но великая простота достижения, осеянная складками любви. Простота, отворяющая самые тайные, самые священные врата каждому принесшему светильник искренности и неумолчного труда.

И не «красота» условности и лживости, затаившей червей разложения. Но красота духа истины, отбросившая все предрассудки. Красота, озарённая истинной свободой и подвигом, в сиянии чуда цветов и звуков.

И не подкрашенное бесстрашие. Но бесстрашие, знающее необъятность Создания, отличающее самоуверенность в действии от чванного самомнения. Бесстрашие, владеющее «мечом мужества» и поражающее пошлость во всех её видах, хотя бы парчой прикрытую.

Понимание этих трёх заветов и действенное выявление их в жизни создаёт «убедительность», создаёт оплот Духа.

За прошлое десятилетие всё пришло в движение. Тронулись самые заскорузлые громады. Наконец, даже самые тупоумные поняли, что без Красоты, Простоты, Бесстрашия невозможно никакое строительство новой жизни. Невозможно обновление религии, политики, науки, переоценки труда. Без Красоты, как сухие опавшие листья будут унесены вихрем жизни исписанные листы бумаги, и вопль духовного голода по-прежнему будет потрясать пустынные в своём многолюдстве города.

Мы видели революции. Мы видели толпы. Мы пошли через толпы революции. Но лишь там видели над ними знамя мира, где вспыхивала Красота и молнией чудесной мощи родила общее внимание.

Мы видели, как в России именно носители и собиратели Красоты пережили потрясение легче всех прочих. Художники всех отраслей были приветствованы народом. И собиратели, именно личные собиратели, не случайные наследственные владетели, были отличены толпой. Мы видели, как самая огненная молодёжь настораживалась молитвенно под крылом Красоты. И останки Религии возвышались там, где не умерла Красота. И щит Красоты был самым прочным.

“Master Institute of United Arts” и Международный центр искусства “Corona Mundi” в Нью-Йорке имеют на щите своём утверждения:

«Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство – для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата «священного источника». Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придёт это чувство, но после оно очистит всё человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное.

Дайте же им это. Дайте искусство народу, которому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...» (“Paths of Blessings”. Santa Fe 1921.)

«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирово-

го значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действительное значение Красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, - мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты открывает все «священные врата». Под знаком красоты мы идём радостно. Красотой побеждаем. Красотой молимся. Красотой объединяемся. И теперь произносим эти слова не на снежных вершинах, но в суеде города. И чуя путь истины, мы с улыбкой встречаем грядущее». (New Era, 11 July 1922.)

На жизненных примерах можно утверждать, что эти слова – не утопия мечтателя. Нет, это синтез опыта, собранного на мирных и бранных полях. И не внёс разочарования этот многообразный опыт. Наоборот, он укрепил веру в сужденные, в близкие, в светлые возможности. Именно опыт построил уверенность в тех новых, которые спешат помочь строительству Храма, в радостные голоса их уже слышны за холмом.

Этот же опыт обратил глаза на детей, которые, даже ненаученные, но лишь допущенные, уже расцветают, как цветы чудесного сада. И очищаются мысли их, и просветляются глаза, и дух стремится выявить слово подвига. И всё это не в заоблачных храмах, а здесь, на земле. Здесь, где забыто так много прекрасного.

Кажется невероятным, чтобы люди добровольно могли забыть лучшие возможности. Но это бывает чаще, нежели можно представить. Люди утратили ключ к символам Риг-Вед. Люди забыли смысл Каббалы. Люди обезобразили прекрасное слово Будды. Люди золотом принизили божественную простоту Христа. И забыли, забыли, забыли лучшие ключи от врат.

Теряют люди легко, а как же находят? Пути нахождения позволяют каждому надеяться. Почему нет, если наполеоновский солдат в траншее нашёл Розетский камень – ключ к пониманию всего иероглифа Египта. Сейчас, когда бьёт поистине час последний, люди – ещё немногие из них – начинают спешно вспоминать о кладах, им принадлежащих давно. И снова начинают греметь у пояса ключи доверия. И сны чётко и властно зовут к покинутой, но существующей красоте. Только примите. Только возьмите и увидите, как изменится внутренняя жизнь ваша. Как затрепещет дух в сознании беспредельных возможностей. И как легко осенит Красота и Храм, и дворец, и каждый очаг, где греется человеческое сердце.

Часто не знают, как приступить к Красоте? Где же палаты достойные, где же ткани и торжество красок и звуков? Ведь бедны мы.

Но не заслоняйтесь призраком бедности. Там, где созрело желание, там расцвело и решение. Как же начнём Музей строить?

Просто, ибо всё должно быть просто. Любая комната будет музеем, и если желание достойно, то в скорейший срок вознесётся и отдельное здание и храм. И придут новые издали и постучатся. Лишь стук не проспите.

Как же начнём собирать? Опять просто, без богатства, лишь с сознанием несокрушимым. Мы знаем очень бедных и очень замечательных собирателей, которые, стесняясь в каждом гроше, составляли художественные собрания, полные большого внутреннего значения.

Как же мы можем издавать? Так же точно мы знаем обширные художественные издательства, начатые с ничтожными средствами. Большое идейное

издательство художественных открытых писем Св. Евгении было начато с пятью тысячами и через десять лет давало сотни тысяч дохода. Но не денежным доходом измерялось значение этого дела. Значение измерялось количеством широко разбросанных художественных воспроизведений, привлечших к пути Красоты множество новых, молодых сердец. Цветная открытка, изданная художественно и в определённой системе, проникла в новые круги народа и образовала молодых энтузиастов.

Сколько новых собирателей родилось. И, получив доступ к сердцам, издательство послало в мир воспроизведение самых прогрессивных творений. Так из бесстрашия, в простоте ясности рождались дела Красоты.

Как же мы можем открывать школы и учить? Тоже просто. Только не будем ждать отдельных домов. Не будем вздыхать о примитивности или недостатке материалов. Самая маленькая комнатка – не более кельи Fra Beato Angelico во Флоренции – может вместить наиболее ценные украшения об искусстве. Самый малый набор красок не умалит художественной сущности творчества. И самый бедный холст может принять Лик самый священный. Если есть сознание неотложной важности учения искусству, то надо его начать без всякого замедления. Надо знать, что средства придут, если явлен энтузиазм уверенности. Отдайте знания и получите возможность. И чем больше отдачи, тем богаче получка. Посмотрим, как пишет хранитель Эрмитажа в Петербурге Сергей Эрнст о школе, которая в своё время частной инициативой началась в одной комнате, а затем имела тысячи учащихся ежегодно.

«В пригожий майский день большой зал на Морской являет взору широкий, весёлый праздник – чего, чего тут только нет: целая стена занята строго сияющими иконами, столы заполнены пёстрым, нарядным роем майоликовых ваз и фигур, тонко расписанных украшений чайного стола. Дальше богато лежат шитые шелками, золотом и шерстью ковры, подушечки, ширинки, бювары. Стоит уютная, украшенная «хитрым рукоделием» мебель. В витринах разложены красивые мелочи. На стенах расположены проекты самых разнообразных предметов убранства дома, начиная с архитектурных проектов и кончая композицией фарфоровой статуэтки. Архитектурные обмеры и изображения памятников старинного искусства. Интересные иллюстрации графического класса. На окнах колоритными, сочными пятнами красуются создания класса цветного стекла. Дальше перед зрителем белая толпа творений класса скульптуры, рисунки класса рисования с животных, а наверху целая галерея работ маслом и рисунков с натуры. И вся эта масса разносторонних творений живёт, движется, полная молодого энтузиазма. Все счастливые находки искусства наших дней получают в ней должный отклик, и развитие её идёт в контакте с художественными запросами современности. А что же лучше и почтеннее может рекомендовать художественную школу, нежели этот драгоценный и редкий контакт».

В этом контакте энтузиазма и бережливости всех драгоценных достижений легко растёт школьное дело, и новые силы ежегодно формируются как лучшие стражи грядущей культуры Духа.

Как же мы можем достать этих новых? Это самое простое. Если на деле будет сиять Знак простоты, красоты и бесстрашия, то новые силы придут быстро. Придут обездоленные молодые головы, ждущие чуда прекрасного. Лишь бы не пропустить этих искателей. Лишь бы в сумерках не упустить ещё одного из них...

Как же нам самим приблизиться к Красоте? Это – самое трудное. Можно картины издать, можно выставку сделать, можно любую мастерскую открыть. Но куда же поступят картины с выставки и куда проникнут изделия мастерской? Легко говорить, но труднее допустить Красоту в обиход жизни. Но пока мы сами не допустим Красоту в жизнь, какую же ценность будут иметь все наши утверждения?! Они будут пустыми знамёнами у пустого очага. Допуская Красоту в дом, надо решить бесповоротное изгнание всякой пошлости, напыщенности, всего, что противоречит прекрасной простоте. И час утверждения Красоты в жизнь пришёл. Пришёл в восстании духа народов. Пришёл в грозе и молнии. Настал час перед приходом Того, Чьи шаги уже слышны.

У каждого имеются «весы за пазухой». Каждый сам себе отмеривает Карму. И вот сейчас, в щедрости, всем опять предложена живая ткань Красоты. И каждое мыслящее существо может получить из неё одеяние. И бросьте этот нелепый страх, шепчущий, что нечто не для вас. От серого страха будней надо лечиться. Ведь всё для вас, только проявите желание из чистого источника. И помните, что на льду цветы не растут. Сколько льдинок мы разбрасываем, подмораживая лучшие стремления. Из-за подлой испуганности и отрицаний. Иные – малодушные – всё-таки тихонько думают, что неприменима Красота среди серых шлаков современности. Но лишь малодушие шепчет это. Малодушие косности. Ещё при нас люди твердили, что от электричества слепнут глаза, что телефон губителен для слуха и что моторы непригодны для проезжих дорог. Так же точно невежественно опасение о неприменимости Красоты.

И вообще, выведите, наконец, из обихода это нелепое, немое «нет» и замените его даром дружества, драгоценностью духа: «да». Сколько косности неумолимой в «нет» и сколько светлого открытого достижения в «да».

Только стоит сказать «да», и камень снимется, и недоступное ещё вчера станет близким и исполнимым сегодня.

Помним трогательный случай, когда малыш, не зная, как помочь умиравшей матери, написал, как смог, письмо Николаю Чудотворцу и пошёл опустить его в почтовый ящик. Прохожий «случайный» хотел помочь ему дотянуться до ящика и увидел необычный адрес. И правда, помощь Николая Чудотворца пришла к бедному очагу.

И усилиями неба и земли, в открытом сознании, в жизненном применении, снова живая ткань красоты сойдёт человеку. Люди, встречавшие в жизни Учителей, знают, как просты и гармоничны и прекрасны они. Эта же атмосфера красоты должна окутывать всё, что касается их области. Искры их сияния должны проникнуть в жизнь людей, ожидающих приход скорый. Чем встретить? Конечно, самым лучшим. Как дожидаться? Погружаясь в красоту. Как охватить и вместить? Наполняясь бесстрашием, которое даётся сознанием красоты. Как поклониться? Как перед красотой, которая и врагов восхищает.

В глубоких сумерках, когда невиданно ярко загорается звезда Матери Мира, снизу опять несётся волна священного лада. Опять тибетский иконописец на бамбуковой флейте играет перед неоконченным ликом Будды Майтрейи. Тому, кого ждут, этот человек с длинной чёрной косой тоже, по-своему, приносит самое своё лучшее уменье, украшая образ всеми символами благой мощи.

Так и принесём красоту народу просто, красиво и бесстрашно.

Иногда вы спросите: зачем вы повторяете определённую мысль? Но гвоздь вбивается лишь повторными ударами. Принцип японской борьбы – повторный удар. Потому не бойтесь, если и вам придётся твердить.

Ведь не «сидение на тучах» и не «играние на арфах» и не «гимны неподвижности», но упорный и озарённый труд сужден. Не маг, не учитель под деревом, не складки хитона, но рабочая одежда истинного подвига жизни приведёт к вратам прекрасным. Приведёт в полной находчивости и непобедимости.

Talai Pho-brang, 8 мая 1924.

10 мая [1924. Дарджилинг]

Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

Родные и любимые.

Мы получили ваши письма о дне открытия Музея и о первом воскресенье после этого. Ваши трогательные описания приготовлений, ожиданий и самого дня вызвали в нас глубочайшие чувства. Ваша родная аура окружила нас на целый день. Я не стыдилась слёз, потому что они были радостными. Велика сила красоты, и многими ступенями поднимает она дух человеческий к достижениям священной мистерии космоса – вечному поиску самого совершенного проявления. Из вашей телеграммы мы поняли, что Тарухан и Татьяна приехали одни. Я чрезвычайно этому рада, потому что ещё в Париже чувствовала, что Завадские должны приехать позже, и в письмах к вам просила никогда не настаивать на их приезде. Если он сам, несмотря на юный возраст, всё же смог понять путь Служения, то о его друге, спутнике по путешествию, увы, можно только сказать: она имеет глаза – и не видит, уши – и не слышит. И ко всему этому в ночь на первое мая Учитель мне показал клише мыслей Марии Александровны в духе ужасного притона. И вечером того же дня мы получили следующее послание от М.М.

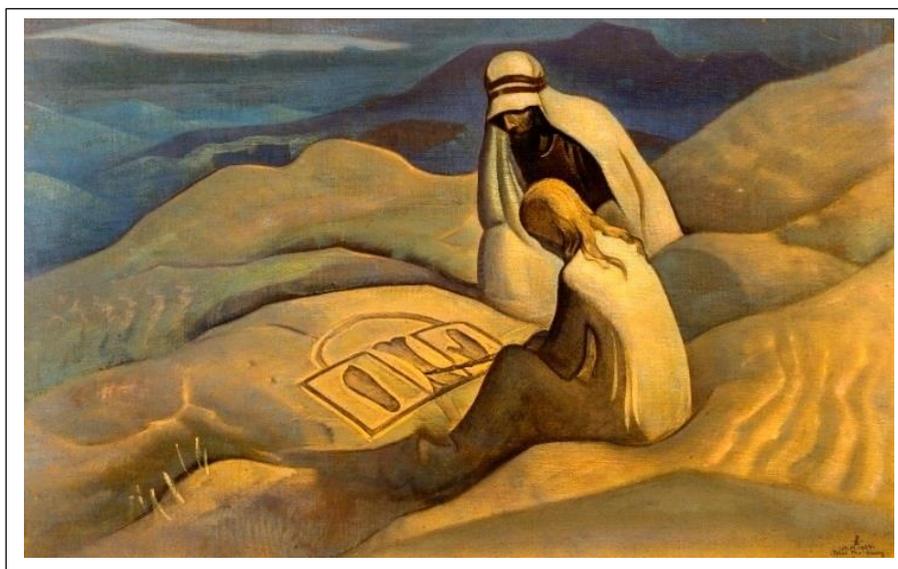
«Первое мая.

Поистине, Мы следим за всеми приобщёнными к делам. Разве не плачевно получить клише, подобное разговору с Машей? Разве можно рассчитывать на успех, когда копошатся такие мысли? Не только внешнее действие, но внутренний разговор может нанести глубокий вред. Считаю нужным остеречь Завадских. Невозможно допускать в круг подобные мысли, приличные кабаку.

Никто не посылается на безделье. Надо всех остеречь явить осторожность от Завадской. Она очень опасна. И если с первого шага она становится подобно пьянице из кабака, это опасность. И двигаться с такой тяжестью довольно трудно. Всё должно помогать, но не затруднять общее дело. Неясные, хорошие порывы Морей заливаются вином пошлости. Морей достоин знака, но он должен превыше всего поставить служение. Тогда оно даст ему успех и возможности, ибо нет тайны, и если свет озаряет, то тьма выжигает дыры».

Как видите, к этому нечего добавить, и я знаю, что вы примете все необходимые меры. Отложите их приезд, чтобы дать время созреть его духу и Марии Александровне пройти путь страдания. Это очень печально, но будем помнить, что всё это только к лучшему.

Дорогой Тарухан, мы понимаем, что Вам также нелегко привыкнуть к новым условиям, но помните, что мы тоже имели самые опасные битвы и Щит Света покрывал нас. Это щит вручен Вам. Несите его твёрдо. Я не боюсь за Татьяну, потому что она из тех натур, которые во время опасности находят внутри себя неисчерпаемый источник силы. Я бы хотела, чтобы она подошла ближе к школе, и думаю, что эта работа не за горами. Устраивая чайную комнату, миссис Шафран найдёт, что ей сделать это в одиночку тяжело, и лучшего помощника, чем Татьяна, трудно [найти]. Когда люди, которые приходят в Музей, не говоря уже об учениках, могут тут же найти чашку вкусного чая, они, кроме чувства восхищения, унесут с собой чувство духовного сближения. Я помню, как мы с профессором Рерихом ценили эти чайные комнаты в музеях Лондона. Только недавно было указание на чайную комнату: «Я хочу наполнить Мой Дом». Не надо думать, как малы любые способы привлечения новых сил в Его Дом. Чайная комната очень сильно поможет потоку новых сил и основанию центра общения. Надо брать в расчёт человеческую природу. Сила усвоения зависит от полного или пустого желудка. Я вижу, какую любовь прилагает миссис Шафран к этой работе, и она создаёт совершенно особенный вид этого отдела. Мои любимые, я понимаю, вы были перегружены работой, и вам было трудно найти время для этого способа привлечения. Но не откладывайте, и пусть начало сезона будет также открытием чайной комнаты.

Н.К. Рерих. Знаки Христа. 1924.

Теперь подойдём к самому высокому. Я хотела бы послать вам истинную страницу из жизни Христа. «Звезда Аллагабада¹ указала путь, и так Мы посетили Сарнат (Сарнат – место первой проповеди Будды) и Гайю (Гайя – где он получил просветление). Везде мы нашли поношение религий. На обратном пути, в полнолуние, произошло памятное изречение Христа. Во время ночного перехода проводник потерял путь. Я нашёл, после поисков, Христа, сидящего на песчаном холме и смотрящего на пески, залитые луною. Я сказал: "Мы потеряли путь, надо дожидаться звёздного положения". – Христос сказал: "Россул Мория, что Нам путь, когда вся земля ждёт Нас!" Взяв бамбуковую трость, Он очертил квадрат вокруг отпечатка Его следа, прибавив: "Истинно говорю: но-

гою человеческою". Потом, отпечатав ладонь, так же заключил её в квадрат: "Истинно говорю: рукою человеческою". Между квадратами Он начертил подбие колонны и покрыл как бы полусферой. Он говорил: "О, как Ом проникнет в сознание человеческое! Вот, Я сделал [пестик] и над ним дугу. И заложил основание на четыре стороны. Когда ногами человеческими и руками человеческими будет построен Храм, где процветёт заложенный Мною [пестик], пусть Моим путём пройдут строители. Почему ждём пути, когда он перед Нами?" – и, встав, тростью смешал начертанное.

"Когда имя Храма произнесено будет, тогда выступит начертание. Запомнив Моё созвездие, квадрат и девять звёзд засияют над храмом. Знаки ступни и руки будут начертаны над камнем [краеугольным]", – так это Сам сказал накануне новолуния. Жар пустыни был велик.

Когда Мне пришлось быть в теле Акбара, по беспамятству телесному Я начал строить храм с [пестиком] посреди квадрата. Гадал по звёздам, но сроки протекали дальше. Рыбы – Его телесный знак, но Орион – знамение Его подвига. Звезда Утра – знак великой эпохи, которая первым лучом блеснёт из учения Христа. Ибо кому же возвеличить Матерь Мира, как не Христу, ибо Христос был унижен миром. Дайте Нам дугу свода, куда войти! Добавим, что Меня назвали по месту Моих владений».

А утром пришёл продавец из далёкой Поталы и принёс знак человеческой ступни на амулете и квадрат с девятью разными священными камнями, которые посвящены девяти звёздам. Квадрат уже висит на моей груди. Знаки камней я пришлю вам со Святославом; вы будете носить их и помнить, что было сказано. Пора заканчивать, но есть ещё много, что сказать, и, прежде всего, что я никогда не чувствовала себя так плохо, как сейчас, из-за моего такого слабого знания английского, когда я так сильно хочу отдать свою любовь и нежность моим американским детям. Каждое письмо Логвана – это радость, мужественно и уверенно звучат его слова, и мысли охватывают широкие горизонты. Последнее письмо Модры очень тронуло меня своей сердечностью. В ней стучит золотое сердечко, и папочка и мамочка радуются и гордятся своей Доченькой. Моя Порумочка всегда может затронуть мои самые глубокие струны. Века самых глубоких связей соединяли нас. И так будет в будущем. Радна, Ояна, Софья Михайловна и Авирах, вы знаете мою любовь, благодарность и веру в вас. Тарухан и Нару, мы притягиваем вас к нашим самым любимым, самым родным и одним крепким объятием окружаю вас ради радости будущего. Иск. Х.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

10 мая [1924]. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

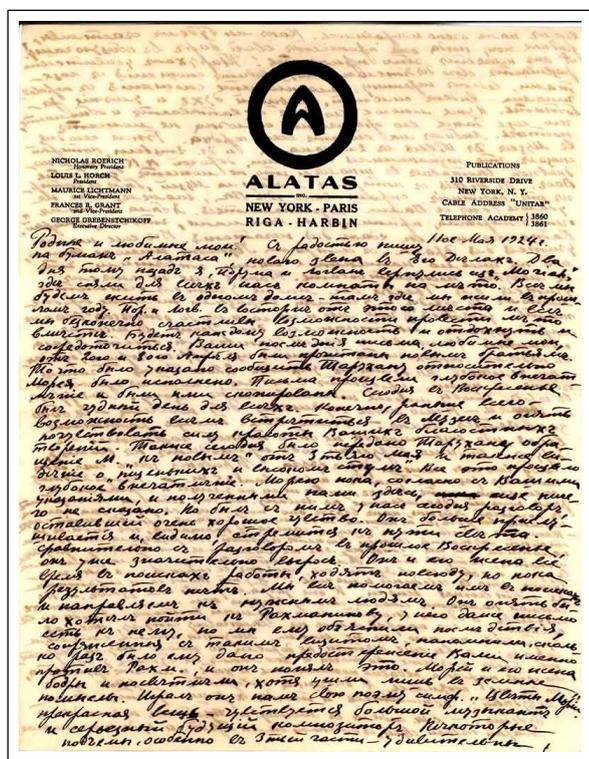
10 мая.

Было бы хорошо послать информацию о Музее в отделы общественной жизни в газетах. Иногда эти отделы притягивают новую аудиторию лучше, чем художественный отдел. Пошлите информацию Ригерсу для Cosmos Club Washington и попросите в письме, чтобы он прислал вам экземпляр своих «Американских писем», где эта информация будет опубликована. Её размер –

две или три машинописные страницы. Когда вернётся Зиманд? Обязательно посетите его. Шклявер пишет о книге Бальмонта в «Алатасе». Что это за книга? Сообщайте нам о всех ваших планах. Ремизов говорил Шкляверу об издании его книги в «Алатасе» на французском. Об этом не было «Указа», и, кроме того, его книги почти не переводимы. Шклявер пишет, что ему приходится наблюдать за складом книг на Rue Vinens, но, кажется, там был Коварский, и он нам кажется более надёжным, чем Зелюк. Зелюк – это тип Руманова. Если бы Руманов мог понять, как много он потерял из-за 3500 франков! Авирах, пожалуйста, пришлите мне значение девяти камней в соответствии с древнееврейскими символами.

Духом с вами,

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с английского)

Автографа письма, л. 1.

11 мая 1924 г. Нью-Йорк
Письмо З.Г. Лихтман к Рерихам

11 мая 1924 г.

Родные и любимые мои! С радостью пишу на бумаге «Алатаса», нового звена в его Делах. Два дня тому назад я, Порума и Логван вернулись из «Moriah», где сняли для всех нас комнаты на лето. Все мы будем жить в одном доме, там, где мы жили в прошлом году. Порума и Логван в восторге от этого места и все мы бесконечно счастливы возможности провести лето вместе. Будет каждому возможность, и отдохнуть, и сосредоточиться. Ваши последние письма, любимые мои, от 2-ого и 8-ого Апреля были прочитаны новым братьям. То, что было указано сообщить Тарухану относительно Морья было ис-

полнено. Письма произвели глубокое впечатление и были ими скопированы. Сегодня в Воскресенье был чудный день для всех. Конечно, раньше всего возможность всем встретиться в Музее и опять почувствовать силу красоты Ваших благостных творений. Также сегодня было передано Тарухану обращение М. «к новым» от 3-тнего Мая и также видение о «низеньких и высоком стуле» Всё это произвело глубокое впечатление. Морею пока, согласно с Вашими указаниями, и полученными нами здесь, ещё ничего не сказано. Но был с ним у нас сегодня разговор, оставивший очень хорошее чувство. Он больше прислушивается и, видимо, стремится к пути света. Сравнительно с разговором в прошлое Воскресенье, он уже значительно вырос. Он и его жена всё время в поисках работы, ходят повсюду, но пока результатов нет. Мы все помогаем им в поисках и направляем к нужным людям. Он опять было хотел пойти к Рахманинову, у него даже письмо есть к нему, но мы ему объяснили последствия, сопряжённые с таким визитом, напомнили, сколько раз было ему дано предостережение Вами именно против Рахм., и он понял это. Морей и его жена бодры и посветтели, хотя ушли лишь в земные помыслы. Играл он нам свою поэму симф. «Цветы Мории» прекрасная вещь – чувствуется большой музыкант и серьёзный будущий композитор. Некоторые подъёмы, особенно в 3-тней части – удивительны, всем нам очень понравилось. Как мы будем счастливы, родные мои, когда он принесёт свой дар в общую чашу! А он имеет что принести! Тарухан удивительно развивает свою деятельность, заводит сношения с газетами, ведёт переписку, налаживает сношения с переводчиками – виден сильный, большой дух и умение работать. И уже многое его дух схватывает и обнимает, чего ещё даже его физическая оболочка не может постичь. Любим мы его от всего сердца. Была сегодня в Музее Dr. Willis, с двумя дамами и Dr. Einstein, который сказал, что познакомился с Вами. Дорогой Н.К., по однодневной выставке в школе, и что не может забыть Вас. Dr. Willis, которым я обошла Музей, был в восторге от картин, спрашивал где Вы, жалел, что не удалось ему с Вами познакомиться. Я была с ним очень осторожна, принимая во внимание, что он «старый».

Каталог школы сдан для печатания. Всё ещё нет учителя для Драмы – с сёстрами Луисон ничего не вышло, ибо на письмо, написанное нами, ответили, что не могут посодействовать. Также ещё не имеем учителя для Theatre Des. Многие учителя остаются летом в городе, и ученики выразили желание продолжать занятия, что мы и наладим до отъезда. Обеим секретаршам мы откажем 2-го Июля, в школе остаются Grunwald с женой (janitor) и будет 2 раза в неделю приходить барышня из office Хорша, преданный человечек. Мы думаем уехать 22-ого Июля. Frances едет с нами, пробудет 6 недель, а потом приедет в город, чтобы многое подготовить к сезону. Моя фраза на Апрель – Благо меч кующему для подвига – в бою закаляется воин. - У нас всех теперь радостное время, ибо ещё никогда не было такой гармонии в круге. Видимо, трудный год приходит к концу, ибо все мы нашли друг друга. <...>

Куплена картина Ньюмана за 800 дол. Rokwell Kent за 2000. Собираются купить Райдера, здесь одна галерея имеет большую коллекцию его картин. Они очень дороги, но, кажется можно будет купить за 2000 дол. небольшую картину. Также ищется Прендергаст (он умер два месяца назад и его картины поднялись в цене). <...>

Завтра у нас концерт старших учеников. Кроме этого будет ещё один детский 24-ого, и последняя лекция Брэгдона 27-ого Мая. В Июне, думаю, уже не будет, ни лекций, ни концертов. Всё равно сезон кончается 1-го Июня.

Сегодня кончили с Franses перевод Ваших статей и проверили точность перевода. Думаю на этой неделе она её закончит и начнёт хлопотать о помещении.

От Яруи получили чудное письмо, он развивает дело, много работает, а везде одному не легко. Он прислал копию-открытку с Вашей первой картины «Гонец», и какая это чудесная картина!

Открытка 1920-х гг. Копия с картины Н.К. Рериха «Гонец»

Возможно, он достанет снимки с других Ваших картин. Пока бесконечно обнимаю и целую Вас, родные мои,

Ваша преданная Вам в служении *Радна*

Мама Вас целует и обнимает.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

12 мая 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к В.А. Шибяеву.

12 мая 1924.

Родной Яруя, будьте добрый, напишите Каю, что мы ждём от него письмо через Вас. Пусть он спросит Бушена или Эрнста, сколько именно моих (личных) и старинных картин в Эрмитаже, если можно — какие именно. Также пошлите открытку моему брату, прося его написать через Вас, но пошлите две открытки. Одну через Александра Белого (Демидов пер. дом №6), а другую через А. Д. Озерова (Большая Подъяческая, №32, госпиталь). Кстати, скажите и Алекс[андру] Дмитр[иевичу] Озерову (муж моей сестры), что писать лучше через Вас. Послана ли книга Селивановой Каю? Пошлите Adamant и книгу Селивановой Петру Алексеевичу Чистякову (Харбин 42, Pekingskaya, Manchuria China).

Войдите с ним в сношения и сообщите о World Serv[ice]. Нет ли дел с Китаем? Чистяков и мой брат Владимир имеют Знаки, но знают довольно

мало, ибо из-за расстояния трудно. Оба — люди хорошие и основательные. Не устроить ли продажу обеих книг в Лондоне — через теософ[ские] и другие магазины? У Вас кто-то был там. Мы так чувствуем, как Ваша деятельность будет развиваться. Вот и в New York, е круг ещё и ещё раз на жизненных примерах видит, как важно действовать лишь через новых. Этим путем обновляются и самые пути действия. И в обновлении происходит и очищение всех понятий. Нет ли новых около Вас? Этот вопрос потому нам важен, что новыми Вы как бы цементируете окружающее Вас пространство. Другой вопрос - где враги? Ибо, неся поручение Учителя, Вы неизбежно столкнетесь с особенными врагами, которым вся Ваша деятельность будет непереносима. Так же как и в Вас всё их явление будет вызывать как бы головную боль. Бывают несовместимые элементы, служащие разным силам.

Как Wierengen? Не упускайте его. Не видали ли Чахембулу? Ваше впечатление от его новых? Он писал о плантации табака. Существо этого дела вряд ли для него. Но он может сдать ведение дела другому лицу. Тарухан и Намела-Нару (данное имя его жене) уже в Америке.

Шлём Вам бодрость.

Духом с Вами

Публикуется по: Н. К. Рерих, "Держайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

14 мая [1924]. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

14 мая.

Мы получили письмо от Тар[ухана], последнее из Парижа. Конечно, как и следовало ожидать, вечер 20-го выявил врагов Тар., отмечайте всех врагов и друзей, потому что они не ваши или мои враги, но враги дела, враги всего нового и прекрасного, и друзья – это также друзья дела, в которых искры истины могут разгореться в пламя. Работа Нару, как и всех вас, оценена и *свыше*, потому что она названа «достойной доверия», и ей было дано имя. Это большая ступень, и мне грустно из-за вашего *страха* перед Ремизовым, потому что никто не уйдёт далеко, будучи окружён старыми предрассудками. Он чувственный писатель, но он пишет только о визах и деньгах. Ему придётся пройти трудный путь, потому что от перекрёстка [путей] нельзя уйти. Рано или поздно придётся начать восхождение по лестнице духа, и потому благо тем, кто уже прошёл часть лестницы. Мы рады контакту Боссомы – это начало, к которому в будущем подойдёт многое. Устройте его членом жюри, потому что он знает всех архитекторов. Правила для жюри возьмите из обычных американских конкурсов, для того чтобы не было никакой критики. Лучше всё организовать по обычным правилам, потому что, в конце концов, формальность не имеет глубокой важности. И, главное, не будет ненужной критики. Конечно, каждый не получивший приз, будет ужасно осуждать жюри. Это уже международный и неизбежный факт. Для нас конкурс важен как пропаганда и распространение идей. В проспектах конкурса надо упомянуть Школу, Музей и Алатас, где можно получить информацию о конкурсе. Таким образом, все дела могут быть вместе и тем самым производить более сильное впечатление. (Особенно как библиотека при Школе). Случай, подоб-

ные Сутро, были со мной и с Юрием не раз, и особенно в Амер. Есть ли уже план по распространению книг «Алатаса»? В Brentano один продавец говорит по-русски.

Целуем вас крепко – духом с вами,

Р

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

14-15 мая [1924]. Дарджилинг

Письмо Е.И. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

14 мая.

Мои родные.

Вчера пришли ваши задержавшиеся письма от 3, 4 апреля и от 20го из Парижа. Вероятно, они пролежали в цензуре, и письмо Тарухана откровенно вскрыто. Радостно читать о ваших новостях. Они свидетельствуют о вашей растущей активности и бодрости духа. Тар. и Нару, отдыхая после своей огромной деятельности в Париже и знакомясь с новыми условиями, не остаются позади. В ваших письмах много вопросов, поэтому сначала я отвечу на них.

1. – о конкурсе. Можно сказать, что правила в разных конкурсах разные, и для вас лучше ознакомиться с теми, которые бывают в Америке, которые будут ближе.

2. – вместо соперничающей комиссии попросите Боссма дать листок судьи конкурса.

3. – бояться выставлять присланные разработки не следует, потому что критика неизбежна и следует принять её спокойно.

4. – с подписями для Большого Приза, наш совет – не спешить, потому что лучше, когда подписи будут собраны позже. Пусть Музей войдёт в жизнь.

5. – в настоящее время вы можете продолжать <... > среди явлений их друзей и найти подходящую минуту. О Штилле – я бы также подождала. Случившееся с Сутро не удивляет нас, он известен своей осторожностью и скарденностью. Возвращение визитной карточки не было оскорблением, потому что в его глазах она имеет определённую ценность, из-за которой её не надо было выбрасывать, кроме того, в Амер. правильно вернуть визитные карточки. Такие случаи были с проф. Р. и с Юрием, среди дружелюбных и очень хороших знакомых. Не имея места, где их хранить, они возвращали их, вполне возможно, в нежелательные руки, или просто потому, что она вам больше не понадобится. Так это было сказано нам, и мне это нравится.

6. – Автор картины «Чтение манифеста» Григорий Чернецов. Стоимость более \$300.

7. – Проф. Р. к своей статье может послать фотографии своих новых картин, но специальные эскизы он не будет делать. Иллюстрации на фотографиях в этом доме не в стиле и старые. Не забудьте пригласить в Музей экскурсии школ и клубов. Картины из К[орона].М[унди]., конечно, могут висеть на лестнице или в балетном классе, выбирая самые сильные и по цене не очень дорогие.

Кажется, я ответила на все ваши вопросы и сейчас могу перейти к тому, что наиболее драгоценно и что я хочу рассказать вам – 12 мая – «Также напи-

шите в Америку, что в случае недоумения пусть молча посидят вместе и думают одну мысль. Скоро поймут, насколько такой молчаливый совет практичен. Ринем силу духа по одному руслу. Получается необычайный разряд, усиленный магнитом и согласованный ритмом. Закон, что две согласованные мысли в семь раз увеличивают силу. Научите также, что свет должен быть мягкий, ровный для всех. Знак может служить привлечением для глаз. Повторяю, это не магия, но практическое соображение».

Пусть каждый свой знак положит перед собой.

13 мая: «Будешь завтра писать в Амер[ику], прибавь от Меня: "Знайте, как красиво встречать волны – не получение сладких пирожков, ноковка меча. Не обсахаренные пальцы, но мощь десницы воителя духа. Пойти навстречу врагу, не признавая его, и пройти к Воротам, не обернувшись, – Наш Путь. Мы знаем поступь суждённых победителей. Главное, не прыгайте на пути. Главное, чтоб Мы могли восхищаться непобедимостью шага вашего. Пристойнее Лучу освещать идущих, нежели прыгать за прыгающими. Многие умели люди, но редко умели красиво кончать. На заре утра или вечера, на походе и на отступлении, на полете и на нырянии подумайте о Нас, следящих. Красиво будет и достойно. Неужели открывать страницу истории, когда великаны затруднялись перешагнуть ручей. Когда лёгкое темнилось некрасивым и ум шатался, теряя красоты суждений. Но явление сложных задач лишь радость для математика. Тогда остаётся мощь молчания, о которой уже сказано".

Потом пришла тоже радость: было указано подготовить книгу в трёх частях. *Первая часть* – общее учение, и она должна быть скоро издана; *вторая часть* – описание жизни Братства и его членов. В неё также входят пророчества и история камня. *Третья часть* – всё, что имеет отношение к нам, касательно наших прошлых жизней и о миссии. Таким образом, весь материал работает по трём каналам. Первый несёт прежнее имя. Второй – Озарение. Третий – Жизнь. Конечно, последние два будут напечатаны позже, по указу. Для первой книги на англ. нужно взять из русской книги всё, что в неё не вошло. Мои родные, эту работу вам придётся делать самостоятельно, потому что мне заниматься переводом в настоящее время невозможно. Когда будет разрешено, я вам всё, всё расскажу. Ничего не утаю для себя. Теперь, как вам начать перевод: на отдельной странице без даты поместите всё, что стоит под датой 25 нояб., с. 133 «Слушайте, ибо хочу, чтобы вы могли ближе подойти ко Мне». Это будет началом. Нечто вроде вступления книги. Затем вы поставите 26 авг. 1923 г. с. 116 «В древних судах...». И затем по порядку вы переведёте всё, что не вошло в английскую книгу. Трилогия, а также все автоматические писания должны быть исключены. Это сделает его [перевод] абсолютно чистым. Я отмечу все даты, которые должны быть исключены. Сент. 29, 30, окт. 14, 28, нояб. 4, дек. 2,9,23,30, янв. 20,27, февр. 3,9, март 3 – исключаются, но не всё. Нужно перевести следующие периоды, которые не вошли в англ. издания. Не бойтесь, потому что то, что хорошо продумано – надёжно.

«Умейте защитить Имя Моё и Дела Мои от предателей, ибо много случаев будет перед вами, когда можете положить конец клевете. Время действия и Наше доверие с вами».

Новый материал готовится. Скоро я его вам вышлю. Я хочу ещё раз его проверить и получить подтверждение от М.М. Как здоровье Пор[умы]. Она прислала мне такое милое сердечное письмо. Её тепло окружило меня. Я счастлива от её радости, потому что моё самое сокровенное желание – прино-

сильно как можно больше радости. Родные и любимые, с радостью и гордостью мы прочли слова Учителя об Авирахе. Все вы так близки и дороги нам, что, что бы ни было сказано ласковое одному, хочется отнести ко всем.

15 мая – я хотела бы закончить, но должна добавить замечательную беседу, потому что она – радость для вас. 14 мая. «Огонь опалает несовершенные мысли. Как иначе собирать колыбель достоверных достижений? Очень важен опыт пропускания мысли через Луч. Каждый выражает свою сущность ауры, но отдельные мысли бывают разноценны по духовной консистенции. Тогда *тело* мысли может быть испытано особым лучом. Присутствие внутренней духовности озарит мысль цветом ауры, но если мысль низкая, она под Лучом сгорает. Получается не только испытание мысли, но и дезинфекция пространства.

Можно представить себе, как Луч проникает пространство и находит прекрасные сокровища, и как поглощаются красные и оранжевые огоньки, вымогатели и преступные отравители. Как же очищать слои над землёю, когда даже на глаз они дымно-оранжевого цвета?

Изобретение Луча, пропускаемого через *препарат лития*, делает честь его изобретателю. Можно в значительной степени оздоровить атмосферу и тем способствовать спасению многих. По тому же Лучу можно увеличить нахождение проблесков духовности. Главное же, уничтожить бактерии низких мыслей, которые заразительнее всех болезней. Заботиться надо не о произнесённых словах, но о мыслях. *В течение* одного слова десять мыслей рождаются.

Обсуждение этого изобретения составило конец *Нашего явленного Служения*, когда в Собор приносятся лучшие находения – подобное будет на А[лтае]. Не завидую людям, испускающим низкие мысли, ибо пламя коснётся их очага.

Луч Матери Мира – так называемый Новый Луч. Не будем мельчить эту новую эру».

– Итак, самые практичные действия, чистые законченные мысли и самые широкие достижения, потому что мы не будем опалены огнём Луча и будем одеты в радужную ауру. – Приласкайте Нару. Она этого очень заслуживает. Я знаю её положение, и она понесёт знак ладони и отпечатка стопы. Всё будет сделано руками человеческими и ногами человеческими. Только этот путь мы принимаем и только так вкушаем из чаши Амриты. Скажите Василию и Марии, что я очень жду от них настоящее письмо, так как пока Морей написал только одно короткое красование, и Мария прислала два письма, но увы, тот огонь, которым были освещены все письма круга, там я не нашла. Дорогая Мария, читайте больше данную благословенную мудрость. Спрашивайте новых друзей и мужественно и радостно принимайте все испытания. Никто из нас не освобождён от них. Всё должно быть оплачено, и счастливы те, кто может пройти их, имея вокруг себя и выше себя друзей, всегда наблюдающих за Вами и готовых помочь в последний час. Но помните – *только в последний час*. Важны Ваши стремления, Ваша инициатива.

(Я видела в *Соборе службу* и слышала музыку).

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

15 мая 1924 г.

Письмо Н.В. Кордашевского к Рерихам Н.К. и Е.И.

15.5.1924

Дорогой Учитель,

Два дня провёл со мной Яруя, и это для меня была большая радость. У него есть изображение Св. Сергия, которое он показал мне. Воспоминание об этом изображении всегда со мной. (Иконопись - искусство, которое мало кто понимает и ценит). Забыть черты этого лица нельзя.

В прошлых письмах писал я Вам о моей бодрости и покое душевном. На фоне этого иногда излучается и радостное настроение. Замечаю я и то, что в серьёзных случаях у меня являются правильные решения. Например, поездка на Восток, если таковая состоится. Сначала я колебался, а потом пришло ясное решение. Или о новых: как-то прекратилось общение их со мной. Я решил сам не идти навстречу, но ждать, когда они позовут, ибо «следует лишь заботливо встречать приходящих».

Спокойно у меня отношение и к суетам мира сего. Не забочусь ни о будущем, ни о настоящем и делаю только возможно тщательнее то, что даётся каждым днём, не заботясь о результате. Чувствую, что и просить ничего не надо для себя — ибо всё будет дано в своё время, а каждая мысль моя читается каждый день, и мне не нужно просить ничего, так как, если нужно, каждая просьба моя будет предупреждена заранее. Я не успею даже оформить в сознании, что мне надо, как оно уже будет дано, если это нужно. Большое или малое - всё равно.

Просить следует только достижений и чистоты. И в этом отношении стучаться и должно, и можно. Живу мыслью в будущем, думая о красоте и грандиозности. Духовно прийти на помощь кому-нибудь - доставляет мне большую радость, и когда представляется случай - я никогда его не упускаю. За всё благодарю, всему радуюсь - таково моё состояние, в котором сейчас пишу.

Есть правда одно, что несколько тяготит меня теперь. Но это такая мелочь, что есть она или нет - важного в этом не вижу.

С одной стороны, у меня нет занятия, которое делало бы деятельным мои досуги. Того, что наполняло бы моё время всегда и не давало бы ненужным мыслям посещать меня, что так возможно в минуты бездействия.

Одно время выдумал я себе занятие - египтологию. Но бросил. С одной стороны, изучать мёртвое - нет пользы. С другой, по источникам официальной науки, в которой всё ложно, - противно. Великая Египетская религия трактуется просто как поклонение Светилам. А я знаю, что это ложь.

Я не могу погрузиться в коммерцию, в сельское хозяйство - это совершенно не мои области и душе ничего не дают. Литература, какие-нибудь науки - но здесь я смогу только читать чужие мысли. Мне же нужно творчество. К сожалению, я не могу рисовать, не могу заниматься другими искусствами - нет таланта. И у меня нет радости, быть всегда занятым тем, что интересует.

С другой же стороны, надо нечто, что связано было бы с красотой. Не с той великой красотой Служения, Жертвы, Подвига. Я говорю о малом, каждодневном. В малом есть также пути к Красоте - может быть, и пути к более глубокому пониманию Великой красоты.

И интерес, и красота соединяются у меня в той области, которая мне страшно близка и к которой я чувствую большое призвание. Это оккультные науки. И их практика. Кроме того, у меня врождённая любовь к церемониальной магии, к ритуалам, к работе в этой области. Через это, как другие через искусство, я подхожу к пониманию красоты. Работа, связанная с точностью, с постоянным вдумчивым отношением, с интересом к результатам. Конечно, я далёк от того, чтобы показывать фокусы невеждам. Искать клады. Употреблять тайны природы для личных целей. Всё это мне уже не надо. Но проникнуть в сферы Акаши-хроники и прочесть историю Земли. Суметь составить гороскоп. Знать тайные свойства целебных трав. Войти в общение с существом элементов - которые такие милые, добрые существа - это было бы занятие и работа для меня интересная и заполняла бы досуги.

Любовь к этой науке живёт во мне, и уничтожить эту любовь к ней я не в состоянии. Я, конечно, не вижу в этом ничего серьёзного. Будет время, когда это покажется мне детской игрой — но теперь эта область доставила бы мне интересное занятие.

Пишу обо всём этом не как о просьбе, а для того, чтобы очертить то состояние ума, в котором я нахожусь.

С любовью шлёт привет

Чахембула

Публикуется по изданию: "Дельфис" №21(1/2000)

17 мая 1924 г. Нью-Йорк

Письмо З.Г. Лихтман к Рерихам Н.К. и Е.И.

17 мая 1924 г. N.Y.

Дорогие и любимые мои! Концерт старших учеников сошёл прекрасно, играли все как-то особенно хорошо и радостно было видеть, с какой любовью они относятся к школе. Это замечается уже на многих. Как я Вам уже писала, куплена картина Кента из северной серии Аляски, за две тысячи. Вчера я с Порумой ходили по разным галереям и присматривались к Райдейру и Прендергасту. Мы с ней ходили каждый четверг вместе. Она велела послать на дом 3-х Райдеров и 2-х Прендергастов, чтобы выбрать из них, когда мы всех соберём. Самый дешёвый Райдер стоит 2000, маленькая картина – море, освещённое луной и лодка. Другая – немного побольше, сюжет тот же – четыре тысячи. Очень приятный у него тон и освещение, главным образом писал море, освещённое луной. Я видала картин 12 его, небольшие полотна, все страшно дороги, имеются лишь в 3-х галереях. Мне лично он кажется похожим на Куинджи, хотя я сужу лишь по одной оставленной у нас картине. Одна картина Прендергаста стоит тысячу, другая 2500. Обе очень хорошие, большие полотна. Замечательно, со времени его смерти (он умер пару месяцев тому назад) на его картины установилась какая-то биржа. Галереи скупают его картины и цены растут. Кент обещал дать лекцию в будущий сезон, также Мильтон. В жюри контекста Боссом прибывают прекрасные люди, директора Музеев, профессора университетов, артисты, видные музыканты. Скоро будет готов весь список, и мы пошлём Вам. Боссом всё ещё пишет, но реже, по письму в день (раньше было по два). О нём появляются статьи в газетах, и он доволен. Когану написано письмо, также Freund'у и японцу.

На днях будет отнесена статья Мерриту, она уже переведена и на днях вышлем Вам русскую и английскую копии. Frances написала Review об Адаманте и книге Селивановой и пошлёт в Times – увидим, если примут. Если нет, пошлём в другие газеты. Легенду вернули из Atlantik, Century и Nargiss Magaine. С Rogers'ом тоже не вышло. Теперь послали в "Bookman"

Любимые, посылаю Вам фразу мамы за прошлый месяц: Мечом кованым у Храма стоим «Твоё Имя от врагов охраняем; стрелы врагов твоя рука отведёт и победа будет за нами»

Теперь, родные, хочу Вам написать мои впечатления за последние 3 недели о наших новых братьях. Оглядываясь назад на два года, могу чистосердечно сказать, что вижу в них то, что мы делали раньше и что, в своей огромной любви к нам и мудрости, любимые мои, Вы нам простили, видя всё. Нам легче, мы уже прошли через много испытаний, этот год был нелёгким, ибо укреплялось наше единение, а Вы знаете. Судя по моим письмам, как это подчас бывало тяжело. Но всё же мы достигли, и я могу сказать, никогда ещё мы так же чувствовали своё единение и силу, как именно теперь, перед новопривычными.

И это сознание и вера в то, что и они, пройдя свои, нужные им испытания, придут к пути света радостными и обновлёнными, заставляет нас любить их ещё больше. Конечно, теперь нам трудно, а им ещё труднее. Ведь они так мало знают, а думают, что уже всё знают. Поэтому творят много лишнего. Тарухан упрям, скептически относится ко многому, хочет во всём подчеркнуть своё «Я» и желает выпытать многое вместо того, чтобы спросить. Думает о личных выгодах, говорит красивые слова, ещё не научился отдавать, хотя всё время говорит о готовности умереть с мечом в руках у Храма. Приведу пару примитивов, которые, думаю, Вам нужно знать.

Пошёл он во все здешние русские газеты, также в большев[истские]. И сказал им, что никогда не считал их порядочными, что всегда служил и писал в «белых» газетах. А пришёл, чтобы поместить анонс об Алатасе и его книгах. Рассказал нам это и добавил, если его, мол, там и разругают, будет у них и интерес к его книгам. Пошёл в здешнюю правую газету, приняли его чудно, уступили анонсы за 1 дол.! (неслыханно дёшево!) и он дал две заметки, впутав именно Master Inst. и Corona M. Я Вам пришлю эти заметки. Зачем было, не спрашивая нас, говорить в таких местах об учреждениях? А главное, мы его предупреждали против русских, читали Ваши письма, да и он читал Ваши письма к нему. Правда, когда он дошёл до места, где Вы его предупреждали о русских, он прекратил чтение и сказал, что это его волнует и он видит убедительность этого. Мы ему многое на это объяснили и доказали, но он, видимо, не согласился с этим. Ибо, пойдя в Моск. Худож. Театр, рассказал им о Музее, просил их придти. А придя к нам, сказал что многие из них Ваши противники, но если они придут в Музей, сразу поймут и просветлеют! Просил, чтобы позволили им посетить Музей в будний день, но ему в этом отказали, мотивируя принципом и что они могут явиться в Воскресенье.

Несмотря на это, когда его навел на днях Лужский (главный режиссёр) с женой, он опять попросил, чтобы для них открыли Музей, но Модра отказала. Любит он ещё громкие имена. Трудный вечер у нас был, любимые мои, когда мы (без Хоршей) читали им Ваши последние письма от 11-го и 15-ого Апреля. «Простота и бесстрашие» не особенно понравились Тарухану. То, что Вы пишете об обложке Микулы, а также о ненужности вечера

20-ого Апреля в Париже, было принято с неудовольствием, ибо касалось личного. Надо сказать, что они на днях планировали устраивать будущей зимой ряд литературных вечеров. И конечно, то, что Вы пишете, их поразило. Из всего лишнего сказанного Таруханом, приведу лишь пару замечаний. Во-первых, он сказал, что мы заняты руководством круга и отрезали себя от всего мира, вроде секты (В этот день не позволили артистам Моск. Х.Т. Посмотреть Музей – потому мы оградилась от мира!) Затем спросил – соглашаемся ли мы всегда и буквально ли исполняем всё, что Вы нам пишете. Когда мы на это ответили утвердительно, он сказал, что он ещё не всегда соглашается с Вами. Например, когда Вы ему писали об обложке книги, он позволил себе Вам возражать и пошёл наперекор. Но он сознался, что многого не понимает в Книге, я предложила ему читать её вместе. У него большой дух, интуиция, но привычки тела, тяжёлый характер пока доминируют. Главная наша задача, это внушить ему, чтобы не приводил тёмный элемент в дом света. Мы все верим в то, что он скоро осознает и примет многое. С Мореем пока говорить невозможно. Всё он давно уже знал, по пути света шёл всегда и теперь лишь продолжает, Книга ему ничего нового не открыла. Говорит много бестактностей и жалко его; боюсь, что он много трезвонит, куда-то ходит; в обоих есть элемент хвастовства, у Мореев он громче. Мы решили с ним пока не говорить много о духовном, ибо он начинает явно придирается к словам, ничего не хочет слушать, так что надо ещё ждать! Но мы все относимся к нему с любовью и всячески стараемся ему помочь.

Пока, конечно, несмотря на их поиски, у них ничего определённого нет. Менажёры пока не особенно интересуются, уроков нет, да теперь вообще трудно, ибо сезон кончен. Мария А[лексеевна]² ищет всё время работу, готова взяться за всё, но и для неё что-либо нелегко найти. Но если ей удастся найти работу, они смогут переждать до зимы. Пока им сняли комнату. Хорш заплатил. И каждую неделю будут им давать, что нужно. Но Морей опять легкомысленен. Уже хочет хлопотать о приезде своей матери и сестры и ещё каких-то своих 3-х учеников. Тарухан же хочет через месяц поехать на ферму, там зарабатывать деньги работой. Неужели правильно уже оставить Алатас, только начав его? На днях, наверно, он получит ответ от переводчика Friedlander'a, продаст ли он «Чураевых» одному большому издателю и на каких условиях. Затем здешние русские магазины купили «Микулу», книг 30. Начата переписка со всеми здешними издателями и магазинами Америки по поводу покупки книг. Также ведётся переписка с Берлином, Прагой, Ригой и т.д.

Я пока не вижу, как все эти только что начатые нити, можно бросить на 2 месяца. Нару (как она обрадовалась этому имени, светлая душа!) была больна неделю простудой, теперь выздоровела и опять весела и бодр. Она так стремится к свету, просит объяснений и вся светится. Не взыщите, родные мои, не хотелось мне писать Вам этого, что нужно это сделать для пользы же новых братьев. Ибо я твёрдо верю в то, что наши здешние общие усилия, а главное, Ваши письма, им помогут прозреть и понять истинный путь служения. Ибо они теперь думают, что они «призваны» и «выбраны», но не сознают ещё, что должны принести в общую чашу служения. Если я и неправильно поступила, написав Вам, может быть и в резкой форме, есть

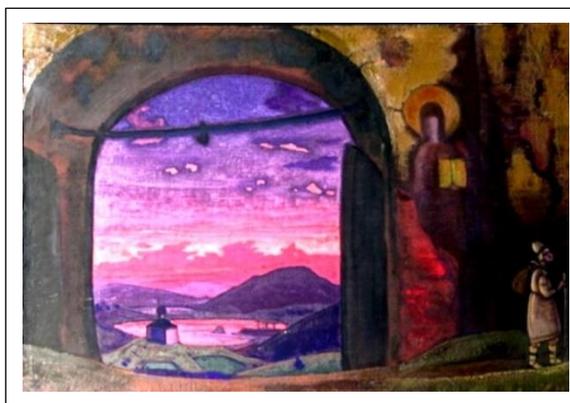
² Мария Алексеевна – жена Завадского (Мореев). – ред.

факты, то прошу простить меня и указать мне на ошибки мои и я с радостью сделаю всё, что Вы укажете.

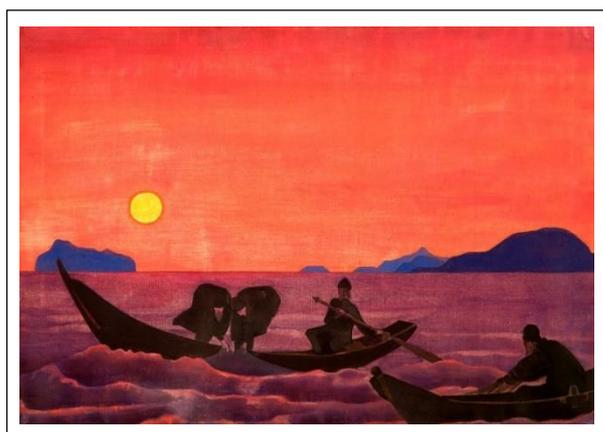
Пути простоты, красоты и бесстрашия нам уже ближе, ибо прошли уже через большие испытания и поняли, что бесстрашием можем приблизиться и дойти к кра соте. Конечно, это чаще легче на словах, нежели в действии, но мы все стремимся к этому проведению этих великих, указанных нам истин, в жизнь.

<...>

Скоро выходит наш новый каталог. Не знаю, писали ли мы Вам, что одна большая здешняя книжная фирма заказала по копии Адаманта, книги Селивановой и Листы Сада М. Также продано по 5 копий книги Майделю. В общем, мы не знаем как распространять Книгу, как русскую, так и английскую. Не знаю, писала ли я Вам, что Шклявер в своём последнем письме Логвану пишет, что в виду того, что Гребенщиков, Завадские и «многие другие» едут в Америку, и ему хочется приехать и дать ряд лекций о интернациональном праве в Master Institut, и он уверен, что издержки и расходы будут легко покрыты от продажи билетов. Характерно, не правда ли?

Н.К. Рерих. Святой Сергий. 1922.

Н.К. Рерих. И мы продолжаем лов. 1922.

Над картиной “And we are fishing” (Красное небо) висит Св. Сергий (мальчиком). Правильно ли это? Если нет, что по-Вашему должно там висеть? Если нет, что по-Вашему там должно висеть? Стена с боковым с ветом, у окна. До сих пор ещё не поставили «Последнего Ангела» на мольберт, ибо не знаем,

как это сделать. Ведь в первой зале Ваш портрет на мольберте, дорогой Н.К. Может быть во второй комнате, у окна?

С нетерпением ждём Ваших указаний после получения плана Музея. Музей решили закрыть на Июль и Август, хотя некоторые учителя остаются и занятия в школе будут продолжаться. Также остаются в школе Грюнвальд с женой (janitor). Мы думаем уехать все 21-го. Модра через 6 недель вернётся. Пока крепко обнимаю и целую Вас, мои дорогие и любимые,

Ваша преданная Вам Радна,

Мама Вас обнимает и целует, всегда ощущает Вас близко.

P.S. Получилось письмо от Проф. Макаренко. Пишет, что очень рад сведениям об учреждениях, просит каталоги Музея Рериха, упоминает, что Н.К. его друг. В конце просит, не сможем ли мы издать его два больших труда «История Украинского искусства» и «История искусства Скифов», здесь, безразлично на каком языке. Со множеством иллюстраций. Как Вы на это смотрите?

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

17 мая 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

17 мая 1924.

Родные и любимые. Пришли ваши письма от семнадцатого и двадцатого апреля. Нам больше всего нравятся ваши мысли о том, чтобы закрыть Музей в июле и августе. И вам следует основательно отдохнуть в Мориях. Так много произошло в течение этого сезона, что вам надо прийти в равновесие и запастись новыми силами. Пришло время, когда дереву нужно дать возможность расти в земле. Многие вещи при строительстве не могут быть сделаны быстрее быстрого, и каждое дерево должно иметь время для роста. В противном случае сосуд будет переполнен. Вы все можете мужественно выждать время. Конечно, для директора «Алатаса» будет много работы, для того, чтобы наилучшим образом всё организовать, потому что скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Привлекать друзей также не торопитесь. Их всех разрывает на части, и обычно они не могут собрать свои мысли. Вы пишете о получении поддержки видных людей для Нобелевской премии. Это меня очень сильно трогает, но не надо торопиться. Есть вещи, которые чем позже сделать, тем лучше. Размещать Легенду и статью в самых больших изданиях тоже не следует. Иногда сам факт публикации, даже в маленьком журнале какого-то общества, вполне достаточен, потому что наши пути новые и наши методы также новые. Мы рады конкурсам Боссома; дополнительные публикации и новые люди в жюри. Интересно, будет ли Бринтон в жюри, был ли он в Музее? Не трогайте его до времени, пусть он войдёт в течение конкурса. Везде так много столкновений, так много суматохи, и только время и Водительство могут позволить понять ситуацию. Сейчас нет ничего простого: Люди теряют способность объединяться. И все их стремления и решения быстро проходят. Неспешное приобщение таких людей, как Де Бей, Хилле, Брэгдон и поиск новых учеников – всё это чистая вода, которая поистине принесёт новые возможности, и мы радуемся, видя, как мужественно вы встречаете волны. И мы

неустанно работаем, имея в виду *только новые*, без любых старых условностей, решения. И потому во имя Света мы будем сражаться.

Духом всегда с вами

P.S. Снова указания на клевету, и даже в субботу было сказано сидеть молча, посылая вам *мужество*. Было указано, что клевета имеет свои источники в некоторых *русских кругах*. С ними надо быть весьма осторожными. Не вступайте с ним ни в какие разговоры о нас. Только скажите: «Не говорите того, что вы не знаете».

Проследите, когда уедут Сомов и Грабарь. Вы можете представить себе, как задевает их любое упоминание о наших учреждениях, при их не успешности.

Если Меррит не возьмёт «Похвалу врагам», нет ли какого другого молодого издательства, где слово мужества достигнет не Хирста, но новое и юное сердце.

В июле я пришлю семь или восемь фотографий с новых картин. Их можно будет разместить. Также пришлю описание этих трёх новых серий картин. К описанию можно обращаться, но не цитируйте мой оригинал, а просто сохраните в архивах.

Голдинг совсем молчит? О двух костюмах в Чикагском Институте Искусств лучше спросить Шолле в письме, не получили ли они их от Ланцелотти. Шолле руководит там новым отд[елом] декораций.

Памятка (16 мая). Приехал ли Зиманд? И немецкий журналист Фройнд?

Было бы хорошо найти и поближе познакомиться с Мэри Сигрист. Она обычно писала и говорила хорошо.

Пришлите нам несколько экземпляров объявлений о книгах. Мы хотим разослать их здесь.

Для публикации Легенды самое лучшее – это найти просто провинциальный журнал или газету; важен только сам факт публикации.

Была ли статья Тарухана в газете «Сегодня»? Тарухан, будьте добры, отправьте мне список друзей и врагов, которые проявили себя на вечере двадцатого. Главное – иметь надлежащий горизонт. И я снова повторяю. Враг – для всего дела. Не заметили ли вы новых друзей среди молодёжи?

Книгу «Пути Благословения» сейчас лучше издать у Зелюка только по той причине, что книга должна быть дешевле и должна быть доступна для новых и бедных классов. Не надо пытаться продать её в Париже, так как там нет почвы. Но Харбин, Прага, Финляндия лучше. Интересно, что Зиманду было рекомендовано читать «Цветы Мории» в Петрограде.

Будет хорошо достать у Когана экземпляр статьи Маковского. Попросите его об этом для меня.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

18 мая 1924 г. Харбин

Письмо П.А. Чистякова к Рерих Е.И.

Харбин, 18 мая 1924

Дорогая Елена Ивановна,

От всей души поздравляю Вас с днём Вашего Ангела и желаю Вам дальнейшего роста духовного.

Я с особенной радостью спешу воспользоваться привилегией обратиться непосредственно к Вам, так как в последние недели внешняя обстановка моей жизни особенно удручала меня и вызывала потребность в поддержке более сильного. Ваше же участие в моей жизни всегда сопровождалось для меня какой-нибудь радостью! Я припоминаю особенно живо, как Вы спасли меня от поездки в Вашингтон (в конце января 1922 г.). Теперь я тоже верю, что Ваше участие принесёт мне помощь и даст мне душевный мир. Я верю, я хочу этому верить! Ведь «чем глубже скорбь, тем ближе Бог».

На днях я виделся с о. Иннокентием Петелиным, законоучителем Коммерческого училища, о котором я как-то уже писал. По поручению Николая Константиновича, я передал ему присланную для него книгу. Его первое впечатление о ней: в ней много библейских и святоотеческих мотивов. Он собирается в начале июня уехать на глухую станцию и взять с собой эту книгу и несколько любимых им трудов епископа Феофана. Он обещал написать Вам искреннее письмо как людям, родным по духу. По его представлению, Вы — неумолимые «искатели Бога». Так это?

Как странно, что в Харбине, окончательно превратившемся в самый гнусный вертеп, среди эпикурействующих людей, привыкших жить интересами только текущего дня, остались затерянные как в океане души, тоскующие по вечному и бессмертному! Я не знаю, удастся ли о. Иннокентию окончательно освободиться от узостей нашего конфессионализма, в котором он вырос. Поэтому попытайтесь отнестись возможно снисходительнее к задуманному им письму. Всё, что он напишет, будет исходить от чистого сердца! Есть в Харбине другой священник - о. Николай Вознесенский, учёный человек, автор многих учебников по религиозным предметам, глубоко верующий и так же, как и о. Иннокентий, вполне искренний. Сдвинуть его из круга заученных им и накрепко усвоенных идей - почти невозможно. Впрочем, я и не пытаюсь никогда разубеждать в чём бы то ни было своих собеседников, раз вижу, что высказанное ими мнение является их искренним убеждением. Нельзя ведь думать, что к истине ведёт только одна дорога. Дорог - много, но вопрос - кото-

рая из них прямее (и короче). Отец Николай, зная мой интерес к мистике и оккультизму, предложил мне прочесть на организованных им «Высших Богословско-философских курсах» ряд лекций об оккультизме, теософии, антропософии и прочих изгибах мистики.

Я, разумеется, отказался, так как положительно чувствую себя в этой области полным профаном. К Розенкрейцерам я не хожу уже более года (после того как Николай Константинович сообщил в одном из своих писем, что «нам с Р. не по пути»). Книг нет, да из книг ничего нельзя почерпнуть. Нужно живое руководство. И я верю, что рано или поздно найду своего руководителя.

Ваша книга будит мысль, создаёт порыв, но ещё не даёт конкретного руководства. Я умоляю Вас и Николая Константиновича дать нам это конкретное руководство! Жизнь ведь не останавливается, и каждый потерянный день придется впоследствии оплакивать. Искренний привет мой и лучшие пожелания Николаю Константиновичу и Вашим «Светикам» - Вашей законной гордости.

Всей душой Ваш

П. Чистяков

Вестник Ариаварты. 2005. № 1

23 мая 1924 г. Нью-Йорк

Из письма З.Г. Лихтман к Рерихам Е.И. и Н.К.

23-е Мая 1924 г.

Родные и любимые мои!

За последние дни нахлынули много событий. <...>

Не знаю, родные мои, писала ли я Вам, что в прошлое Воскресенье он [*Гребенщиков - ред.*] и Frances пошли с визитом к Mrs. Corgood и там встретили весь Моск. Худ. Театр и много лиц Русской Выставки, Коненкова и др. Можете себе представить ужас Frances! К тому же ещё одна визитная карточка – она подседа к матери Mrs. Corgood, и та вдруг ей заявляет, что она не ценит Ваше творчество! Можете вообразить негодование бедной Модры и та знала, что она Ехсс. Dir. школы. Вся эта атмосфера и ауры кругом так на неё повлияли, что она через час ушла, а Тарухан остался. Тарухан нам сказал, что Ремизову надо дать 150 дол. авторских на 2000 выходящих книг «Звенигорода». В Париже он ему дал 25 дол. задатка, теперь хочет ещё послать 25, а через 2 месяца другие 25, остальные же 75 по мере продажи ежемесячно.

Вышлем Вам на днях отчёт за расходы и капитал Алатаса. Что должно выйти раньше – Пути Благословения или Василий Чураев, или же обе сразу? Какие указания будут относительно выхода книги Бальмонта, на которую Тарухан дал 300 франков ему? Относительно «Путей Благословения», мы всё перерыли в школе, но не нашли русских копий указанных Вами статей и прямо в отчаянии. Не знаем, что делать, ещё будем искать.

Статью, посланную Вами для Theosofist'a уже перевели, вышлем её Вам на днях. Какая близкая и дорогая нам всем статья. Мы буквально переживали всё там сказанное, когда читали и переводили её. Мы сделаем копию на машинке по-русски и пришлём её Вам. «Струны земли уже выслали Вам на английском и русском. Модра понесла её Мериту, он просил оставить её для

просмотра и, перелистывая, сказал, что очень интересный материал, много о Вас спрашивал, дорогой Н.К. и сказал, что хотел бы быть с Вами теперь.

У нас большая радость – уходит из школы Альберт Стернер, он открывает в будущем году свою собственную студию. Вот и отпал «сухой лист». Гальперт будет преподавать его предмет. Возможно, и Mrs. White уйдёт, мы бы этого очень хотели, ибо она явно враждебна школе и ставит невозможные требования – ей нужны 2 комнаты, и она устраивает 5 stillife [натюрмортов (англ.- ред.) сразу, ученикам нужна раздевальная и т.д. Но самое главное, что она угрожает, что ученики устроят чуть ли не стачку, если им не дадут всё, что они требуют. Если она уйдёт, Halpert прекрасно сможет преподавать, ибо мы видим по его ученикам (у него 3) какой он хороший учитель. Он, видимо, предан делу и стремится увеличить свой класс.

Найден учитель для Theatre Decoration. Как Вы будете радоваться, любимые мои, когда узнаете про дела и приход школы этого года! Вам уже выслан отчёт. Разве не поразительно, что чистый доход с учеников превышает 21000 дол., а расход в 26000! Но ведь в этот расход вошла и очень дорогая перестройка, где много денег было зря истрачено и мебель стоила 2000 дол., а также плата за старое помещение, большие суммы, потраченные на рекламу и т.д. Все эти затраты не ожидаются в будущем и школа очень скоро будет покрывать свои расходы.

Конечно, в будущем году мы должны все мысли и энергию направить на Cor. Mundi. Куплена картина Прендергаста за 2000 дол., а теперь Хорш торгует Райдара, предлагает 3500, но хотят 5500. Трогательно видеть, как Логв. и Пор. готовы покупать самые дорогие и самые лучшие картины, думая о будущем Музее. Их преданность, полное исполнение указов умиляют нас.

<...>

Повторяю, родные мои, у нас большой праздник духа, ибо наступила полная гармония в круге. Горячо обнимаю и целую Вас,

Ваша всегда в служении,

Радна

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

24 мая 1924 г. Дарджилинг
Письмо Е.И. Рерих к Лихтман З.Г.

24 мая 1924 г.

Моя родная и любимая Радна.

Я пишу это письмо, и его должны прочитать все.

«Вы, как страж верный, затронули один из самых важных и сложных вопросов. Как не потерять старых и завоевать новых друзей. Первое и основное правило – это приближать всех *друзей* с желанием дать, поддержать их самих или их труд. В отношении дружественных людей проявлять интерес к ним и к тому, что их окружает. И тогда их сердца откроются, и у них появится желание ответить такой же взаимностью. Когда Вы идёте к людям дружественным Вам или делам, но кто очень мало знает Вас лично, старайтесь дать им возможность заинтересоваться, не прося сразу о любезности или ответа. И только, когда они сами приблизятся к Вам, Вы можете ожидать ответ. Одними требо-

ваниями мы отпугиваем людей, даже самых возвышенных делаем из дружелюбных недружелюбными».

Легко разбить посуду, но если даже я смогу её склеить, чего она будет достойна! Давайте поговорим о некоторых ваших усилиях. Говоря о Сутро, он неумный, скупой, известен необычайной осторожностью, качество, которое создало ему репутацию необыкновенно честного человека. Ясно, что такой человек не подпишет так легко, и в этом случае было бы лучше действовать через его жену для того, чтобы избежать сухого отказа, который оставляет неприятный осадок. Осторожно приблизившись к его жене, нужно сначала выяснить, чего стоит ему это предложение. Затем в вашем списке было имя Хэпгудс, представительницы Хирста, только одним этим можно уже многое объяснить, и если она сама относится дружелюбно к кругу её друзей и знакомых, она, тем не менее, далека от своих друзей и их стремлений, да и наших стремлений. Вероятно, Тарухан всё же сможет найти к ней какой-либо подход для себя лично. Но не для того, чтобы подписать петицию и принести её и не для того, чтобы с первого раза о чём-либо просить.

Теперь о Меррите – он также из той же самой жёлтой прессы, хотя по природе своей он гораздо выше. В отказе опубликовать Легенду я не вижу ничего странного, потому что она не подходит к материалу, который собирают они. По той же причине для неё нет места в «Dial». Поэтому то, что он не пришёл на открытие и не выполнил, что он обещал, нужно рассматривать мудро. Уже то хорошо, что он имеет хорошие мысли и намерения. И кто знает, сколько неприятных атак он потушил или сдержал? Помните, моя родная, духу трудно прорваться. Дух, как кусок угля над жаром, часто очень насыщен, и как много усилий надо предпринять, чтобы этот уголь был достойным.

Думаю о сёстрах Левисон, что они не видели Порумочку, потому что они могли забыть её имя, и, будучи занятыми различными покровительствами, они обязаны оградить себя секретарём, который во многих случаях не на высоте своего положения. И подход к этим сёстрам может быть, если только показать интерес к их работе, а это не малый труд. Вы должны посетить их театр, и там, на их территории, будучи заинтересованными их деятельностью, Вы сможете приблизиться и встретить отклик. Вы можете многому у них научиться. Неплохо помнить, что говорить о вашей деятельности, подчёркивая стремительность ваших успехов, просто нехорошо с такими новаторами, потому что я помню, как профессор Рерих рассказывал мне, с какой горечью говорили эти сёстры. Как трудно им было протолкнуть свои задачи в области культуры, и как много препятствий, сколько энергии и каких огромных сумм им это стоило. И как мало отклика они имеют даже сейчас. То же самое изображение нужно иметь в виду, когда Вы говорите с Брэгдоном. Он тоже что-то чувствует по своим догадкам, и с каким трудом высочайшая культура проталкивается через всё это. И потому не афишируйте слишком сильно свой успех, иначе Вы введёте в искушение даже хороших людей. Кажется, я сказала обо всех ваших делах, и, поскольку вы все их понимаете, применим один рецепт: «Сначала жертва, потом получение» Хочу также добавить, не опасайтесь отхода друзей, большинство из них принадлежат к старым. Ожидайте новых, которые сами постучатся к вашему духу. Держите Ваши объятия открытыми для них.

Будем также помнить, что развивать нападение – это плохой сад – часто нападения окрашены нашим цветом, и это нас вводит в сумятицу. Умейте от-

личить настоящее оскорбление от непреднамеренного нападения, и если будем помнить, как бесконечно разнообразны ауры людей и как часто даже на встречах очень хороших людей они звучат дисгармоничным аккордом. Станет ясной та практическая способность обретения радужной ауры, которая воспринимает отражение всех лучей. Моя родная, приложим все наши усилия, напряжём все наши способности, для того, чтобы зажечь как можно больше огней, и чем сложнее, труднее, шире будут наши задачи, тем легче они выполняются. Мне хотелось бы самого трудного, самого рискованного, и я часто мучаю себя, что может быть моя задача будет слишком простой! Моя любимая Радна, горите и знайте, что всё возможно, и в моменты печали, которые, без сомнения, временами захватывают Вас, так как *физически* трудно вместить бесконечную память о том, что радость есть *особая мудрость*. И судьба освобождённого духа. Я заканчиваю это письмо с просьбой от М.М. и нашей – закрыть Школу и уехать на отдых. Осознанно впитывайте в себя красоту, жизненную силу, которую излучает природа и особенно растения. Через несколько дней я отправлю новый материал для второй части «Листов Сада Мории». Путешествие для отдыха будет, как Вы заметите, переменной деятельности, но не её отсутствием. Я была очень тронута, что комнаты были украшены белыми лилиями, потому что 24 марта в нашем саду раскрылась первая белая Лилия, и было сказано, что мой дух дважды проходил через цветы – ночные фиалки и лилии, минуя воплощение насекомого. Если Вы хотите иметь мои фотографии, я пришлю вам ещё несколько отпечатков, также и нашего дома, и сада.

Я хотела закончить письмо и вспомнила, что должна рассказать Вам сон, который видела несколько дней назад. Ночь на девятнадцатое мая: круг в полном составе вместе с нами были в доме, окружённом лесом. В комнату, где мы сидели, вошёл человек, его лицо чем-то напоминало многих и никого в отдельности. Чувство, которое он вызывал, было довольно безразличным, хотя он был дружелюбен ко всем. Вместе со мной он подошёл к открытому окну и сел на подоконник так, что ноги его свешивались из окна, и начал показывать деревья, которые он вырастил в этом лесу. Было уже почти сумеречно, и, выглядывая из окна, я увидела на выступе окна (на карнизе со стороны нашего знакомого) нависшую глыбу чёрной массы. В тот же самый момент он, как бы случайно, касается её своими ногами, и, к моему испугу, эта масса оказывается тигром, правда небольшим, который прыгает в середину комнаты. Можете представить эффект этого появления. Но мы быстро сориентировались, решив объединёнными усилиями вытолкнуть его за дверь. Я помню, как Радна действовала около меня очень решительно. С каким облегчением мы все вздохнули, когда мы выставили его за дверь. Но для меня этим всё не кончилось, так как я подумала, что каждое мгновение мои сыновья могут войти в коридор, куда мы его выгнали, и, не долго думая, я выскакиваю за дверь, где появилась одна из наших давно умерших служанок, и вместе с ней мы схватили тигра за его ошейник, стараясь возможно плотнее прижать его. В этот момент входит Юрий и бросается к нам, чтобы нас спасти. Тигр делает невероятное усилие и ухитряется зубами ухватиться за переднюю часть моей одежды, не касаясь меня самое. Здесь я проснулась. Почему то, проснувшись, я подумала о Боссоме, как о человеке, который случайно забыл спрятавшегося и наблюдающего тигра. Я часто в последнее время вижу символические сны и видения, и вот что было сказано 22 мая: «Чтобы лучше охранить Наших близ-

ких, Мы даём символ S как предостережение. Имейте в виду, что все атрибуты кошачьей породы – его знак, все серые и черные фигуры – его знак. И когда вы заметите что-либо из этой коллекции, знайте, что обнаружен подкоп и принимаются меры. Его несчастье, что движения духа очень быстры и резервуар Нашего Источника велик, но в изобретательности ему отказать нельзя».

Я заканчиваю. Будьте изобретательны и мужественны. Спешите продвигаться вперёд. Становитесь сильнее, запасайтесь доспехами. Защищайте передние рубежи. Обнимаю вас всех. Мои мысли о вас постоянны. Мы часто молча посылаем вам силу, потому что вокруг вас кипит немалая битва.

Сердцем с вами.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

25 мая 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к Шибяеву В.А. и Кордашевскому Н.В. .

25 мая 1924

Родные Яруя и Чахембула,

Издалека виднее, насколько нужны пути ваши. Яруя, накапливайте все знания транспорта, сообщений, складов и страхования. Чахембула, прислушайтесь к воинским нововведениям, думайте, как практичнее вводить в частях истинное просвещение, чтобы каждый в них побывавший уносил полезное ремесло и научался духовной дисциплине, очищаясь от коры предрассудков. Оба накопляйте специальные заметки. Заведите особую книжечку, куда будете вносить отдельные мысли и факты. Иначе многое полезное улетучивается, и мы лишь воображаем, что помним. На самом же деле живая мысль уже успевает перейти в пыль балласта. Научитесь не отпугивать, но приласкать новых. Ведь первые шаги бывают так шатки. Не обремените себя лишними знакомыми, ибо количество поглощаемого ими от вас ужасно.

Оба вы думаете или можете думать о женитьбе. Если она во благо, то она - благо. Если она только привяжет вас к земле, тогда она вредна. Все признаки мысленно переберите, прежде чем решать. У Чахембулы уже был поучительный пример, когда он почти уже попал в объятия самого ветхого мира. Но вовремя ему были предъявлены письменные «документы», которые неопровержимо подтвердили, в какую опасность он был вовлекаем. Потому имейте крайнюю осмотрительность, чтобы найти лучшее решение, которое должно не усложнить, но помочь подвигу.

Чахембула пишет о предложении ехать в Индию. Надо знать, куда именно и на какое дело. Условия некоторых климатов и специальных дел и сношений с некоторыми племенами могут обратить жизнь в ад. Вообще потенциал жизни во многих местах Индии растрочен, и много где духовный учитель обратился в факира и просто в плута фокусника. Надо отличать географическую Индию от великой Индии, символизирующей Восток. Поистине в Средней Азии, в Тибете, в Монголии сейчас больше жизненного потенциала, нежели в Индии. Конечно, нас это не поражает, ибо Учитель уже предупредил нас об этом. И теперь, встречая каждого монгола, тибетца или даже сиккимца, мы видим больше улыбки, нежели трагедии индуса или непальца (сущие цыгане, со всеми их особенностями). Так и должно быть по плану будущего. Главное же те-

перь для вас: суметь не утратить сказочную прелесть выпавшей вам доли. Если вы сравните ваше сознание с ощущениями многих миллионов людей, вы почувствуете, что вы призваны к великому богатству. И не сделайте это сокровище обстановкою обыденного дома. В лучших произведениях литературы иногда мелькают картины чудесной, необычной жизни, подмеченной иногда полубессознательным даром автора. А здесь - из книги, со сцены - прямо в жизнь перенесена мистерия высоких путей. Почитайте Нашего Великого Учителя, своими воплощениями ответившего всем землям и народам. Читите Великого Христа - Высочайшего в Белом Братстве - создавшего окно к чистому и простейшему духовному достижению. Читите Гаутаму Будду, основное Учение которого заключает в себе все положения христианства. Если бы знали, как Христос относился к буддизму и как от берегов Когуа Могуа Он посетил места учения Будды. Если бы вы знали о заповеди пройти ногами человеческими и сложить Храм руками человеческими, чтобы было куда войти Ему. Но ещё не время полностью дать эту трогательную заповедь.

Как вам удаётся раздавать первую книгу «Листов Сада»? Уже время найти пути и посылать её разными каналами сердцам ждущим, молодым духом и не загрязнённым предрассудками. Знаем и видим эти скромные фигурки с трудовыми руками, которые в час после труда обратятся к бодрому зову этой Книги. Уже составляется вторая. Если можно, перешлите её через границу — туда, куда направлены помыслы будущего. И сами вы бодро и чётко шагайте вперед, благословляя все трудности, ибо ими растёт вместилище духа. Знаем, как бывает трудно и как зато ярко сияет солнце после. Пишите часто. Складывайте и чеканьте мысли.

Духом с вами, Н. Рерих

Публикуется по изданию: Н. К. Рерих, "Дерзайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

26 мая 1924 г. Нью-Йорк

Письмо Г.Д. Гребенщикова к Рерихам Н.К. и Е.И..

Дивные и великие Учители!

Не могу иначе называть Вас, хотя мне не советовали давать повод Вашим цензорам - для разных размышлений. Если я с самого начала назвал Вас так, то теперь, поистине, Вы, Двое - наши Учители и духовные вожди. Но огорчитесь Вы, я знаю, моими подробностями в Летописи. Иначе не могу по совести. Всё дам прочесть в своё время и братьям, но пишу всё так, как думаю и считаю нужным. Ведь поступки человека - честнейшие его свидетели. Судите по всей строгости, но повторяю ещё раз: лишь только почувствую, что должен работать в постройке хотя бы и великого храма, но какой-то одной нации, хотя бы и избранной - или мнящей себя избранной, - я не смогу идти... Тогда уж лучше сектантство, узкое и грешное, но своё, родное.

Как видите - яркий праздник первых дней сменился будничною прозой шероховатых разговоров, отнюдь, однако, не обидных кому-либо. И нет твёрдой уверенности, что нам верят и что приблизят нас. Но есть недомолвки, есть усмешки, есть боязнь, мне совсем мало понятные. Но хочется стучаться, и достучусь, если в Храме горит настоящий вечный жертвенный огонь Единому для всех, но не для избранных.

Нужно ли мне доказывать ещё мою устремлённость к Духу Вашему? Если нужно - укажите - как? Если мои мысли и слова - дурные поступки - накажите меня, наложите епитимию. Трудимся мы оба, как умеем, ничего лично для себя не ждём, идём открыто, бесстрашно, просто, но не всегда с надеждою, что всё понятно и правильно толкуется нашими братьями и сёстрами. И никакой это не суд, ни Боже Спаси - какое-либо личное чувство. Только - чутьё духа, конечно, весьма неискущённого и несовершенного.

Впрочем, это максимум всех моих сомнений - просто от усердия чего-либо не замолчать - пишу всё, может быть, излишнее. Одно, несомненно: у нас обоих всё теплее и теплее, кровнее любовь ко всем, и Логван - за эти дни как-то особенно был дорог мне, и только несовершенный мой язык мешает лучше и яснее изъясниться. Но сближение растёт, и радость вновь запылает Праздником. И какое счастье знать и ждать мудрых слов и указаний с Гималаев.

На том и кланяемся Вам, родные и чудные наши учителя! И духом с Вами неизменно Ваши

Тарухан и Нару

Публикуется по изданию: "Дельфис" №25 (1/2001)

26 мая 1924 г. Нью-Йорк

Из письма З.Г. Лихтман к Рерихам Е.И. и Н.К.

«Родные и любимые мои! Первый раз за всё время принуждена была пропустить нашу общую беседу, ибо уже несколько дней как больна гриппом. Теперь уже выздоравливаю, хотя пишу ещё с постели. <...>

Я забыла упомянуть о моём предыдущем письме, что когда мы все несколько дней тому назад собрались у нас вечером, Тарухан нас всех упрекнул в том, что наш круг отчасти напоминает монастырь, где мы желаем себя изолировать от влияния тёмных сил. Затем также сказал, что наша система открывания всеми всех писем в делах – это беспорядок. Сказал он потому, что ему не понравилось, когда мы применили эту систему к Алатасу. Конечно, он не понимает деловых приёмов, и не знает, что одному развивать дело – невозможно, потому он теперь так говорит.

Конечно, родные мои, Вы прекрасно знаете, что он ничего не может сам делать, не зная *абсолютно* английского языка и здешних методов ведения дела. Например, все адреса книгопродавцев страны, как русских, так и имеющих иностранный отдел, узнал Логван и мы с ними списались, - с американцами - Модра, а с русскими - Тарухан. Книги, конечно, идут медленно, но иначе и быть не может. Ведь только что открыто дело и начата переписка. Видим на факте, как всё должно расти спокойно; с начала года мы переписывались со всеми книгопродавцами и книжными фирмами, также частными фирмами, Музеями, коллекторами о выходе в свет Adamant'a, Монографии и книги Селивановой. Кроме того, рассылаем при каждом письме, выходящем от Mast. Inst. или Cor. M. печатный циркуляр обо всех 3-х книгах. И лишь с прошлой недели начали поступать заказы, а сегодня сразу 4 письма из разных мест, заказывающих книги и даже одна телеграмма из Калифорнии, предлагающая от фирмы быть представителем на весь Запад на все эти книги.

На днях Otto Cahn письменно заказал 3 книги. Theosophic Press уже купили порядочное количество Adamant и книги Селив. Мы все бесконечно счастливы, что книги начинают постепенно расходиться, неся свет в разные концы

страны. А также рады тому, что постепенно начинаем понимать методы книжного дела.

Вчера в Музее было более 70-ти посетителей, в прошлое Воскресение 107. К моей грусти, я не могла быть в эти дни в Музее, из-за болезни. Морей и Марья Алекс. усиленно хлопочут о приезде сестры, надеясь, что она здесь сейчас же найдёт себе работу шитьём. Если этот вопрос будет решён, ей пошлют денег на дорогу. Не скрою от Вас, хотя мне это и тяжело писать, родные мои, что о всех денежных затруднениях Морей говорит с нами Тарухан и говорит с нами в такой форме, настаивает на каких-то цифрах, и вообще, недостойно себя ведёт. Так, например, настаивал на посылке 2000 франков на похороны по телеграфу, хотел подписать эту телеграмму с Логваном, что настолько его рассердило, что Логв. послал 1000 фр. и подписал её лично, выразившись, что сочувствие лишь может послать Тарухан, но не деньги. Вчера, говоря с Логв. о приезде сестры сюда, вдруг говорит (Тарухан), что Завадские заложили в Париже свои драгоценности за 200 дол., и что надо их выкупить, послать туда деньги, ибо они представляют гораздо большую ценность! Ну, как можно теперь, когда даются всё время деньги Завадским на жизнь, похороны матери приезда сестры, говорить о том, чтобы ещё выкупить драгоценности! <...>

Представьте, когда мы на днях говорили о том, чтобы списаться с Ремизовым и предложить ему, чтобы он дал Алатасу *copyright* [авторское право (англ.) – ред.] на «Звенигород», он возмутился и сказал, что это нельзя, что в Европе этого не делают, что он, если бы ему это предложили, никогда бы на это не согласился, или же запросил бы такую баснословную цифру, что никакое издательство не могло бы купить его книги. Вообще, говорил очень неприятно, несмотря на то, что мы ему и факты, и доказательства привели, что иначе в Америке не делается. Ибо, надо Вам сказать, мы точно узнали и все законы, касающиеся *copyright* и авторский гонорар, и права. Здесь издательства иначе и не имеют дел с автором, как приобретают *copyright*. Одним словом, Тарухан говорил, как автор, думающий о личных выгодах, но не как участник Алатаса и было грустно его слушать после всех чудных писем о жертвах, которые он писал.

Любимые мои, я бы никогда Вам всего этого не писала, если бы не знала, что Вы можете письмами сюда повлиять на него и пробудить его сильный, хотя ещё не понимающий дух. Вы нам писали приближать его духовно, показывая нашу любовь и преданность М., но с ним нелегко говорить, ибо он любит остро спорить и на личной почве не уступить ни на йоту, если касается его интересов. Кроме того, не зная английского, приходится всё время переводить, и разговор переходит в состязание между Логваном и Таруханом при одном переводчике и 7 слушателях, которые хотя и пытаются что-либо сказать, но не могут.

Родные мои, Вам мой рассказ может показаться смешным и преувеличенным, но именно теперь, когда всё это происходит, бывает подчас очень трудно, и буквально не знаешь, как идти с новыми. Вначале я думала с Мореем будет труднее, теперь прихожу к убеждению, что с Тарух. гораздо труднее. Учимся теперь многому на жизни, ибо для нас это огромное испытание и я надеюсь, что мы его выдержим, приблизив к Его Дела *правильно* новых.

1 Июня выходит «Звенигород Окликанный», но Вам, я надеюсь, Тарухан посылает каждую неделю отчёт об Алатасе, так что я об этом писать не буду. Все мы теперь готовимся к последнему детскому концерту сезона – будет

участвовать 30 детей, в программе- рояль, скрипка, виолончель, танцы; причём некоторые ученики играют на 2-х инструментах, итак, медленно входит в жизнь мечта нас всех – объединение искусств и практическое их применение в жизни.

Сегодня послана статья «Струны Земли» Яруе, а также Чистякову в Харбин. Затем Тар[ухан] пошлёт её в Париж Савицкому, как Вы писали. Думаете ли Вы, дорогие, что можно будет послать в будущем эту же статью Вирингену в Голландию для помещения там? Paricavoli послана Легенда и будет послана эта статья на днях. От Меррита, которому она была дана, пока нет ответа. Писала ли я Вам, что мы ему дали также многие снимки, посланные Вами нам из этой поездки, для того, чтобы он, при желании, мог их поместить вместе? <...>»

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

29 мая [1924г.] Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

29 мая.

Родные и любимые.

Снова с почтой путаница. Пришло одно письмо Логвана от двадцать пятого апреля, а остальные или задержаны временно, или пропали куда-то. Также пришло письмо от Морей с описанием замечательного сна. Он означает, что не надо шить дыры чёрными нитками. От чёрных нитей в ткани будет прореха, хотя я подумал, что Морейю лучше бы было приехать осенью, когда Тарухан уже станет гражданином Америки. Но если у него есть осознание того, что надо работать сразу, то может быть полезно проявить эту устремлённую энергию. Думайте широко и ищите для дела самые неожиданные решения. Теперь многое осложняется из-за несвоевременных манифестаций. (непродуманных) Только эта одна русская выставка, неумело организованная, испортила так много. Мы получили от Скрибнеров статью Рояла Кортиссоза. Если этот прогрессивный писатель начал писать против, значит, что-то переполнилось. И это так опасно для будущего. Когда то, что сложено вместе терпеливыми трудами, неожиданно покрывается пылью. Следите за всеми делами, которые могут духовно оторвать Россию от Америки. Так как в соответствии с планом эти две страны должны идти вместе в самом тесном взаимопонимании. И потому как надо избегать всё, что может осложнить и особенно испортить взаимоотношения.

Чахембула пишет о получении предложения ехать в Индию поработать на фабрике. Истинно, пути Господни неисповедимы. Конечно, мы не знаем, в какой климат его зовут. В некоторых местах климат очень тяжёлый.

Какие иконы прислал Яруя. Хороши ли они. Каковы цены? Он прислал мне мой рассказ «Пламя», и я также ожидаю все мои русские рукописи и сразу же отправлю их в Париж. Скоро мы напишем вам об индусах. Нужно смотреть на всё открытыми глазами. Иначе мы всегда будем удивляться. Почему нет ответа Тагора и почему редакция журнала не отвечает. Очень медленно продвигаются их дела. Также потребуются новое поколение. Не пишите много о снах и видениях. Наши письма не читают, но входящие часто вскрыты. Целуем вас и шлём вам наши лучшие стрелы. Духом с вами.

Имейте в виду, что мы дали формулировку, что как бы К[орона].М[унди]. заказала Юрию собирать танки (тибетские картины). Он их очень любит и хотел бы писать о них. Мы понимаем, что это полезно во многих отношениях, и официально дали ему право считаться собирателем этой коллекции. Даже можно дать где-нибудь в прессе заметку: «По поручению К.М. учёный-востоковед Юрий Рерих, имеющий степень магистра искусств Гарварда, собирает коллекцию тибетских сакральных образов. С этой целью им совершаются путешествия к границам Тибета. Согласно полученной информации, коллекция уже содержит очень ценный материал, который составит отдельное издание. В последнее время сильно возрос интерес к тибетскому и центрально-азиатскому искусству, который, помимо утончённой формы, даёт глубокий смысл, часто ещё не понятый и необъяснённый в западной литературе».

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

[31 мая-1июня] [1924г.] Дарджилинг
Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

...Ояна, самая родная, и тебе, согласно Указу, я повторяю: Надо просто учиться! Иногда лучше даже сдерживать импульсы, вспомни, как много ценных сосудов было разбито на пути. И вы все так нужны в большом деле. Помните, что путь Достижения не в импульсивном экстазе, не в собственном восторге от проникновения в высочайшие сферы, но в ежечасном, ежеминутном Служении самым малым, в принесении им, *только им*, вашего расширенного сознания и возросшей силы. Передо мной стоит большой портрет Свами Вивекананды, подаренный мне его ученицей, Сестрой Кристиной. Его индивидуальность так великолепно совмещает в себе гармонию Тероса и Тамаса – духа и тела, – и он погиб так рано, потому что его учитель разрешил ему в юности войти в Самадхи. Почитайте побольше о нём, о его учении, оно, как и наше, из того же источника.

Эта неделя была неделей встреч. Несмотря на совершенное уединение, нас находят. Графиня Литтон приехала навестить, а также губернатор Бенгалии. Они были в экстазе из-за картин. Ещё мы виделись с Сестрой Кристиной и учеником ученика Вивекананды. Также сэр Боше, известный индийский биофизик. Мы были в его лаборатории. Он показал свои опыты с растениями. Замечательный человек. Тип учёного будущего, который понимает важность вселенского сотрудничества. Но обо всём этом в следующий раз. Я хотела бы послать вам вторую часть книги, но была остановлена. Очевидно, её надо просмотреть ещё раз. Послали ли книги в Area of Kellog? И вообще, существует ли ещё это предприятие?

Я была рада фотографиям, но Модра мало похожа. Я предпочла бы, чтобы она была без шляпы. Хотя в своём новом пальто она выглядит шикарно. Я обнимаю вас, любимые мои. Объятия увеличиваются всё время.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (Перевод с англ. яз.)
[Первая страница письма в архиве отсутствует - ред.]

ИЮНЬ

*3 июня 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке*

Родные и любимые.

Пришли девять ваших писем - сухопутные и с пароходов. Всё, что происходит - очень важно. Так, можно различать знаки справа и слева. Иногда маленький «знак» очень важен для будущего. Сейчас вы уже заседаете по «Алатасу» и думаете, как построить новые пути культурных взаимосвязей. И вам приходят знаки, что не надо ограничиваться только N.Y., но должны сразу же охватить новые перспективы. Связались ли уже с Александром Кауном. Университеты Сан-Франциско и Калифорнии очень важны. Попросите его быть представителем от Калифорнии. Послали ли «Адамант» и книгу Селивановой Омаху, Блоку, Денверу Эггерсу, в Буффало, Сейдж Куинтон, и в Канзас-Сити Холмс с вопросом, как организовать там продажу книг. Юрий послал письмо о Бостоне. Александру Кауну и Уинеру можно послать на русском. Помните, что орлы летают широкими кругами вокруг предназначенного места, прежде чем опуститься. Сначала так же устремитесь вдаль. Вы увидите сами, что Воган и другие *нужные* придут издалека, но не с Пятой Авеню. Остерегайтесь таких глупцов, как Ламенти. Можно ли себе представить более глупую вещь, чем отдать книгу Грабарю. Совершенно новые, как Воган, могут быть полезны для всех учреждений.

Морей, Вы пишете о моей ошибке в отношении Ремизова. Потрудитесь написать мне точно, в чём кажущаяся ошибка, затем я объясню Вам все причины. Но сначала чётко сформулируйте Ваши мысли. Этим и важна наша переписка, потому что только отточенными мыслями достигаем ясных результатов. Прекрасно, что Нару может печатать на машинке. Можно ли доверить постороннему многое из того, что происходит в глубине учреждений. Таким образом, и эта сторона могла бы быть тоже в руках преданного человека, облечённого *доверием*. Недавно нам было *указана* важность будущего сотрудничества. Потому все наши действия настоящего должны быть выстроены в плане мудрого, взаимно полезного сотрудничества. И потому всю взаимную поддержку выстраивайте только на *деловых планах* сотрудничества. Недавно я написал Яруе: что бы он ни делал для продажи книг, ему следует делать это как деловой заказ для «World Service». Только тогда может существовать цепь учреждений, фактически воспитывающих друг друга. Это не только взаимная польза, но и настоящее взаимодействие. И как легко разобратся в разнообразии видов деятельности, если в основе всего - мужественный и справедливый принцип. И каждая помощь направлена на построение новых дел. И постепенно личные мысли, личные желания дорастают до границ истинного искусства управления государством и общественного служения.

Ах, как много работы для Государственного канцлера Логвана, потому что истоки всех дел стекаются к нему, и, как в любом государстве, всё многообразие жизни представлено в форме учреждений. Это и министерство внутренних дел и общественного образования, и иностранных дел, и отдел по работе с прессой, и отдел финансов, и хранения сокровищ культуры, и вероисповедания. Все отделы формируются, каждый из них требует целостного закон-

ченного мира. Каждый из них является обширной всеобъемлющей сферой. Здесь только строгое деловое сотрудничество может проявить все национальные силы. Так, чтобы каждый смог бы принести не только всё своё лучшее, но и сделать это со всей находчивостью и сознанием непобедимости. Потому что главная особенность задачи: не только знание, но и возможность приложить его в настоящем действии. Разве не достаточно порядочных и умных? Но нужно применить эти качества практично и мудро. Не сидеть на облаках и не играть на арфах, а неустанно строить на земле, покрывая каждую ошибку новым блестящим достижением.

Собираясь вместе, не говорите о том, что вы не смогли сделать, но только о том, чего вы *достигли*. Кто шёл лучше, придёт быстрее. И такие пути заповеданы всем нам, это значит не идти, но бежать придётся, лишь бы не опоздать. Но также не переусердствовать. Не закончить дело или сделать больше – одинаково вредно. Мы целуем вас, родные носители чаши. Работаем всегда в духе с вами.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

5 июня 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к В.А. Шибяеву и Н.В. Кордашевскому.

5 июня 1924.

Родные Яруя и Чахембула, хорошие Ваши вести. Именно этим путём закладываются основания настоящих достижений. Чую, как расширились Ваши горизонты, и какие бесстрашные пути лежат перед Вами. Не знаем, приедет ли Чахембула сюда, но что какие-то отношения деловые могут завязаться – это наверно. Яруя, Вы пишете о книге Макаренко. Выпишите от него и пришлите нам сюда текст и иллюстрации. Мы увидим, что можно сделать. Юрий может предложить издание проф[ессору] Pelliot или Gettner'у. Раньше надо точно узнать, какого характера материал. Отлично, если материал новый, а то мотивы Кульобской вазы и Чертомлыкского кургана везде очень известны.

Передайте Макаренко мой лучший привет. Жив ли Беляшевский в Киеве? Вообще, Яруя, налаживайте транспорт с Россией. Это даёт Вам истинные возможности. Знаете ли Вы адрес сына Тарухана? Кажется, он очень свежий и деятельный студент. Правильно, что Вы поняли значение искусства в земной жизни. Без этих ощущений люди ходили бы в потёмках.

Чахембула, Вы пишете, что опять женщина подошла к Вам. Это очень желательно, ибо в преддверии эпохи Матери Мира женщине явлено особое место и значение. Приближайте новых – дайте им Книгу и следите, что именно проникает легче в их сознание. Присылайте нам карточки всех приближаемых. Когда выйдет моя книга «Пути Благословения» – дайте им её, ибо все должны приблизиться к искусству, без этого пути (хотя бы в сознании) теперь не пройти. Дела идут широко и ладно. Хорошую икону, Яруя, послали в Америку. Работайте, зная, что все приобщённые яростно работают.

Духом с Вами

✍

Публикуется по: Н. К. Рерих. "Держайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

8 июня 1924 г. Нью-Йорк

Письмо З.Г. Лихтман к Рерихам Н.К. и Е.И.

8 июня 1924 г. N.Y.

Дорогие и любимые мои! 22 Июля мы уезжаем в Moriah,³ N. Y. Хорши едут на 2 дня позже, ибо он должен из-за своих дел остаться ещё пару дней в городе. Так что мы все едем раньше и бесконечно рады, что уже можем ехать, ибо, признаться, все очень устали и только лишь теперь это чувствуем, когда вся работа заканчивается. Если хотите, можете нам все письма писать до 10 Сентября в «Idyll Hurst» Moriah, N. Y., хотя, конечно, всё равно Ваши письма будут пересылаться. Как Вы уже знаете, Sterner и White ушли из школы, оба открывают в будущем году свою собственную студию и наверно переведут туда своих школьных учеников. White очень неприятно ушла, ни с кем не простившись, явно враждебная, но она уже себя наказала за последние месяцы. Бог с ней! Нельзя не припомнить, что она и Крайберг были большие друзья! Мы решили включить в каталог Miss Ketunen и дать ей детский класс в Субботу, а также начинающих по живописи. Она себя выказала большим другом школы, приходит каждое Воскресенье изучать Ваши картины и, вообще, она прекрасная молодая душа. Есть у ней также подруга Miss Levingston, также хорошая душа. Та преподаёт детям мимику, танцы, декламацию, может быть и она будет полезна школе в будущем году, но пока мы её не включили в каталог. Вчера было отказано обеим стенографисткам, ибо нам теперь они не нужны, работы не много и её легко можем мы все выполнить, сокращая ненужные расходы. В будущем году Мы их обратно не возьмём, ибо они не были преданы школе и даже не были хорошими работницами. Дорфман же была прямо и плохой и неисполнительной к концу. Музей и Corona Mundi, как Вы нам писали, мы будем держать открытыми всё лето и Grunwald (он очень честный и преданный человек) будет следить за всем.

Мы получаем много прекрасных писем от директоров Музеев в ответ на наше письмо от имени Corona Mundy, приглашающее их посмотреть коллекцию картин. Снимки с Вашей квартиры, дорогие мои, мы уже получили и послали в журнал. Мерит до сих пор ещё ничего не сообщил о статье, даной ему «Струны земли». Lovis должен его повидать на днях, и, возможно, узнать, может ли он её употребить в своём журнале.

Пишите нам, родные, довольны ли переводом её. «Похвала врагам» также уже переведена. Какая чудесная статья и как много она нам говорит! В ней заключено огромное для нас всех учение и мы с радостью извлекаем из неё нужный нам всем урок!

Вы писали в Вашем последнем письме от 30-го Апреля, чтобы Тарухан продал свой дом в Висбадене. На следующий день после получения Вашего письма пришло к нему письмо от агента из Висбадена с предложением продать дом, ибо есть покупатель. Это его очень поразило он решил принять Ваш совет. Хотя тучи у него на душе немного улеглись (я надеюсь, он Вам уже писал про поразительный сон, приснившийся ему после тяжёлого разговора в последнее Воскресенье), но всё же душа его ещё не открыта и потому мы не можем ему ещё многое давать из учения. Да и когда даём, он многое берёт с личной точки зрения. Приходится выказывать большую осторожность. Морею и его жене мы ничего не можем теперь говорить, да они и не спрашивают. Морей делает все пути для себя трудными из-за глупости и подчас легкомыслия. Menager Antonia Sower, видимо серьёзно им интересуется, была уже в школе, чтобы говорить с мужем о нём, говорила, что пришлёт контракт,

³ Мориа-город в округе Эссекс, штат Нью-Йорк, США - ред.

но тут же пожаловалась на него за его неуважение и невнимание к ней. Он же, когда мы ему говорим о том, как он должен себя с ней держать, говорит, что в Европе менажеры бегают за артистами, а не наоборот. Жена его теперь работает в отеле и, видимо, очень враждебно думает о нас и не может нам простить того, что мы ничего не имеем против того, что она должна работать. У самого же Морья прибавляется ещё один урок по гармонии (тоже через Совера), а также какая-то певица, его знакомая, будет проходить у него репертуар и платить 50 дол. в месяц, так что его заработок будет равняться 90 дол. в месяц. Мы немного опасаемся за Музей, когда он будет открыт летом в наше отсутствие, ибо боимся немного наших новых братьев, т.е. того, что они привлекут нежелательный элемент. Надеюсь, что они поймут всё то, что мы им скажем перед отъездом, хотя уже много раз им говорили о том, чтобы они избегали русских, а главное, не приводили бы их в Музей.

Крепко обнимаю и целую Вас, любимые мои. Так радостно сознавать, что Вы всегда с нами и посылаете нам Ваши стрелы бодрости и любви.

Бесконечно любящая Вас, Ваша

Радна

Мама Вас обнимает и всегда чувствует Вашу близость.

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк.

9 июня 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

9 июня 1924.

Родные и любимые.

Посылаем вам заметку о делах «Алатаса». Только подумайте, «Алатас» уже стал связующим звеном со второй группой дел. Алатас, Издательство, Белуха – Прииски и опытное Хозяйство. «Алатырь» - мощный кооператив. И здесь есть знак А.М. – Американского Музея. Всё это затрагивает новые слои плодородной почвы. Всё это вызывает к жизни новые сокровища, новые настоящие ценности. Подумайте о возможностях Алатыря, обо всём размахе сотрудничества. Потому что только настоящим сотрудничеством вы можете заменить все ветхие отжившие формы проявлений и реализации. И когда вы узнаете о продолжении земного сотрудничества в высочайшие сферы – эта истинная беспредельность даст вам невероятную силу! Не для некоторых неизвестных избранных, но всем стучащимся и трудящимся открыты врата. Дальние звёзды – это не только цветы небес, но воистину пространственные, беспредельные дома Матери Мира. И дух человеческий лучом подвига беспрепятственно завоёвывает всё, что предназначено. На фресках Центральной Азии из плеч Будды выходят два луча – как крылья. Помните, что было сказано: «Из плеч сияют лучи подвига». Именно эти лучи служат крыльями. Снова видите, как предначертанные события идут своим чередом. Чуть большая торопливость или неизбежное замедление не нарушают основного движения. И Франция, и Англия, кружась в водовороте, и обгоняя друг друга, несутся в направлении того, о чём было сказано и записано ещё в Лондоне. Итак, родные, вы чувствуете, что на ваших глазах жизнь превращается в удивительное действие. И тёмные руки, протянутые для причинения вреда, посреди движения отбрасываются чем-то невидимым или соскальзывают в неожиданную для них сторону. Только бы донести, только бы праздник духа не превратить в рутину жизни. И, как было сказано, главное – очищайте ваши мысли, потому

что мысль заразительнее слова. Сказано: «Сейте шире широкого». И где мысль будет чиста, там легче будет нашему Благословенному Учителю послать спасительный Луч. Храните Благословенную Силу. Р.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

10 июня [1924] г. Дарджилинг

Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

10 июня.

Мои родные и любимые, любимые. Вы чувствуете правильно, что для нас не может существовать большей радости, чем ваше единство. Какую силу вы получаете. Её даже трудно измерить. Я вспоминаю вечер тридцать первого декабря, вечер 1923 г., вечер, когда мы были все вместе, как остро я чувствовала тогда это единение. Как вы были близки. Как я любила вас всех! И как я была бесконечно счастлива. Нет большей радости, чем радость единения в духе, и сейчас я не могу разделить вас, всех вас вмещает моё сердце. И всех вас обнимают мои руки. И как ужасно я хочу сказать каждому, шепнуть каждому, самое нежное, самое нужное. Я мечтаю и стремлюсь увидеть вашу радость великому будущему. Так много помощи будет дано человечеству, и как сильно обогатятся земные создания!

Нахождение новых руководителей на теперь ещё закрытых сферах. Если бы человечество смогло почувствовать приближение Великого Явления, после которого начнётся Новое созидание как духовного, так и земного существования. Знание и силу мы обязательно должны принести. Кругу пришлось быть первым, кто был посвящён, и предназначенная чаша полна, только не расплескать её. Теперь ближайшее – я приведу полностью беседу о Морее. Из неё вы увидите, что Учитель оценивает его пыл и его глупость. Конечно, в большом деле и глупость прибежище найдёт, но не на верхнем этаже. Им надо помнить, что мир будущий нуждается в просветлении сознания, но не в боротании высоких выражений.

«Узнайте, что указ, упомянутый ночью, касается неустанного движения дел – настолько велики, что руки коротки, обхватить их. Сидя между Христом и Буддой, утверждаете силу как якорь. Велим слушать тех, кто уже побыл на дозоре.

Морей может слушать явленных доброжелателей. Никто ему лучше не посоветует. Явите, Я прошу, осторожность – с силами духа надо считаться. О Морее говорю, надо понять ему размер дел. Лучше фунт уму прибавить, нежели считать себя Моим щитом. Но мрак можно рассеять, переменяв направление мыслей. Столько важного впереди, что Мы можем требовать, чтоб отдельные члены не мешали. Главное, если ему дать удачу, вред получится ещё больший – может начать унижать остальных. Поручение не в умалении данных друзей. Как им втолковать, что не слова, но скороходы мыслей ткут ауру. Не надо умалять Авираха – он заслуживает уважения. Хотим сделать Наши дела доходными в духовном и материальном смысле. Уверю, что качество мыслей имеет для этого большое значение. Больше оценим денежный деловой отчёт, нежели набор пушистых изречений. Неудобно насильно сыпать деньги в карман – нужна кооперация. Не только делу, но и членам Круга мешает брыкание. О мире надо мыслить, явить практические мысли. Накануне нового

храма нужно явить находчивость и народ удивить смекалкой. Ходить в пелёнках неудобно».

Конечно, главное препятствие не Морей, а Мария Алекс. Слишком много в ней старого жира. Трудно будет ей с новыми. Но, переживите это, мои любимые. Потому что ни на чём мы так не тренируем наше терпение и волю, как на близком соприкосновении с малым противодействием в объединённом труде. Все вы не новички. И вы будете знать, как дать им почувствовать ваше полное единение и понимание великой задачи, стоящей перед вами, для которой вы набираете опыт и ищите возможных сотрудников. Дайте им понять, что старые не могут быть использованы, и что непрактично держаться за них. Не делать врагов, но и не считать их на будущее, и где бы то ни было возможно, обойдитесь без них, чтобы не встречаться с ними. В России за несколько лет до Революции мы чувствовали бесполезность старых. И мы старались постепенно оторваться от них и избегать их, где только возможно. И это спасало нас.

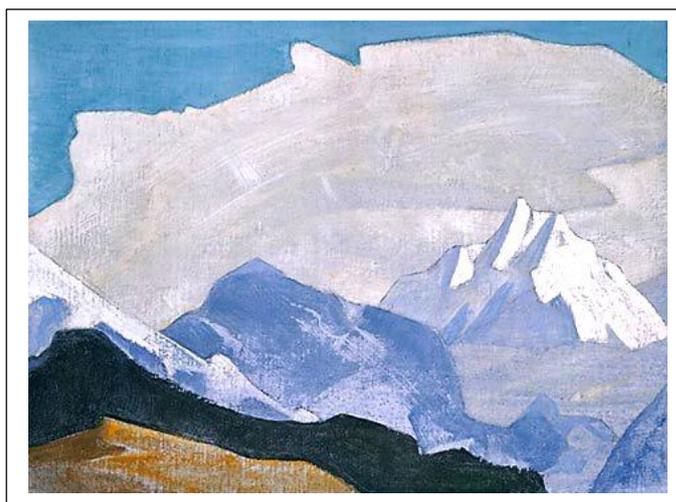
В первые дни Революции, когда всё прогрессивное и «умное», и кричащее вышло на захват власти, я умоляла Проф. Рериха избегать их и быть твёрдым против их убеждений, потому что я видела их стремление и весь их пыл в полном незнании как оценивать текущие моменты, потому что весь успех был в предвидении будущего и в правильной оценке настоящего. И клише этого будущего уже было вложено в нашем духе, и теперь снова время сказать: «Оставьте старых, скоро вы их и не вспомните. Собирайте и приближайте только новых, стучащихся».

Если Тарухан хочет встретиться с Московским Художественным Театром, его никто не остановит. Вы должны указать ему одно: никто из этих соотечественников не должен быть приведён в «Алатас». Это дело начинается в Америке и будет расти на почве Сибири, на новой земле. Чем меньше он будет говорить о делах, о вас, о нас с его соотечественниками, тем лучше будет. И когда он обо всём замолчит, благо ему! Откройте сознание Морей на будущее. Конечно, считаясь с его силой духа. Неужели он действительно не видит, что идёт переоценка всего понимания? Пусть он внимательно слушает и смотрит, проникается многим, даже газетными новостями. Здесь в горах особенно хорошо видна волна приближения, и когда его дух почувствует сокрушение, покажите ему клише нового мира, мира сотрудничества между земной и духовной сферами. И укажите ему, что путь в новый мир только один, путь самоотвержения личности, путь жертвенной работы во имя объединённого труда, будучи готовым, если обстоятельства потребуют, к самому малому заданию. Как бы я хотела, чтобы Тарухан и Морей услышали ученика Свами Вивекананды, где есть горящее понимание служения, и как оно просто и как прекрасно. Вы видите свободного человека, следующего зову духа. И радостно принимающего все помехи, как испытание его силы. Мастер указал ему на будущее дело. Он ученик известного физика Боше; он беден и неизвестен. В моменты важных решений, которые могут изменить его путь, он всегда видит Вивекананду дающего ему направление. Как просто и научно происходит понимание духа, и как оно сияет сознанием возможностей духа.

Уже месяц, как начался период дождей. Как исчезли горы! Облака туманов входят в открытые окна, и все цветы сбиты дождём. Все иностранцы покидают Дарджилинг, но мы проживём весь этот период дома, в Потанге. Я бы

хотела написать вам о здешней жизни больше, но никак не соберусь, а здесь так много интересных особенностей. Светик умоляет меня писать меньше, так как он хочет больше привезти. Я обнимаю вас всех, мои любимые. Рада вашему предстоящему отдыху, берегите себя, берегите здоровье, отдых придёт. Ояна, опиши мне подробно своё сновидение о женихе и невесте. Все подробности так интересны и важны.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

Н.К. Рерих. Предгорье. 1924.

10 июня [1924] г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

10 июня.

Родные и любимые.

Только что пришли ваши дорогие письма от четвёртого и одиннадцатого мая и знак «Алатаса». И приезд Морей, и как мы рады, что Морей готов к любой работе. Истинно великий дух не знает мелких дел. В своё время он найдёт свет и великое понимание. Поистине нет ничего плохого для Тарухана в том, чтобы организовать вечер с Московским Художественным Театром, всё будет вне учреждений, и *нежелательные элементы* не приблизятся. «Цветы Мории» на английском надо временно отложить, потому что необходимо быстрее издать «Пути Благословения». Как только вы пришлёте мне мою русскую рук[опись], я добавлю к ней то, что есть у меня, и отправлю в Париж. Напишите Зелюку, что книга не должна быть дорогой. Выбирая между Микулой и Чураевыми, мы думаем, что Микула пойдёт лучше. Логван пишет по поводу кредита и покупок картин через посредников на определённых условиях. Это практикуется абсолютно во всех странах, поэтому не надо создавать врагов из агентов по кредитам. У них цепкие руки. Какие милые письма пишет Порумочка! Воистину рост духа бесконечен.

Почему Тарухан думает, что сестра Нару не имеет право на вступление в «Алатас». Наоборот, очень большое право! Чахембула пишет, что Яруя принёс ему образ Святого Сергия, и он в большой радости от этого Образа. Это так прекрасно. Когда идём поверх всех мелочей, все сёстры и братья объединя-

ются в один путь Света. И стройте просто, стройте практично, так, чтобы дела духа имели крепкое земное основание. Не потерять, но стать богаче все должны. Дорогие Авирах, Радна, Ояна – вы идёте как воины на *дозоре*. И немалыми делами слагается история. И самое трудное становится самым простым.

Духом с вами.

В этой осторожности проявляется уважение к благой силе и также характер сотрудничества – почему мы должны прибегать к высшим силам, если только объединением общей находчивости можно решать многие текущие вопросы. На всех путях есть такие неожиданные решения, что по случайным внешним признакам никогда нельзя понять, где правильно и где неправильно. Где счастье, где несчастье. И как много дверей было предохранительно закрыто перед нами. Сколько кажущихся изгнаний – это был только путь к Земле Обетованной. Как много ложных направлений мы испробовали, прежде чем мы постучались в суждённую дверь, и как благословенны пути поисков, когда они могут быть пройдены без нарастания гнева и недовольства. Как вы живёте в стране? Как отдыхает миссис Шафран? Как здоровье? Как хорошо, что Радна записывает все подробности развития дел. Тарухан, как историк, должен знать их. Всё время мы вспоминаем то одну, то другую подробность, и все эти знаки давно минувших дней напоминают нам то, что происходит в настоящее время. И договор России с Китаем, и бушующая Франция! Яруя прислал заметку из латвийской прессы о школе и К.М. с тремя картинками. Между прочим, в классе рисования висят канделябры со множеством свечей. Не лучше ли заменить их одной простой круглой лампой без особых приспособлений. Канделябры больше подойдут для музыкальных классов. Что думает миссис Уайт? Хорошо ли защищают шторы от солнца. У вас уже есть письмо от Иск-Хан. с упоминанием о Рокфеллере и Форде. Есть ли новые подходы к Рокфеллеру по поводу Школы. Как мы поняли, имя Форда предлагается Тарухану, когда он освоит английский язык. Кто знает, быть может это перспективы на Белуху? Перечитываете ли вы советы и указания. Не осталось ли чего-нибудь ещё. Было сказано, что нельзя забывать старые указы. Как удаётся Тарухану приложить советы в жизнь? Много было указано в плане личной психологии – то, что, как цвет, меняет всю гармонию. Много не было отмечено не случайно. Мы думаем и стараемся извлечь из данных струн единую симфонию.

Мы крепко целуем вас и думаем вместе.

Духом с вами

Р

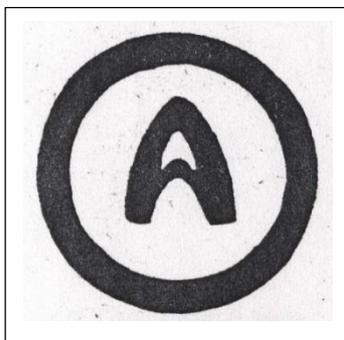
Архив Музея им. Н.К. Рериха, Нью-Йорк.

10 июня 1924.

Памятная записка. Алатас.

Пересылаю вам письмо, касающееся «Алатаса». Перечитайте внимательно и дайте оценку всем этим попыткам. Конечно, нужно реагировать на это осторожно и неприметно. Всем вам уже известна особенность характера, и нужно избежать осложнений. Мы ему ответили, что не знаем о текущих делах «Алатаса» и отправили к Тарухану, как к представителю.

Правку «Путей Благословения» придётся доверить Шкляверу. За корректуру «Адаманта» он получил 250 франков. В предисловии надо ясно дать понять, что книгу будут читать в России. Хорошо будет отдать половину чистой прибыли русским студентам. Может быть, сын Тарухана развернёт деятельность для распространения книг. Нужно всеми средствами продвигать Америку, и в то же время безотлагательно – Россию. Я жду отправку рукописи. Здесь уже приготовлены: 1. «Чаша Неотпитая» (статья 1916 г.) о сокровищах России. 2. «Пламя». 3. «Действие». 4. «Новая Эра». 5. «Свобода вещей». Получу от вас: 1. «Пути Благословения». 2. «Одеяния Духа». 3. «Струны Земли» (в 2х частях). 4. «Звезда Утра». 5. «Похвала Врагам». 6. «Красота и Мудрость» (старая лондонская статья). 7. «Право входа». Тогда все двенадцать статей будут в сборе. Размер книги – как «Адамант». Шрифт – как у «Микулы». Бумага недорогая. Лучше в желтоватых оттенках, но не в голубых. Обложка – как у «Микулы». Пришлите мне оттиск знака «Алатаса».

Знак «Алатаса».

Из 2000 экземпляров – я думаю, 400 в Америку, 400 в Париж, 990 в Ригу, 10 мне, 200 в Харбин. Нужно послать в Прагу и Сербию. Но это может быть сделано из Парижа или Риги.

Я тороплюсь с этой книгой. Потому что она связана с определёнными будущими явлениями, и в ней всё ещё есть связь с Россией.

Передали ли «Адамант» и «Мир Рериха» Дымову. Попросите его написать рецензию на русскую книгу. Подружился ли с ним Тарухан?

«Чаша неотпитая», 1916. «Адамант», 1920. «Пламя», 1918. «Пути Благословения», 1921, «Действие», 1921. «Одеяние Духа», 1921. «Новая эра», 1922. «Право входа», 1923. «Струны Земли», 1924. «Свобода вещей», 1924. «Похвала врагам», 1924. «Звезда Матери Мира», 1924.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

10 июня 1924 г. Дарджилинг
Письмо Ю.Н. Рерих к Шибяеву В.А.

10-ое июня 1924 г. / Darjeeling

Дорогой друг!

Радостно сознавать, что общее дело ширится, растёт и захватывает новые возможности в будущем. Воистину, многообразны выявления Начала. Каждый день несёт всё новые и новые устремления, созидается заповеданный путь. И что радостно, что не в молитвенном преклонении совершается подвиг Служения, а в неустанном труде, завершающем решение духовно приившего весть о будущем веке. И радостно встречаться на этом пути, радостно делиться новыми достижениями и вместе нести чашу общего труда. Слагается и звенит песня о нарастающей необходимости подвига, и счастлив тот, кто уловил ее значение. Итак, укрепляется «World Service» и стремится дать новые возможности для мирового сближения. Ваши письма свидетельствуют о созидании новых звеньев.

Скажу кратко о своей работе. Продолжаю усиленно изучать близкие мне вопросы. Готовлю к печати ряд книг – переводы, исследования и т.д. Прилагаю письмо академику С.Ф. Ольденбургу, Российская Акад[емия] Наук, Петроград. Прошу Вас переслать его. В письме этом я прошу С.Ф.Ольденбурга выслать мне ряд изданий Академии. Я дал адрес «World Service» для пересылки книг. Если таковые достигнут Вас, то перешлите их на мой адрес, сообщив расходы по пересылке и стоимости.

Теперь перехожу к поручению отца. Следует начать распространение «Книги» путём раздачи, не ожидая покупателей. Напишите об этом в Литву и пошлите в Ревель. Конечно, раздавать следует только лицам, которые духовно приблизились. Все мы шлём Вам сердечный привет.

Духовно Ваш,

Ю.Р.

Если Академия будет просить деньги вперёд выслать, то можно их будет послать (если сумма велика, хотя не думаю, то известите меня).

Письмо Ольденбургу адресуйте из Риги, ибо не помню точного адреса Академии. Пришли ли книги из Финляндии? Если да, то пока сохраняйте у себя.

Ю.Н. Рерих. Письма (1919-1939). М. 2002.

12 июня [1924] г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

12 июня.

Родные и любимые. Передо мной лежит отчёт «Алатаса» от 1 мая. Мы ему рады, потому что его деятельность в точности отвечает полученным указаниям. Конечно, придёт время, когда и по части прибыли тоже будет остаток. Не потому, что печатание ещё не было оплачено, но будет прибыль, потому что Учитель так заботится об этом. Потому мы настаиваем на том, чтобы помощь и поддержка имели значение истинного делового сотрудничества. И вся находчивость, все стремления к наиболее неожиданным условиям должны привести к тому, что дела принесут прибыль. Потому что сейчас нужна духовная жертва, и материальная сторона должна быть последовательной и твёр-

дой, как горные вершины. Это одна из особенностей учения – вместе с просветлением духа, покорять землю с земной твёрдостью. Поэтому будет очень ценной любая культурная деятельность. Авирах интересуется серебром; это вовремя и очень полезно. Он вылавливает из древних книг жемчужины, и в этом снова гармония и польза. Логван в полёте чертит круги деловых решений, в этом гармония и мощь. Тарухан призывает к светлому прибыльному «Алатасу», и через это совершенствует себя в созидании. Всё это так замечательно.

Теперь о Бальмонте, конечно, эти его стихи гораздо слабее тех, что были раньше, но в то же самое время его имя – доброе имя. Можете оповещать о нём в ряде будущих изданий. В случае, если вы сможете послать ему ещё 200 франков, как гонорар, содержание книги изменится. Практически и без всяких недоразумений мы сможем изменить его. Также, безо всякого раздражения мы написали Шкляверу, что для него – счастье не трогать никаких денег «Алатаса» и Зелюка. Также хорошо, что среди вас нет белоручек. Любой из вас, без каких бы то ни было предрассудков, желает поднять любое дело. С радостью мы вспоминаем, как Логван на 54 Стрит, ринулся расставлять стулья перед концертом. Это залог будущих реальных возможностей, и все эти «это меня не касается» с мыслями, что это ниже моего достоинства – все они принадлежат старому разрушающемуся веку. Сейчас – выше, чем горы и глубже, чем глубины. Отдохните на природе. Здесь становится влажно. Мы ставим картины к камину, иначе по ним расползается сырость. Только в мужестве и неустанной находчивости мы идём с вами. Р.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

12 июня 1924 г. Нью-Йорк
Письмо З.Г. Лихтман к Рерихам Н.К. и Е.И.

12 июня 1924 г.

Родные и любимые мои! Получили Ваши последние письма от 10-ого и 11-ого Мая. Постараемся выполнить по возможности скорее ряд инструкций, данных Вами для Алатаса. Уже начнём наводить справки здесь относительно печатания будущих книг, как с английским, так и русским текстом. Мы уже подумывали, что наш печатник Тетер был бы, может быть, полезен, если бы он достал русский текст, что здесь не трудно. Он показал себя с лучшей стороны в этом году, исполняя очень быстро и добросовестно все работы и на очень выгодных условиях, сравнивая с ценами других. Кроме того, он русский и поэтому было бы удобно у него печатать. Но, конечно, мы раньше всего запросим все те места и людей, которых Вы нам указали. Мы сами видим, что продолжение сношений с Зелюком невозможно, хотя Тарухан и сказал, что он «лучший печатник в Париже». На днях был куплен прекрасный Blakelock⁴ за 945 дол. (что очень дёшево, ибо его картины продаются, начиная, приблизительно, с 2-х тысяч). Сегодня был куплен прекрасный Райдер за четыре тысячи, уступленный, кажется, с 6-ти тысяч. Мы все бесконечно радуемся, что выполняются Указы. Теперь думаем также купить Sully⁵, жил в одно время с Copley и Stuart'ом, также портретист. Дела в школе заканчивают-

⁴ Ральф Эльберт Блэклок (1847-1919) – американский художник-пейзажист.

⁵ Thomas Sully (1783—1872) - американский художник.

ся, будут продолжаться занятия раз в неделю по скрипке и роялю, и за этим будет следить Grunwald, служитель с женой, оба очень честные и преданные люди. Также будут следить в Воскресенье за Музеем, от 10-ти до 5. Кроме них ещё имеется служитель, приходящий по Воскресеньям и рекомендованный Metropolitien Mus.

Мы вчетвером едем 22-ого, а Хорш и Грант 25-ого Июня. Логван будет каждый день вызывать по телефону New-York и таким образом узнавать всё касающееся учреждений. Модра едет на 6 недель и 10-15-ого Августа будет обратно для работы по publicity. В Corona Mundi будут развешаны картины и лист с обозначением их имён дан Grunwald'у, в случае, если кто посетит Corona Mundi летом, он сможет дать толковое объяснение. Он также будет записывать адреса приходящих и пересылать их нам. Но, конечно, если будет необходимость. Логван или Авирах поедут в New-York, ибо это всего несколько часов езды. Не думаю, чтобы директора Музеев, к которым мы писали, посетили бы Музей летом, ибо они почти все уехали в Европу. Относительно Алатаса сообщить нечего пока, написаны письма повсюду, в русские магазины страны, Чернову, магазин «Нового Русского слова» продан Таруханом частным образом между его знакомыми. Написано Чистякову и другим по Вашим указаниям. Нас теперь, родные мои, не так озабочивает вопрос о распространении Микулы, как состояние духа Тарухана и Нару, они опустились, ходят одолеваемы самими тёмными сомнениями, в нас не верят, что и сказать, чувствуется скептицизм.

Любимая Е.И., Вы нам писали о том, чтобы мы были осторожны в разговоре с ними о Христе из-за их узкого догматического понимания. Представьте себе, мы с ними этот вопрос до сих пор не затрагивали, но на второй день после получения Вашего письма (к нам четверым) Тарухан в разной форме сказал, что он пришёл к нам как русский и как христианин, а мы отрицаем русских и христианскую молодёжь. Это, конечно, из-за клуба христианской молодёжи (студентов), в котором его пригласили участвовать, а мы ему не советовали. Председателем этого Общества, кажется, состоит Вирен и другие, подобные ему там, члены. Курьёз был в том, что в этом клубе его приняли за композитора Гребенщикова и написали письмо в Алатас с просьбой дать для продажи его музыкальные сочинения! И вот он за эту кучку русских, не переставая, ведёт с нами мелкую борьбу и вязнет в тлене мелкого самоблюбия, обид и личных выгод. Вчера мы все должны были встретиться у Порумы, но я заболела горлом и осталась дома. Как мне передавали, опять был тяжёлый разговор, о котором Вам напишет Ояна. Грустно за них всех, ибо отвергают руку помощи от нас и Милосердную Водящую Руку Учителя. Ваше последнее письмо, родная моя, мы не показали им, ибо не в таком они состоянии, чтобы почувствовать святость беседы Христа с Учителем. Мы все проникнуты значением этих великих слов, сказанных столько веков назад, и так много разъясняющих в это время. Эта беседа всё время звучит в душе моей, и я бесконечно счастлива и благодарна Вам, родная, читая всё это доверие к нам. Конечно, Морею и его жене мы ничего не можем говорить об учении, да они и не стремятся, ибо ушли в личные заботы. Относительно tea room (как я счастлива, что Вы нам написали об этом) мы тоже не решили говорить Нару, ибо это очень сложный вопрос. В письмах к нам до приезда, она писала, что будет искать работу шитьём, по приезде же сюда явно не хочет этого делать. Сидит целый день наверху в Алатасе и печатает на машинке

письма Тарухана или копии со статей. Тарухан же ничего не делает сам, всё заставляет её делать, надеясь, что и она будет получать тоже жалованье. Он лично не хочет переписывать или работать вообще, хотя теперь почти никакой работы почти нет в Алатасе, но эти два письма, которые он пишет в день, он переделывает раз 10 (это факт!) и он их печатает. Тяжело писать об этом, родные, но я это лишь потому пишу, чтобы пояснить Вам, почему мы ей не говорим о tea room. Они оба так ещё далеки от идеи служения, но лишь думают о личных выгодах. <...>

Родные, напишите нам, каково Ваше мнение относительно печатания теперь Василия Чураева. Мы думали, что Пути Благословения должны выйти раньше, но сделаем всё по Вашему усмотрению. Тарухан, видимо, хочет её сейчас издавать. Он написал страницу от Издательства к Путям Благословения. Мне бы очень хотелось, чтобы он Вам её переслал, ибо по ней Вы ясно увидите состояние его духа. Подумайте, он говорит в ней о «Лучах Дьявола!» Статьи Вашей под названием «Действие» у нас нет, это Ваша новая статья, которую Вы собираетесь прислать?

Пока бесконечно обнимаю и целую Вас, родные и любимые мои, Ваша вечная связь с нами даёт нам силу одолеть все препятствия, ибо этим мы прокладываем ступени по дороге к Нему.

Ваша преданная Вам *Радна*

Все мы с радостью читали прекрасное письмо Светика к Логвану.

Поцелуйте его от нас всех, напишем.

Мама Вас горячо целует и благодарит за присланную ей любовь и ласку.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

14 июня 1924 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Form 51
CABLEGRAM - "VIA COMMERCIAL"

RECEIVED AT
20 BROAD STREET
TEL. EXCH. 6420

J02 XP221

DARJEELING 16

LCO HOROSCO NY

PLEASE STUDY CAREFULLY OUR LETTERS BEFORE READING

THEM TO NEWONES LOVING THOUGHTS

ROERICH

ПОЖАЛУЙСТА, ВНИМАТЕЛЬНО ИЗУЧАЙТЕ НАШИ ПИСЬМА ПРЕЖДЕ ПРОЧТЕНИЯ ИХ НОВИЧКАМ МЫСЛИ ЛЮБВИ

РЕРИХ

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с английского)

14 июня 1924 г. Даджилинг
Письмо Н.К. Рериха к В.А. Шибяеву и Кордашевскому Н.В.

14 июня 1924.

Родные Яруя и Чахембула, прежде всего, об устремлении Чахембулы к магии. Помните, что Будда изгнал и лишил силы одного ученика за применение магических сил. Ведь магия в её современном виде приведёт лишь к подмосткам Карнеги Холл, а или к «чудесам», описанным в романах Кр[ы]жановской. Не говорю против неё, но концепция прошлого столетия не применима сейчас, ибо сейчас решаются судьбы коренных перестроек. Устремившись к элементам - среди них и останетесь, в низших слоях. А путь сейчас кверху. За эти дни значительно расширены планы на реальное будущее. Яруя, Вы просили расширения капитала, но это уже надо делать местными средствами. Цветок посажен, и растить его надо на месте. Учителя любят, чтобы дела росли изнутри. В этом залог твёрдости. И о Вас многое утвердилось за эти дни. Даже знаем, когда (года через 3) по делам фирмы Вам придётся побывать в Москве. Нет ли уже теперь планов на транспорт с Россией? Ведь Вам - латвийцу - это удобно. Если будут встречаться по пути русские имена - напишите, нет ли знакомых. Скоро будет транспорт с Англией и с Францией, и Вам не надо опоздать. Сколько замечательного творится всюду, и на Востоке, и на Западе. Этот договор с Китаем! Тагор в Китае читает лекции о том, что «Азия для Азиатов!». Неожиданно для него.

У нас тоже много нового. Когда и как Вы узнаете всё получаемое? Теперь же важно знать, что планы всё твёрже и обширнее. Хорош снимок с иконы «Конного Архистратига», где Вам удалось достать её? И с каждого дела, с каждого приобретения отчисляйте % в World Service, ведь всё входит в её сферу. Начните оба раздачу книги «Листы Сада», надо, чтобы она проникла в неожиданные слои. (Конечно, нас при этом не упоминайте.)

Целуем Вас крепко и часто между 9 и 10 вечера вспоминаем.

Духом с Вами

Как вещи из Финляндии?

Публикуется по изданию: Н. К. Рерих. "Держайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

14 июня 1924 г.
Письмо Н.В. Кордашевского к Рериху Н.К.

14.6.1924

Дорогой Учитель,

Во многом изменился я, т.е. вернее то, что было завоевано в эту зиму - укрепились во мне.

На всё, что связано с физическим планом, я смотрю спокойно и сумел предать себя всецело в Волю Божию. Это избавляет меня от многих тяжёлых переживаний и настроений. Я настолько спокойно смотрю вперёд, что даже в семье мне говорят, что надо более интенсивно стараться устроить своё земное благополучие. В этой области я ничего не предпринимаю нового, здесь это, впрочем, и трудно, ибо я уже сделал попытки во всех областях возможного. Если представится «случай», я бодро примусь за работу, но пока мне не даётся этот «случай» - я сижу совершенно спокойно, зная, что когда будет нужно - будет дано.

Вполне понятно, что я не жалею ни на что, как это делал прежде, ибо отдался в волю Ведущих и знаю, что в каждую данную минуту мне даётся то, что мне необходимо. И опять всегда помню, что следует воздерживаться от обывательского взгляда на вещи, иначе ученичество - пустой звук.

Духовное - иное дело. Тут следует и искать, и стучать, и просить, ибо часто в просьбе - крик души. И насколько неприлично говорить мне с Вами о делах мира - настолько необходимо писать Вам о духовном. Вот, читаю Secret Doctrine - и плохо идёт дело. Вообще я замечаю, что в области оккультной, прочитав несколько книг и поучившись несколько месяцев, - я невежда большая, и завоеваний в этой области, которую я считал до сих пор единственной, в которой действительно что-либо знаю, - нет.

Правда, может быть, я недостаточно знаю языки французский и английский (на них все мои книги), чтобы свободно понимать. Может быть, и философская моя подготовка для теорий недостаточна... но, во всяком случае, (не приходя в отчаяние, так как впереди много-много жизней и времени для изучения) я всё же иногда переживаю горькие минуты, которые могу сравнить с провалом человека, задачей которого является прорезать туннель в величайшем горном массиве планеты и... вооружённого... сломанным перочинным ножом.

Но опять-таки, сами мы по себе - ничто, не высшее «я», конечно, а низшая субстанция, выражающаяся в материальной, астральной и ментальной сущностях - и опять-таки, может быть, надо ждать терпеливо, когда и возможность знаний будет дана Свыше.

Сила воли - и это совершенно особенная вещь, и не зависит от каких бы то ни было напряжений низшего «я» - она совершенно особа и является из области высшей, т.к. есть проявление души.

Например, Яруя - у него нет совершенно знаний, кроме самых основных, но... зато у него на практике медитации большая сила. И главное, что он получает во время неё большую радость. Во мне же, когда я сажусь, и до конца нет теперь никакого чувства. Вокруг всё мёртво.

Но есть и у меня продвижение - это спокойствие и отдача себя в Волю - это уже есть большой шаг из того состояния, в котором я был ещё полгода тому назад.

Думаю, что нет больше ничего, что могло бы повлиять на меня. Я улыбнусь всему, что бы со мной ни случилось. Иносказательно - разорвись в двух шагах от меня граната из чистого неба - я не пошевелил бы бровью. Всё, что даётся - даётся для пользы и Свыше, и единственный правильный ответ на это - полное спокойствие, полное безразличие. Каждый день, каждый час приближает нас к концу нашего тяжёлого странствования и... настанет когда-нибудь счастливый час пробуждения на духовной родине. Надо ждать этого с нетерпением и с радостью. А до этого быть спокойным и сохранять силы для Служения, которое может быть дано и в этом воплощении. И весь секрет этого покоя - отгонять от себя все желания, ибо желания дают только страдания. Желать можно только тогда, если чувствуешь в себе достаточно силы, чтобы улыбнуться неудаче. Конечно, я говорю о личных желаниях, а не о большой идее безличной. Зародыш собственной личности должен быть разрушен.

Экзамен был у меня хороший с поездкой в Индию. Я сделал всё, чтобы ехать, и остался спокоен, когда пришёл отрицательный ответ.

Вы спрашиваете, как провёл я день 24 марта - это было время моих самых жгучих страданий - и я всецело был во власти их.

Будьте уверены, дорогой Учитель, что я иду бодро посланным путём, и нет во мне сомнений.

С любовью шлёт привет

Чахембула

Публикуется по изданию: "Дельфис" №21(1/2000)

15-17 июня [1924] г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Кругу в Америке.

15 июня.

Родные и любимые. Пришло письмо Логвана от 13 мая. Как много там замечательных моментов. Реплика Шклявера о Мастер Институте вызвала правильную реакцию Логвана. Примечательно, что месяц назад, Иск.-Хан. видела лицо Шклявера и слышала его голос: «Предатель установлен». Это означает, что должно проявить осторожность, не волнуя его. И неправильно принятое отношение масонов к имени Соломона и к Мастер Институту – Логван понял, что это? Конечно, не следует искать у современных масонов духовного откровения, можно смотреть на это только практически. Также и требование Яруи об увеличении капитала, хотя уже в Швейцарии было сказано, что дело должно расти изнутри. Что за честь поднять дело, когда ему помогали такими большими средствами. Должно вырастить цветок из зёрнышка, как бы единым дыханием сердца. Очень хорошо, что Чахембула стал переписываться с вами. Ему очень надо работать над собой. Я собираюсь написать ему о том, что он должен отойти от поворота к магии. Ему необходимо понять, что магия приведёт его только в низшие сферы духа. Будда отлучил и отослал прочь одного из учеников, потому что он практиковался в силах магии. Только путь прямого духовного общения приводит к высотам. Ни Будда, ни Христос, ни Моисей не использовали магические формулы. Напишите мне, как была заложена деловая основа «World service». Поделитесь также, как идут другие дела. Вероятно, «Алатас» строится по тому же плану. Какие новости о судьбе русской выставки? Мне пришлось заказать новый набор красок из Парижа. Кто-то вошёл и лукаво украл больше половины запаса. Через одно из видений, мы знаем, кто это мог быть. Теперь картины стоят у печки, чтобы избежать следов сырости. Муссон и дождь каждый день очень обильные.

16 июня

Необычный указ. Вместе с Люмоу я должен приехать в Америку на один месяц в ноябре для того, чтобы дать вам *всё* о будущих делах и вместе с вами заложить и утвердить основу. Сказано выехать отсюда в середине октября, чтобы быть вместе с вами в середине ноября и пробыть месяц. Перспективы Алатыря очень широкие. *Мой приезд держите в полной тайне*. Не говорите ни Тарухану, ни Морею, чтобы это не распространялось дальше. Какая это будет радость – увидеть всех вас и говорить с вами о великих делах. Теперь о визе: Пошлите мне на бланке Мастер Института приглашение на английском прибыть на важную объединённую встречу всех учреждений и отметьте, что заказ на серию «Гималаи» может быть продолжен по возвращении в Индию. Скажите, что на этой объединённой встрече присутствие президента-

основателя совершенно необходимо. Будет сказано обо всём, об Американском Музее и Сибирском кооперативе. Как всё широко. Жизненно во всей полноте необычной сказки. Начинайте хлопотать о визе в Америку как для должностного лица учреждений и основателя Музея и для Светика. *Только не распространяйтесь о моём приезде.* Светика можно вызвать как преподавателя.

17 июня.

Пришли ваши письма. Всё, что вы пишете, правильно, и единение куёт новую мощь. И вы не только говорите и думаете ярко и самоотверженно, но вы и действуете в полном единении. Это мощь! Мы очень сожалеем о болезни дорогой Нару. У неё доброе сердце и, действительно, она настоящая помощница Тарухану. Когда-то вам казалось, что вы уже едины, теперь вы сможете почувствовать, как возможно ещё большее единение. Конечно, очень скоро Тарухан поймёт, где настоящие русские. Где те, кто молоды духом, кто желанные друзья. По поводу первых бумаг - Тарухан не должен изымать их сейчас. Мы поговорим об этом потом. Как чудесно, что вы так глубоко чувствуете, что только совершенно искреннее и без самости даяние получает полную сияющую награду. Все наши сердца сейчас стремятся к вам, любимые, и я радуюсь, что увижу вас даже раньше, чем Россию. Держите это в тайне. Духом всегда с вами.

9 июня.

Для круга: «Тарухан и Морей, научитесь у семерых как охранить врата Мои. Нару может почуять врагов. Сергей говорит: "Не малому служите". (вставьте это в письмо к новым).

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

17 июня [1924] г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к Г.Д. Гребенчикову.

17 июня.

Дорогой Тарухан. Мы радуемся Вашим мемуарам. Мы рады тому, что Вы почувствовали чистую атмосферу Дома, где Вы трудитесь. Если Вы почувствовали эту чистоту, значит, Ваш дух подойдёт ещё ближе. Воистину, в этом Доме нет отрицания, нет предательства, нет мелкого самолюбования. Из этого вырастет настоящее дело, но не только дело, а, *главным образом*, очистятся мысли. И то, что было доступно вчера, завтра будет недоступно. И, служа Америке, Вы служите Русскому Народу. Так как эти две нации будут неразделимы в будущем. Вы уже почувствовали, что приехали к настоящим братьям и сёстрам. Вы помните, как Вы пришли к нам за наставлениями. И Вы уже видите, как каждый постучавшийся получает, если он готов к самоотверженному даянию. И внутренняя сила Братского Круга в десять раз увеличивает каждое достижение, так же как и вдесятеро возрастает результат недоброго действия для делателя. Потому идите светло без отрицания и разрушения. Нару уже может ткать ткани света. Поцелуйте её за то, что она переписывает мемуары. Постепенно дневник путешественника станет сказкой, входящей со сцены в жизнь. Поцелуйте Морей. Пусть он набирает опыт. Мы рады серьёзному размаху в

мемуарах. Если где-то есть что-то, кажущееся незначительным, запишите это и пришлите. На всё есть своя причина. И уже многое может быть объяснено, остальное же будет объяснено позже. Так чудесно читать письма Ваших братьев и сестёр, стремящихся со всей силой духа любить Вас.

Духом с Вами,

✠

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

14-17 июня 1924 г. Дарджилинг

Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

14 июня.

Любимые, сегодня я вам дам беседу от 1 июня, которая, как мне кажется, придёт как раз вовремя, потому что вы сейчас читаете Письма Махатм. Я получила эту книгу из Парижа два дня назад. И я радуюсь и глубоко сожалею, что эти письма целиком попали в прессу. Вы, конечно, оцените их так, как должно. Вы многое из неё возьмёте, но других она введёт в искушение. Оно может дать неверный образ учения и Братства. Они не смогут понять простую истину, что каждая эпоха имеет свой стиль, свою психологию и, конечно, свои предрассудки. И Им, Стоящим поверх эпох и условностей, они обязаны большей уверенностью и большими результатами в приближении к людям в одеяниях соответствующей эпохи. Не забудьте, что семидесятые и восьмидесятые годы, были самыми материалистичными, самыми бездарными в смысле проявления красоты и высокого романтизма. Этим вы также объясните разницу в направлении и сущности между данным учением и сегодняшним. Дано знание объединённого плана, сроков плюс идеология и методы. Та сторона учения и аспекты, которые полностью неприемлемы для западных умов того времени. Или, попадая на глаза завистников, они порождают зло.

В этих письмах и в Тайной Доктрине удивительное богатство Даваемого и жемчужины намёков, может быть, слишком много, потому что до сих пор то, что дано, ещё не усвоено. Кстати, Порумочка была возмущена по поводу трубки М.М. Она была права, потому что достаточно прочесть письмо М., в котором Он благодарит Синнетта за ту самую трубку, чтобы проникнуться хорошей иронией этого ответа. Та же самая несчастная трубка упомянута Мастером К.Х. для яркого представления, потому что трубка в те времена была абсолютно необходимым аксессуаром для интеллектуального джентльмена. Как в малом, так и в великом людей могут впечатлить и повести за собой только знакомые образы, это закон – к несчастью, хочу прибавить, и к страданиям Е.П.Б., вечная память этой великой душе! Я прочту эту книгу по порядку, сейчас я её только просмотрела. Теперь я передам беседу:

«Можно сказать, отчего решено отказаться от чудес. Путь чудес самый далёкий от гармонии. Или чудо пропало, тогда оно просто вредно. Или оно вздёргивает человека на степень, которую не может держать окружающая атмосфера. Или, попадая на глаза завистников, оно порождает зло.

Мужественно знать возможность проникновения в полный свет и сознательно закрыть необычные проявления – значит приблизить гармонию. Идти путём расширения сознания – значит приблизиться к Истинному Действию. Луч понимания сужденной необъятности явленной мощи может соединить готовые души, без этой готовности любое чудо обращается в любопытство.

Можно иметь силы в своём распоряжении, но не для демонстрации, но для поступательных действий. Когда для толпы сущность невидима и не возбуждает внимания, заслоненная следствием, такая сущность проникнет в сознание народа, приучая его к факту рукотворному. Таким образом, следствием высшего духотворчества будут действия рукотворные. Подобаает духу пребывать в духе. Пусть рука являет земное направление, рукотворчество не возбуждает ненависти. В древности, сообщая веления Бога, закрывали лицо, потом пошли сломить материю объявлением не завоёванных сил. Конечно, это породило инквизицию. - Сущность инквизиции есть преследование необычного. Сделать необычное сужденным как следствие кооперации заставит принять даже самых тупых. Потому пусть чудеса останутся лишь в сознании немногих, способных заглянуть в беспредельность. Получается обратное древности: прежде жрецы сохраняли чудеса для толп, теперь чудеса – для жрецов. Устремление к истинному кооперативу лежит в основе плана. Уничтожить путь невежества можно лишь пробуждением творчества. Пусть формы его будут даже чудовищны, пусть на задворках из лучинок солнце делают! Но кипучий поток пробьется через стены материи. Новые находения обострят собирательство. Вместо биржевой игры пусть будет стремление находений, поддержанное кооперативом. Дух механика-самоучки потечет широко. Пределы, сковавшие запад, незнакомы Новой Стране. Истинно, им можно дать недра и воздух. Пусть Форды копят миллионы для кооператива. Только бы донести, сколько суждено».

Проникнетесь этой беседой и помните её. У вас будет большая радость. Дан Указ для Н.К. поехать на внеочередное собрание корпорации в середине октября. Он будет с вами в течение месяца. Происходит много нового, что надо утвердить, и программа будет по годам. Сейчас мне было сказано предупредить Ояночку по поводу её слишком больших духовных стремлений. Учитель просит об особой осторожности осенью. Через пятнадцать - двадцать лет вы можете получить полезную силу, но сейчас вы слишком молоды. Не следует позволять себе костёр духа. Ояночка, вспомните книгу Мэйделин Семер, как быстро она сгорела, когда дала полную свободу своим стремлениям. Чаша Амитры достигается не жизнью в экстазе, (которую вы имеете в Девачане), но через гармоничное развитие всех наших оболочек на земном пути. Вы все нужны для огромного дела; вы собираетесь позволить себе проспаться этот случай? И кому я собираюсь отдать всё, что доверено мне? Ояна, храните себя. И также я прошу позаботиться о Софье Михайловне. *Ей нужен отдых*. Разговоры о ежедневной <....> непозволительны, и даже субботние сидения, лучше в течение лета иметь их каждые две недели. Я передаю вам слова М.М: «Шафран должна отдохнуть. Между тем, если скажу об этом, они сочтут за нежелание проявляться с Моей стороны. Явление болезненно, если оно не подготовлено медленным и прошлым процессом. Они не должны подражать вашим ежедневным беседам. И вам бывает трудно, и вас Мне надо убедить не перегружаться, иначе вы не выдержите настоящее. Всё это касается в основном Ояны и миссис Шафран. Ояна, тихая радость».

Снова я не сказала и трети того, что должно быть сказано. Я должна кончать. Моя Порумочка, я чувствую её так близко, и Модра так нежно смотрит на меня. Я вижу улыбку Радны и сияющие глаза Ояны. Софья Михайловна, моя родная, берегите себя. Нару, храни Тарухана. Вы все в моём сердце. Иск. Х.

17 июня.

Спешу добавить то, что было сказано сегодня: «Рискованно поведение Морея. Главное, зачем отягощать чужие ауры. Рискованно горы двигать. Дух хороший, но нужна ванна. Не дурно указать Морею, что в умной религии нет растерянности. Слишком много решил о себе. Укажите своим».

Получили ваши письма. Мы очень сочувствуем новым, но ещё больше вам. Потому что мы хотим, чтобы вы отдохнули. Я понимаю, как вам трудно, но скоро будет легче. Об одном прошу вас – сопротивляйтесь твёрдо, если они захотят проникнуть туда, куда им не следует. Влияя на Нару, вы можете что-то сгладить. Ояна, Радна, помогите ей. Она заслуживает доверия и внимания. Хорошо дать понять Морею, что дружеская помощь *не бесконечна*. Знак - только призыв к сотрудничеству, и они должны понять, что много было позванных, но мало избранных. И если кому-то трудно почувствовать всю выгоду сегодняшнего сотрудничества, то он может уйти, возвратив знак ближайшему брату. В случае особенно глупого действия так ему и скажите. Мы думаем, что лето и пребывание в одиночестве научит их многому. Конечно, их встреч с соотечественниками нельзя избежать, но пусть они найдут тактичность не упоминать о *делах*. Обо всём круге и о Нас. Мы имеем причину, чтобы поставить это условие. Я напишу Нару и постараюсь повлиять на неё. Не говорите ничего о приезде Профессора Рериха, так как они собираются распространяться об этом. И, кроме того, пусть они самих себя покажут более ярко. Пусть зреют все фрукты в саду. Всем своим сердцем я радуюсь вашему единению. Вы правы, всё это должно удивить их больше всего. Так как позади они чувствуют силу и будут испуганы.

Однако, я смотрю на это довольно оптимистично, так как имею клише будущего. Я видела Тарухана в деле. Ояна и Нару в какой-то избушке ждали прихода Фуямы. Главное то, что Мастер никогда не делает ошибок в выборе, и их возможности просчитаны. Поэтому, мои любимые, переживите это испытание. Это будет также полезно для вашей будущей широкой деятельности, когда вы будете встречаться с разными типами людей, иногда, более тяжёлыми, чем Завадские и Таруханы. С приездом Н.К. многое станет легче, потому что Тарухану будут даны объяснения, о которых мы умалчивали, так как мы знали, что он встретится с русскими. В мыслях всё время с вами. Относитесь ко всему легче.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

17 июня 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к В.А. Шибяеву.

17 июня 1924.

Родной Яруя, пишу Вам Указ, полученный вчера: «Явите Яруе его приезд в Индию по делу чая. Он встретит в Марселе Фуяму (меня) и с ним проедет в Адуаг, где уже будет Урусвати. Отсюда вернётесь в Hillside на месяц, затем в Майавати. Яруя ознакомится в Darjeeling с чайным делом и вернётся. Главное, он вместит дело с Удраей и запомнит весь план. Ему пошлите Мой привет».

Вот какую радость поручено Вам сообщить. Именно, ещё в Лондоне сказано было, что Вам удастся побыть здесь! Всё приходит вовремя. Храните эту весть в строжайшей тайне. Приищите на 2,5 месяца заместителя. Наладьте всё дело. Достаньте визу на Индию. Мне поручено побывать по Делу в Америке.

Поеду в половине октября. Проеду месяц. Там пробуду месяц, и, значит, в половине декабря буду возвращаться и около 24-25 декабря попаду в Марсель, где Вы должны быть. Скажем, я могу опоздать дня на 3. Когда я буду в Америке, я лично передам о Вашей поездке. Если можно, запаситесь представительством по чайному или иному делу от Литвы или от Латвии. Деньги пока возьмите из дела - там будет видно будущее. Вот, родной наш, какие подвижки предстоят. Напишите нам сейчас же, когда выясните срок и название парохода, надо сделать это теперь же.

Посылаю Вам название Weimar Farben - спишитесь и дайте мне письмо, можно ли их выписывать, пришлите каталог. Тогда я поручу Вам купить по списку и привезти в Марсель. Письмо короткое, а сказано (именно Вам) так много. (Не просите от Логвана увеличение капитала. У него сейчас великие расходы).

Духом с Вами £

Публикуется по: Н. К. Рерих, "Держайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

[19] июня [1924 г.] Дарджилинг
Письмо Е.И. Рерих к Т. Гребенщиковой.

19 июня 1924 г.

Родные и любимые, любимые.

Радость от получения ваших писем растёт всё время, потому что каждое сообщение приносит новое подтверждение о завоеваниях духа. В них меньше активных попыток к проявлениям экзальтации, меньше торопливости и ожиданий быстрых результатов, но больше радости от возможности давать, создавать и крепнуть. Для того чтобы вы видели поворот текущих событий, я хочу привести здесь ближайшую беседу. «Стандарт жизни надо умело обойти. Хотящий дойти в новую страну должен не только отбросить все предрассудки, но и войти путём новым. Утверждение жизни надо строить на применении условий настоящего. Если где сто языков, надо понять сто психологий. Одно выражение для всех подобно колонне казённого дома. Единство в многообразии даёт следствие урожая.

Фрукты надо растить прививкою новых нужных токов, потому будем часто говорить о новой стране – это самое спешное. Надо дать точное напутствие всем, кто раньше вас вступит на почву новой страны.

Помимо Удраи, имеем посылки Авираха к евреям и приближение Тарухана к Алтаю, и сотрудничество Яруи, и обновление жителей Харбина, и нити с новой страной. Много текущих дел. Указать надо, как привести в спокойное состояние дела в Америке. Эти дела должны вести аккомпанемент мировому делу. И всякий ненужный визг или треск не годятся для гармонизации.

Нужно не упустить и старые заветы – не больше года осталось искание Рокфеллера. Должен Тарухан привыкать к имени Форда. Запомните имена Butte и Dogenu. Русские посылки идут. Пусть "Пан Космос" не забудет одобрить сношения. Хозяйство не малое. Жрец должен часто помнить, чисто ли во Храме? И потому надо порядок охранять во всех делах. Много ползающих. (Томас)

Хорошо явить новым сочувствие. Хорошо завести особый лист всех новых. Результаты школы дороги. Радна сестре Нару поможет. Явление Моего Учения может согреть её устремление. Устремить глаза надо на малых, на де-

тей. *Надо помнить, что нужны будут новые руки через три года.* Чую, как новые листья растут, надо их рассмотреть. Явление скромных людей надо применить. Порума может готовить чистых новых, молча приходящих. Не настаиваю на имени, ибо скучно находить грибы подставленные. Скажу только, улов есть. И очень не заметный. Руки надо держать широко, ибо рыбы могут уплыть. О рыбах поговорим особенно. Я крадущегося вижу. (Томас). Лучше применить *долгие меры*. Черноту кольца *надо вывести постепенно*. Я вижу, как он собирает бумаги, но после они ему не пригодятся – записи и наблюдения». Как видите, это предназначенная программа деятельности. Должны быть приняты меры, чтобы сделать Томаса безвредным и снова указания на Рокфеллера. Он недавно дал 1 миллион долларов для восстановления Реймского собора. Неужели он не поможет в своей стране. Нам был указан серьёзный человек, но мы все стали настаивать на Фляйчисоне и потеряли другие пути. Надо явить стремление и находчивость. И помнить о трёх годах и как много надо преуспеть в делании, в укреплении и готовности. Пор[ума], моя родная, как я рада видениям её образа М., потому что это подтверждает её окрепшее состояние, так как Мастер никогда бы не позволил ни каких явлений слабому организму. Моя самая горячая просьба к вам всем – продолжайте свой отдых как можно больше, не бойтесь продолжительного сна, увеличения аппетита и лени, потому что это необходимое условие для правильного развития. Когда дух просыпается и человек сознаёт это, появляется опасность перевешивания духа над телом и отрыва от земли, что совершенно не входит в план, потому что мы должны работать для человечества, оставаясь на земле, совершенствуя наш сосуд. Уходя от земли, мы становимся слишком чувствительными к явлениям земли и можем нанести непоправимый вред нашему аппарату, который является выражением духа. Чем более совершенны и гармоничны функции аппарата, тем выше и *продуктивней* явления духа. Поэтому храните ваше тело – храм духа.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

20 июня 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

20 июня 1924.

Родные и любимые.

Как чудесно, что я снова увижу вас. И мы так много сможем обсудить все вместе. Мы только и думаем, как всё это будет. Сказано: «Пусть Логван обеспечит картину неожиданного приезда». Можете представить, какая польза будет, когда, кроме круга, никто не будет знать и я приеду «нежданным». Шлю статью о Тагоре. Как видите, наши пути расходятся. Так как его направляют в сторону шовинизма. Но внешне мы ничего не имеем против его деятельности. Юрий просит, по его *указанию*, послать статью о Музее Роджерсу, Cosmos Club, Вашингтон. Мы получили письмо от Ремизова и снова видим, насколько усложняется жизнь, когда люди не могут приблизиться к учению. И очень мало читают книги. Он предложил напечатать его вторую книгу. Мы ответили, что мы сожалеем, что связь прервана с февраля, а от издателя – что до следующего сезона публикаций больше не будет. В ноябре мы увидим, как пойдёт его первая книга. Они очень жалуются на Тарухана, но вчера нам было сказано, что Тарухан о них написал хорошо и что лучше замечать только хорошее.

Как так получается, что Тарухан везде поступает неправильно, но как должно быть, так и будет.

Крепко целуем вас.

Духом с вами. £

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

20 июня [1924] г. Дарджилинг

Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

20 июня.

Родные и любимые.

Как мы чувствуем трудность вашей ситуации с новыми. Мы знаем, как много силы забирают их туманные и неорганизованные мысли и как трудно объяснить им всё, не выдавая всего плана. Смотрите на это, как на хорошее упражнение для будущей деятельности. Давайте вспомним, что и для нас не все Указания были ясны, и мы часто пытались настаивать на выполнении того, что, как мы думали, будет лучше. Где люди, которые легко освобождают себя от старого багажа? Накапливают веками, но достаточно отважны, чтобы заглянуть в полуоткрытую дверь истины. И где сердца, способные вместить красоту великого духовного единства! И мы не забудем, мои любимые, что наш круг совершенно исключительный, собранный вместе довольно близкими связями в веках. Разве не вы наши любимые, в прямом смысле этого слова? И разве не был назван опыт нашего круга блестящим? И потому примем более дальних с терпеливостью и твёрдым решением показать им на нашем примере красоту единения. Посланные и позванные всегда нужны для определённой части дела, и часто их трудно заменить.

Таков Тарухан. Он крыло для С[ибиря]. В новой стране, возможно, только в техническом смысле. Вчера я отправила письмо к Нару и сохранила копию для вас, потому что я хочу, чтобы вы были в курсе наших отношений. «Легче перейти горы, чем распрямить человеческий хвост». Ваши последние письма помечены шестнадцатым и семнадцатым мая. Я получила мысль просмотреть беседы за эти числа. Передаю их вам: Семнадцатое мая: «Чую новую клевету – как сорная трава под забором. Думайте о русских как о хламе (русских определённого типа). Если бы их можно было избежать, добру ручательство было бы несказанно ближе. Как можно сравнить их ядовитую слюну с Нашим горизонтом? Посидим и подумаем о круге, посылая крепость». Май 18: «Посидим хотя недолго и подумаем о круге. Ваша гармония очень полезна». Май 29: «Я новых приготовлю для России. Знаю, как можно улучшить. Умаление просачивается, и посуда разбитая гремит. Просто пережить и действовать». Начиная с 8го июня, мы сидим почти каждый вечер и посылаем вам крепость и силы. Июнь 17: «Луч Мой много явлений мучительных указал. Фуяма, чужое пичкание одолело Тарухана. Я думаю, Урусвати имеет к Нару прекрасное письмо в голове. Удумаю, как помочь Морею. Уехать полезно. Очень смута велика. Глуп Морей, один посторонний указал. Нару достойна. Уявлю Руку Морею. Нельзя отравлять сердца нам близкие». (Продолжение включено в письмо к Нару. Добавляю конец беседы за 17 июня, который не вошёл в письмо. *Соедините все три части*).

«О меч острый, легко извлечь тебя, но голову не приставишь! Чистое несчастье – бедность в людях. Кто проведёт по тайге. Новые Иваны – малолет-

ние! Особенно не люблю уже сложенное грязнить. Нам с вами не бельё стирать, но дальше идти. Богатства уже приготовлены. Зачем подгрызать устои! Пусть за мыслями следят – нет ли вопросов? Пусть Зиманда отыщут. Нужно, когда Фуяма приедет, твёрдо спросить: хотите ли идти? Знак есть призыв, избрание имеет другой признак. Второй маленький камень отдайте Яруе – для кольца. Улучшение, улучшение замечаю, но твёрдости нет. Удивляется Тарухан свету. Надо пастыря нанять. Боюсь, что собирается воевать с бумажным мечом. Но может иметь и стальной. Скажите Морю: опасно выставлять оружие из папье-маше под струю воды, нужно крепче строить. И ниткою слона не привязать. Всё это практические советы. Укажите Кругу».

18 июня: «Пусть Порума прочтёт «Art and Decoration» за май месяц. Не надо было отгонять Roberts резко. У длинных рук чутьё велико. Мраком окутано явление Морья. Лучше не трогать печальное самостоятельное одурение».

19 июня: «Надо сказать о мешающих и угрожающих Мне. Легкомысленно надеяться, что порывание ткани мира может легко быть заштопанным. Даже простой звук приносит издали нежданное эхо. Насколько глубже пронзает пространство посылка духа. И эти раны почти неизлечимы. Рука, нанёсшая рану плану Владык, отвергает Щит. Можно разрушить дом, можно разрубить дерево, но препятствовать плану Владык! Говорю не угрозу, но простое следствие. Если человек прикоснулся к космическому вихрю, то всякое уклонение привлекает следующую волну. Попасть под нее – как под пята гиганта. Доброю просим – не отринь Руку Водящую, иначе горе отставшему. И какая же честь нанести Мне рану; раньше отдай всё, от Меня полученное; но не сделать тебе это, если даже приложил бы печень и сердце. Как же ударишь Давшего талант тебе. Где же будет различие от грабителя? Руку давшую, не запачкай, ибо грязь эта обратится в проказу твою. Благоговейте перед нашей лестницей, ибо можно только ею войти. Зажигая огонь Будды, освети всю лестницу. Не идолу поклоняешься, Говорю».

Родные, конечно, ещё рано давать новым это послание, но нужно подготовить их к такому осознанию. Вначале очень осторожно. И, может быть, придёт день, когда можно будет прочесть им. Переведите это как можно лучше на английский, так как в будущем это очень понадобится Поруме и Логвану, когда они будут окружены новыми. И когда им придётся использовать некоторые увещевания, потому что будет много беззаботных и тщеславных. В будущем, когда к ним приблизятся разные люди, а вы знаете, что первые шаги более или менее похожи, им придётся не однажды обратиться к этой беседе. Так хочется как следует вооружить их и охранить против любых укулов. Любимые, относитесь проще ко вновь пришедшим. Но твёрдо очертите границы, которые нельзя перейти. Сотрудникам даётся помощь. Отрицающие сотрудничество могут отойти. Помните, что Тарухан очень нужен для Сибири, Морей – ребёнок. Храните тайну о приезде профессора Рериха. Сказано: «Пусть Логван создаст картину неожиданности». Причину и пользу вы оцените вовремя.

Американскому кругу: любимые, как бы я хотела, чтобы вы имели полный отдых и не нагружали бы себя мыслями. В единстве вы непобедимы, и возможности растут, но нужно время.

Сердцем и мыслями с вами.

Иск.-Х.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

21 июня 1924 г. Рига

Письмо Н.В. Кордашевского к Рериху Н.К.

21.6.1924

Дорогой Учитель,

Получил я «Струны Земли». Глубоко захватило меня чтение Вашего дневника. И по красоте, и по рассыпанному в нём сокровенному. И читая - ещё раз убедился я, какое из себя представляю маленькое ничтожество. В плоскости моего сознания, в плоскости моего душевного мира, ибо в нём я не могу уйти в глубину, и всё время натываюсь на дно, я имею два переживания.

1) Это моя духовная связь с Вами, которая заметно для меня крепнет, растёт и становится всё живее. И это меня глубоко радует и подкрепляет.

2) Сознание моего бесконечного ничтожества. Когда-то у меня было очень большое самомнение. Теперь же я убедился, до чего я мал во всех отношениях.

Знаний никаких. Всё что было, выветрилось. Эрудиция - точно её никогда не бывало. Инструмент памяти - совершенно притуплён до того, что я не могу запомнить, что я читал, - остаётся только общая идея.

В нравственном отношении также очень неважно. Страшный эгоизм, бездушие, жестокость.

Всё это, конечно, было бы ничего. Сегодня я есть, завтра я ушёл с планеты на духовную родину. Послезавтра - новое воплощение, в котором опять всё новое. Приход в это новое с большим запасом пережитого опыта. Опять новая жизнь, в ней можно получить способности и подойти к творчеству, которое не представлялось в этой жизни. Ибо без способности нет и творчества.

Но теперь, когда впереди большое, радостное, когда связан с Тем, о чём мечтал всю жизнь, - такое сознание полной непригодности своей и полного ничтожества, - было бы ужасно. Гораздо сильнее всяких злоключений в физическом плане.

Но одно спасает меня. И это одно стоит всего. Полная отдача себя в волю Ведущих. Я верю, что если будет нужно - и в этой области разума и души мне всё будет дано в один момент - если это будет признано нужным свыше. Это сознание - мой Щит.

Молюсь только об одном. Если моё явление бесполезно, если я не в силах вынести то, что предполагается мне дать, моя радость была бы - освобождение моего духа от физической оболочки, данная опять-таки Свыше, по воле Учителей, и переход мой в другие планы, чтобы оказаться более достойным и сильным для исполнения работы в плане Эволюции Человечества.

Но, повторяю, мне дана такая сила понимания, что есть отдача себя в волю Ведущих, - что и здесь я спокоен. Ни один волос не упадёт с головы без воли Божьей, и всё будет дано. Это сознание, если оно поверхностное, если есть только в уме, но не в сердце, и не применяется в жизни - ничто. Но если оно укрепилось - то ничто не страшно. Страшно только убедиться, что это сознание было поверхностно. Но верю, что оно уже дано мне.

С любовью шлёт привет Чахембула

Публикуется по изданию: "Дельфис" №21(1/2000)

*[22 июня 1924 г.] Дарджилинг
Письмо Е.И. Рерих к Нетти Хорош.*

Порума, дочь моя, очень родная! Я счастлива знать, что наконец-то Вы будете иметь отдых – Вы, должно быть, очень в нём нуждаетесь. Я осознаю трудности, которые были у Вас с вновь пришедшими и с их малым пониманием настоящего духа сотрудничества. Отнеситесь к этому легко. Тарухан – сильный дух с довольно тяжёлым характером, но в сущности он имеет много хороших качеств, которые будут совершенно бесценны в будущем сотрудничестве с Логваном в Сибири, поэтому будем стараться изменять его терпеливо. Полюбите его маленькую жену, она заслуживает это. И имейте терпение с двумя другими. Да, это время не самое лёгкое, но если Вы действуете в соответствии с правилами и инструкциями, данными Великим, Вы победите все препятствия и получите от них величайшую выгоду. Выучите великий урок жизни, как привести довольно разных людей к одному пониманию. Вам придётся его выучить, если Вы хотите быть успешными в Вашей дальнейшей более широкой деятельности. Помните, какая доля может быть Вашей в Великом Плане! Его Луч, единение вашего круга и приезд Фуямы очистят горизонт. Не беспокойтесь, дорогая! Мы видим, где собираются облака и с Его помощью рассеем их. Великие всегда бодрствуют на дозоре, Они дают нам поручения, и мы должны только помочь им в выполнении их указов и стараться понять лучше Кармические подсказки. Я напишу ещё несколько писем к маленькой Нару и пошлю копии Вам для того, чтобы Вы могли знать, «где мы». Нелегко перепрыгнуть через старые предрассудки, и Тарухан довольно трудный, но однажды он это преодолеет и будет эффективным сотрудником. Пожалуйста, не смейтесь над моим английским, я очень сожалею, что не могу его здесь улучшить, а у меня столько много любящих мыслей и слов для Вас, но они на русском. Моё дитя, Вы всегда со мной. Я не могу отделить Вас от себя. Когда я хочу почувствовать Вас сильнее, я беру Ваши волосы и держу их близко у сердца, и это приближает Вас так сильно! Когда бы М.М. ни сказал мне подумать о круге и послать силы, я вижу Вас в своих ладонях, как в гнёздышке. Порумочка, моя дорогая, чувствуете ли Вы эту связь? Логван и Порума, мои самые родные, терпение и мужество – Великие дела не растут как грибы! Корни сильны, дайте им время окрепнуть.

Возможно, близко время, когда мы будем лучше понимать данные нам в прошлом году предупреждения о клевете и злоупотреблении наших имён. Но должны быть приняты меры, Фуяма приедет хорошо вооружённым, храните наибольшую секретность об этом приезде. Величайший посылает вам свои Благословения. Позвольте мне с самой глубокой нежностью поблагодарить Вас за Ваши правила <...> братьев и сестёр, если им не удалось сделать это.

Я обнимаю, Вас, моя дочь.

Передайте мою любовь Модре. Мы оба любим её крепко и еще дороже - чувствовать ваше единение в величайшей радости.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

23 июня 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке.

23 июня.

«Алатас».

При обсуждении авторского гонорара прошу добавить мой голос к тем, кто считает возможным дать авторам гонорар в 20%. Согласно моим расчётам, большего размера оплаты издатель выдержать не сможет. Вопрос об авансе должен быть оформлен совершенно определённо; предлагаю следующее: «В будущем, при наличии поступающих свободных денег, авторы могут получить определённый аванс из расчёта своих 20%, который утверждается каждый раз директорами учреждений после принятия положительного решения».

Таким образом, принцип кооперации будет сохранён. И ответственность за книгу будет разделена между авторами и издателями. Вопросы авторских прав пока не касайтесь. Он прояснится со временем. Касательно всех моих книг, имейте в виду, что я отдал все права на них «Алатасу».

Можно сохранить общий [вид] изданий «Алатаса», но в отдельных случаях его можно изменить. Поэтому прошу вас для «Путей Благословения» оставить размер «Адаманта». Знак издательства всегда должен быть на обложке. Различие между титульным листом и обложкой нежелательно. Думаю, тиражи можно отпечатать в Берлине и в Риге, интересно сравнить цены.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

23 июня 1924 г. Moriah Нью-Йорк
Из письма З.Г. Лихтман к Рерихам Н.К. и Е.И.

Moriah. 23-е Июня 1924

Дорогие и любимые мои!

Только приехали опять в это благословенное место и лишь сейчас почувствовали до чего мы все устали. Но здесь такая красота и покой, что дух радуется, и мы знаем, что сможем здесь прекрасно отдохнуть. Мы все постараемся исполнить Его Волю и в моменты одиночества и молчания устремиться всеми помыслами духа к Нему.

Уехали мы вчетвером вчера в 6 час. дня, после закрытия Музея. Грустно было расставаться с этими великими сокровищами Духа Вашего, любимые мои, мы посидели перед каждой картиной и вновь углубились в неё. Вчера было большое количество посетителей, утром клуб из 55 молодых, восторженных душ, которые были в восторге от Ваших картин. Эту экскурсию устроила Модра, ибо это дружественный её клуб, и она их водила, объясняла, прочла им целую лекцию. А в субботу тоже был небольшой Study Club из нескольких членов, тоже устроенный ею. В будущем сезоне мы выработаем по Вашему плану целую систему помещений: клубами, школами, рабочими. Я обязательно устрою помещение Theatre Club'a и постараюсь ещё устроить пару других знакомых мне клубов. Музей теперь закрывается до Сентября и заказана вывеска, объявляющая об этом, которая будет висеть снаружи. Школа будет открыта по Понедельникам и Средам, ибо по этим дням будут продолжаться уроки. Miss Ketunen просила позволения рисовать в школе летом, в одной из

студий, ибо у неё нет помещения. Ей было разрешено приходить эти два раза в неделю в школу. Как вы на это смотрите в будущем, родные мои, когда учителя просят позволения летом работать в школе, разрешать ли им?

Мы все были бесконечно рады тому, что за последние пару недель почти каждый день приходят письменные заказы на Adamant, книгу Селивановой, и Монографию. А лишь потому, что была сделана небольшая реклама и разосланы постеры всем издательствам и книжным магазинам страны. Кроме того, почти все книжные магазины Нью-Йорка взяли книги для продажи. По приезде, к сезону, ещё более разовьём эту деятельность, тем более, что у Brentano мы узнали, Когановская Монография о Вас, ценой в 30 дол. и, конечно, наши книги, как более дешёвые, пойдут очень быстро. Ему много раз писали, но он ещё не ответил.

Родные мои, как Вы смотрите на то, чтобы мы лично купили в Corona Mundi несколько картин? Говорю это, думая о будущем только, но не о собственном приобретении. И если Вы это одобрите, то какие именно вы посоветуете купить. Так будет дорого куда то в будущем привезти и начать новый фундамент красоты! Идея эта возникла у Авираха. Кстати, он усиленно ищет переводчика на еврейский для книги, и Рывкин помогает ему в этом, знакомя его с видными еврейскими деятелями и журналистами. Пока ещё новый не пришёл, но мы будем искать. Легенда, по Вашему совету, пошлётся в небольшой американский журнал. <...>

Нашим первым трудом здесь будет перевод книги на английский. С какой радостью мы все думаем об этом! Ещё думаем начать перевод на английский Цветов Мории. Если будет одобрено, очень бы хотелось выпустить и эту книгу в этом году. Привожу нашу чудную сегодняшнюю беседу здесь: - С вами Мой Луч. С вами Моё Благословение. С вами Я и Братство. Знамя Наше Покрывает вас. Рад Я вам здесь. Достойны – Говорю. Отдых заслуженный. Окружаю вас. <...>

Теперь хочу ещё Вам написать о новых братьях. Расстались мы с ними дружелюбно, но, должна сознаться, без чувства близости, какую мы испытывали при их приезде. Я боюсь, пройдет немало времени, пока у нас опять будет к ним чувство любви. Мы их очень просили перед отъездом, при встречах с посторонними, в особенности русскими, ничего не говорить об учреждениях, кроме того, как то, что они служат искусству и образованию. Просили быть очень осторожными при встрече с теософами, им абсолютно ничего не говорить. Морей вдруг заявил, что хочет пойти в Теософское Общество, спрашивал или мы знаем Манциарли, конечно, с ним мы говорили очень серьёзно и требовали от него полного молчания. У него уже здесь полный круг друзей и знакомых, имён которых он не хочет сказать. Знает он уже и сплетни русской колонии, так что легко себе можно представить с какими «тёмными элементами» он встречается. Они же ему подыскивают уроки, теперь ищут место для Мар. Ал. на 100 дол. в неделю разъезжать с одной певицей и аккомпанировать с ней. Пока Мар. Ал. служит в отеле, получая 60 дол. в месяц, но не довольна этой должностью.

Ваше письмо, т.е. обращение к ней, родная Е.И., я переписала и дала ей, всё же Ваше письмо от 17 Мая я не показала никому из новых, ибо мы решили ещё до получения Вашей телегаммы многое им не читать из Ваших писем. Очень возможно, что Морей будет играть в летнем симфоническом концерте в

Stadium – это ему устроила Mrs. Sawyer и я думаю, что она заключит с ним контракт, лишь бы он что-нибудь испортил.

О Тарухане трудно мне писать, он подходит теперь лестью и, главным образом, к Логвану. Об Алатасе он не думает, а вот условился с переводчиком переводить его личные статьи, за которые будет сам платить ему и помещать их в журналы. Для Алатаса, видимо, не собирается помещать статьи или рассказы.

С переводчиками на Чураевых и Микулу и продажей их в большие издательства пока ничего не выходит. Но, как он сказал, «он хочет стрелять большими зарядами», и о помещении рассказов не думает. Дали мы ему много прекрасных книжек для чтения на лето и просили его их читать. Он не переставая говорил о том, что он и Нару всегда жили у Моря летом или на даче, а это будет первое лето, когда они остаются в городе. Неприятно слушать это, в особенности, когда люди при этом совершенно не думают о служении. Последнее время мы избегали с ним говорить о духовном, после этого памятного вечера, где он говорил, что думал, что Книга против Христианства, а мне ещё до того сказал, что он приехал как русский и христианин к нам, а мы отрицаем и то, и другое. В то время, как никто из нас за всё время не касался разговора об этом с ними.

Родные мои, я надеюсь, что они пройдут все испытания, но пока между нами утерян контакт и дай Бог, чтобы он к осени, когда мы вернёмся, опять был найден. Не могу Вам сказать, как мы счастливы, что живём здесь. Мы надеемся, что Порума и Логван здесь окрепнут и поправятся, а также и Модра, которая порядочно устала. Мы бесконечно благодарны М.М. за то, что он нам послал это чудесное место.

Обнимаю и крепко целую Вас, любимые мои. Ваша в служении, *Радна*

Мама Вас крепко и обнимает, ей очень нужен отдых, ибо она болела всё время перед отъездом.

В среду отправляется первое письмо Нобелю, свыше 50-ти подписей.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

24 июня [1924 г.] Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

24 июня.

Американскому кругу.

Родные и любимые. Снова так много замечательного в ваших письмах. Сейчас я посылаю письмо Тарухану. Немного суровое, но дело прежде всего. Ему так много дано, что его задача – углублять возможности. Главное, что всё должно быть на деловой основе, только недавно Учитель указал: «*Это законно*». Не личная помощь, но разумная деловая поддержка сотрудников во имя дела. Прилагаю документ для «Алатаса». Более выгодно для нас дать больший процент от книг (от продажи), чем давать деньги наперёд. Об авторских выплатах будем говорить лично, но Тарухану я написал, что права на все мои работы и произведения отдаются учреждениям. Как мы радуемся указанию поехать к вам, потому что только личным участием мы можем многое создать. До приезда попробуйте осторожно переговорить с банками о возможностях рудного дела в Сибири. Какие отношения с г-ном Маем в Москве? Вы будете

очень рады услышать о планах. Конечно, если Тарухан не проявит более тонкого понимания, он лишится многого. Но каждый ждёт своего серебра. Напишите Меритту от моего имени: «Во время путешествия Рериха по Сиккиму в начале февраля один из главных Лам рассказал о пророчестве старого Ламы Tsarinpoché (у подножия Эвереста), что следующая экспедиция к Эвересту будет неуспешной и с последующими человеческими потерями. Так и случилось. Погибло пять человек, и экспедиция вернулась, не достигнув успеха». И как много об этом писали. Ещё раз мы видим, что активные дела совершаются тихо. Храните, мои дорогие, мой приезд в *глубокой тайне*. Когда-то один из вас уедет, а вернется не только со Светиком, но и со мной. Спасибо Логвану за телеграмму о мускусе. Светик мечтает о самостоятельном деле. Пусть растёт независимо – духовно и в деле. Столько всего впереди! Вы сами видите, как нужно единение. Родные и любимые, буду рад увидеть вас. Духом с вами. Как с визой на два месяца?

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

24 июня 1924 г. Дарджилинг

Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке.

24 июня. К Кругу.

Родные и любимые. Снова пришли ваши письма и мемуары Тарухана. Стало грустно, как много непонимания в лучших людях. Оскорбительно и трудно, мои родные, для вас, кто принял их с таким открытым сердцем, их, пришедших как бы на служение. Пришло время для нас спрятать служение в глубины наших сердец. Нельзя профанировать это слово. Оно казалось простым на бумаге и на губах новых. Пришло время объяснить им священное значение этого слова, которое вызывает в нас огонь радости и любви, беспредельной преданности и готовности положить нашу жизнь к ногам великих Учителей. Может быть, они назовут это экзальтацией или даже одержимостью. Оставьте их. Мы не боимся, потому что наши глаза и уши открыты для всеобщей битвы за Свет и Бога, которая ведётся теми великими с непобедимым терпением; и будем стоять в передних рядах воинов до последней капли крови, потому что храбрость и бесстрашие – для нас завет! Они увидят на нашем и на вашем примере, как целая жизнь может стать одним стремлением к свету, одной радостью даяния, праздником духа, и они устыдятся от того, что утверждают только на словах. От них нельзя сейчас требовать глубокого понимания, потому что они знают так мало. И у нас нет достаточно времени, чтобы укрепить их. У них слишком смутное понимание обо всём, и иногда оно принимает уродливую форму. Страх, маленький жалкий страх, держит их души в тисках. Не продали ли они себя? Боюсь, что даже дьявол с рогами где-то живёт и прячется, но настоящего врага они не видят. Это смешно и печально. Но нет худа без добра, и потому, как мы знаем, что всё должно быть сделано человеческими руками, проявление их природы очень ценно для нас, так как даёт нам знание об их человеческих ограничениях. Для будущих работ это знание абсолютно необходимо. Каждый назначит себе место в соответствии со способностями духа. Проф. Рерих написал очень поучительное письмо Тарухану и Морею. Конечно, касаться всего следует осторожно, потому что трудно просчитать все условия и настроения в диапазоне двух месяцев. Все объяснения приготовлены для личной встречи. До того времени пусть они

пользуются случаем цвести как двухлепестковые цветы. Мастер М. советует утаить приезд Профессора Р[ериха]. Я могу представить их изумление и даже страх, когда в один прекрасный день Проф. Р., Логван и Авирах появятся в школе. Пусть это будет полная неожиданность. Думаю, хорошо предупредить их, что при приближении к Учению всегда следует пробуждение всех дремлющих качеств, как хороших, так и плохих. И они должны различать их в себе и сурово судить свои недостатки, если они хотят идти вперёд и быть принятыми в ученики. Это оккультный закон. -- Всё должно пройти через суд. Это заставит их прислушаться к своим импульсам. Я не могу сдержать радость, когда между строками его мемуаров проглядывает изумление от нашего с вами единения. -- Разве это не победа! Очевидно, он удивлён твёрдостью Логвана, и он не прочь назвать его финансовым гением, и видит в его руках меч духа. Я цитирую эти слова: «Логван познакомил меня с его новым делом, серебром, которое началось только пять месяцев назад, и я почувствовал, что это дело получило свою очевидную историю, если рассмотреть долю Логвана, потому что даже здесь это далеко не местного личного масштаба, но вселенской важности. И с финансовой точки зрения коммерческий гений Логвана освещён, кроме того, особым значением, которым озаряются все дела Учителя. И поэтому я полагаюсь на свой меморандум: в битве добрых и злых сил мы должны знать, как держать любое оружие. И оружие Логвана в деловой части города – это меч духа»!

Как видите, слова хороши, только предоставим Богу, чтобы эти слова были утверждены в его сознании. Я думаю, что его можно направлять, и после приезда Проф. Р. даст много разъяснений; когда он поймёт, он будет твёрдым. Теперь я хочу передать вам следующую беседу от 20 июня: «Ручаюсь Лучом разогнать тёмных. Уже вам дано учение о жертве. Жертва есть власть. Власть есть возможность. Значит, каждая жертва есть, прежде всего, возможность. Пора оставить лицемерие, будто жертва есть лишение. Не принимаем лишения, но даём возможности. Посмотрим, какие возможности рождаются из так называемых жертв. Где истинная жертва, которая может умалить? В Нашем хранилище большое собрание жертв, и каждая была полезна явившему её. Не Наш разговор о жертвах, ибо жертва самое выгодное предприятие. Любят мелкие торговцы поплакать о затратах и прикинуться обиженными. Но истинный промышленник жизни считает каждую затрату лишь залогом дела. Вы теряли не на жертве, но на грабительстве. Христос советовал раздать духовное богатство. Но так как далеки ключи от них, то люди перенесли этот совет на раздачу награбленных денег. Раньше награть, а потом со слезою отдать и восхититься добротой своею. Точно, говоря о раздаче, Учитель мог иметь в виду стулья и старые шубы. Невесомое богатство указал Учитель. Отдача духовная лишь может двинуть чашу весов. Осмотрим ряд сотрудников – не лишился ли кто чего-либо? Нет – все приумножили. Разве не приумножение – стать владыкою нового царства? Так богато то царство, что без особого вреда можем разбить часть посуды. Положительно, руки вырастают, и книга благодарности может быть просмотрена. Советую промышленникам жизни для всех должностей иметь заместителей. В больших предприятиях дело стоит на деле, не на личности. И кто может утверждать, что он отдал? Мы раскроем Наши торговые книги и докажем, сколько кто получил; и потому совсем не так легко жертвовать, когда жертва есть возможность, а возможность есть польза, а польза есть разумное сотрудничество, а сотрудничество есть Ала-

тырь. Камень, который или воскресит, или сожжёт. Но самопожертвование может открыть врата понимания, и ветхая жертва ненужных вещей будет качаться на одной ветке с себялюбием».

Теперь я хочу сообщить вам указ Сергия; от 23 июня: «Понявший все верования, прошедший все народы указывает: "Уделю каждому по росту. Каждый соткёт кошель свой. Каждый опасующийся заплатит по счёту мне. Улыбка врагу моему обратится в гримасу, ибо предоставьте мне моих врагов. Подумавший о брате ложно привяжет *луд* к ноге своей. Сорная трава одеревенит дух. Не могу сыпать червонцы в крапиву. *Растить* сад обид не великая честь. Кто лучше увидит, тот спело пожнет. Те, встретившие и отвечающие, отдайте Мне мою печаль и Мою Радость о вас. Силою Христа Господа, Владыки сил, невидимых вам, силою Будды, носителя Закона, силою Мессии, сужденного пророками истины. Устройте весы. Всё великое покажите нам и устыдитесь червя малого, погубляющего правильный вес. Дающий может получить. Пересчитайте, кто сколько дал. Будем считать правильно. Налево – страх, себялюбие, корысть, подозрение, умаление, жалость к себе, учения злотолоквание, сорное шептание, предательство делом или помыслом. Направо – отдача, жалость к другим, смелость, бесстрашие, преданность, непреложность, зоркость, подвижность, Щита сознание, путь и свет подвига, украшение Храма Духа, справедливость понимания, блага возвеличение. Налево – ущерб и платеж. Направо – получение. Каждый отмерит сам, ибо видим и слышим. Ибо нет ни дня, ни ночи, и посланец уже седлает коня. Шлю вам Моё преуспеяние, веками замкнутое. Ключ к нему держите чистым, так повестите. Утверждаю Слово Моё: будь крепче гранита, так уложение дам. Зачем мараться в лужах человеческой грязи, когда есть сухой путь? Скорбь по соотечественникам похвальна, но зачем трактирного бродягу называть соотечественником?».

Сказано послать новым. Дано в день получения писем. Завтра я пошлю эту беседу от 23го всю целиком. Пусть они размышляют. – Они стали тщеславными.

Труден вопрос о деньгах Морья. Мы понимаем всю бестактность Морья и Тарухана, удивившую нас больше всего. Именно это вторжение в чужой карман, не проявляя желаний принять какую-либо работу, не формулируя эти заёмы; я возьму на себя эту тяжёлую задачу объяснить всё это в письме к Нару.

Я обнимаю вас, мои родные, я так счастлива, что Профессор Р. едет и передаст вам лично все чудеса, которые не могут быть доверены бумаге. Как я люблю вас, дети мои, и как думаю о вас.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

24 июня [1924] г. Дарджилинг

Письмо Е.И. Рерих к Т. Гребенчиковой.

24 июня. / Письмо к Нару.

Для меня великое счастье передать Вам, дорогая Нару, одобрение Учителя. В беседе от 17 июня сказано о Вас: «Нару достойна». Я радостно приветствую Вас на этом пути твёрдости и единения с вашими новыми братьями и сёстрами, которые с такой любовью пишут о Вас и так активно беспокоятся о Вас. И я хочу чуть больше объяснить определённые ситуации, которые, возможно, удивят Вас и, особенно, Морья и Марию Александровну. Вероятно, Вы были поражены единством круга. Их необычайное самопожертвование в ра-

боте и понимание истинного сотрудничества на благо дела и *непреложное исполнение* указа. Всё это стало для них сравнительно легко, исходя из их природной чистоты и стремления к высочайшему идеалу служения человечеству. Безграничная любовь и преданность Учителю появились и усилились, когда они увидели всю доброжелательность и практичность этого Руководства. В начале их пути многие указы им также не были ясны, но события и их следствия выявили математическую точность предвидения этих указов. Отсюда их стремление к наиболее точному исполнению указов. И поистине, как им было не любить Вдохновителя, тем, кто участвовал и был свидетелем почти четырёх лет работы под этим руководством! С преданностью также росло и их сознание, задачи ширились, и Учителю было так легко вычертить и доверить большой план, в направлении которого они идут с радостным духом, готовые пройти через все препятствия. Но для нас, идущих во Имя Его, все препятствия только временны, и если иногда при появлении они пугающи, то в приближении они не более, чем раздутые построения. Именно это обстоятельство делает нас непобедимыми, свободными, идущими светло и, главным образом, радостно. И это условие независимости и успеха не могут простить многие ничтожные и, особенно, некоторые из наших соотечественников. Мы не обращаемся к ним за советом, не сидим за самоваром, не заняты сплетнями, не посещаем кабаки, которые они открыли. Почти никто из них, за некоторым исключением, не был в нашем доме. И у нас не было для них времени, потому что наша жизнь слишком полна. И тогда всё это преступления? Для того, чтобы быть им приятными, надо сидеть в их болоте, копошась в чудовищных предрассудках. Мы знаем, что там будут и те, обвинители нас как антихристиан, как отрицателей Бога, но мы ответим на это словами Учителя: «Русские могут Христа очернить. Я лучших вижу в России. Лучше с ними пойду без сапог, нежели с явлением кощунства. Отрицающие Бога не видели Его, но как выглядит Бог содержателей кабаков? И велика подкупность Христа, прикрывающего за свечку любое предательство. Нет хуже, нежели свеча подлости. Не нуждается Христос в таких почитателях, ибо свечи их коптят одеяние. Не отмыть водами Иордана и Урдара следы таких приношений. Какое дело до этих подлых, но они пытаются отгрызть углы строения, сложенного лучшими помыслами. Не много на деле таких помыслов».

Итак, мои дорогие, это то, с чем, боюсь, вам придётся встретиться и куда вам придётся спуститься и идти по шкале справедливости, если таковая у вас будет в *запасе*. «Нам с вами не бельё стирать, но дальше идти. Пусть за мыслями следят».

Ставьте вопросы. Не бойтесь обидеть или показаться смешными. Мы все прошли путь ошибок и открытий, и отрицания предрассудков, и мы идём сейчас, ведомые любовью к истине, к благу человечества и к нашей стране России в новом и широком понимании её великой будущей значимости. Путь служения для чистого сердца, твёрдого, способного забыть свои личные интересы во имя идеала, не труден, и помощь приходит разными способами на пути такого устремлённого духа. Ошибки прощаются, и непонимание становится озарённым, но требуется только одно: отсутствие предательства. И сознание единения. Наши враги – это Ваши враги. Конечно, это не значит, что надо идти против них с войной или с битвой, но мы обязаны при нападениях защитить наших братьев и сестёр и наши дела, даже если мы просто скажем: «Не говори того, о чём не знаешь». Чрезмерным пылом можно только разжечь ху-

же. И самое простое: где вас ни о чём не спрашивают или не трогают, храните молчание обо всём. Храните талисман, доверенный вам, и с чистыми мыслями благоговения – знак зова. Но если в будущем кому-то из вас будет трудно найти в себе мужество и дисциплину духа, чтобы стать настоящим сотрудником во имя будущего Великого дела, пусть он отойдёт и возвратит знак зова ближайшему брату. Я пишу сейчас об этом потому, что у нас есть реальный пример – как один из позванных, кто подавал большие надежды, уехал в Голландию, утонул в семейных делах, но также, оставаясь в мыслях честным в отношении основных принципов, прекратил всякое сотрудничество. И потому мы получили от ближайшего брата вопрос: не пора ли попросить его вернуть знак, ему доверенный? Много позванных, но мало избранных. Но в вас, мои родные, моя вера велика. Я понимаю, что первые шаги трудны, но пусть Нару подойдёт ближе к духовной жизни своих сестёр. Она найдёт великую радость. Ставьте вопросы, и мы ответим так широко, как сможем, но помните, что мы ограничены цензурой и есть вопросы, на которые сейчас мы не можем ответить. Не забудьте также, что Ваши братья и сёстры часто имеют прямые указания от Учителя. В трудные моменты Вы можете спрашивать их, нет ли чего-нибудь для вас. Сказано: «Тарухан и Морей, научитесь у Семерых, как охранить Мои Врата. Нару может чувствовать врагов. Сергей Говорит: «Не малому служите». Я тронута каждым знаком приближения Нару, потому что я сама её очень люблю, и знаю, что она будет среди Алтайских Сестёр и в ноябре получит новый знак. *Мои родные*, я так хочу, чтобы это слово стало сильнее сильного, перед вами огромное счастье и возможности. Не затемняйте себя сомнением и самолюбием. Широкий горизонт у того, кто вмещает в своём сознании другие сознания. Время заканчивать. Я обнимаю вас, и всем устремлением духа – мои родные, идите неустанно, мужественно вперёд, любите ваших братьев и сестёр, потому что лучших вы не найдёте. Я начала своё письмо словами Сергея и закончу ими: «Богатства приготовлены. Зачем подгрызать устои?».

Иск. Ханум.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

26 июня 1924 г. Moriah. Нью-Йорк
Письмо З.Г. Лихтман к Рерих Е.И.

Moriah. N.Y. / 26-ое Июня 1924 г.

Дорогая и любимая Е.И.!

Вчера получили Ваше чудесное письмо от 24ого Мая и как много огромной, непередаваемой радости оно доставило мне всему кругу по прочтении его. Какой в нём огромный урок для нас всех на будущее по отношению к друзьям и дружественным к нам людям. И действительно, применяя сказанное Вами, родная, в жизни, наглядно убеждаешься, как много больше можно сделать с людьми и добиться от них, подходя к ним, спрашивая совета или мнения, или же интересуясь просто ими лично и их делами. А ведь можно за что-то похвалить каждого! И как раскрывается навстречу нам сердце того, кого мы хвалим или кому сочувствуем! Постараюсь на будущее нерушимо применять этот урок любви ко всем. С радостью исполняем все просьбу М.М. и Вашу – школу закрыли и уже все здесь собрались для отдыха. Вчера приехали Хорши и Модра и, конечно, в восторге от этого дивного уголка и все мы чувствуем, что здесь хорошо отдохнём и также сможем работать над II-ой частью Книги, материал для которой ждём от Вас с нетерпением. Первые указания Ваши, с

чего начать перевод, уже получили в предыдущем письме. Сейчас привожу нашу вчерашнюю беседу, данную утром: - Дам вам распределение на первую неделю. Устали вы очень, а потому больше уединения. Лежать побольше, ибо для восприятия Мною посылаемого – вам нужно отдышаться. Рад соединению круга. Радуйтесь каждому часу здесь. Знайте, Мой Щит с вами. И легко Лучи Мои будут доходить, когда сумеете воспринять». – Будем все исполнять это полное любви и забот о нас указание. Какая это чудесная подробность о Вашем духе, прошедшем через ночные фиалки и лилии! Я помню, как в Monhegan'e Вы мне как-то сказали, что очень любите ночную фиалку. Как поразительно, что через века дух сохраняет любовь к другим цветам, растениям, краскам, сознавая, видно, контакт свой с ними! Меня этот вопрос всегда очень интересовал, ибо помню ещё в детстве я сама себя спрашивала, почему я люблю иные цвета, краски, цветы, а к другим совершенно чужда. Также и с людьми, часто ловишь себя на инстинктивной настороженности, даже неприязни по отношению к некоторым, и дружбы и симпатии к другим. Какую огромную и мудрую роль занимает Карма в нашей жизни, и как ясна становится мысль о том, что мы сами создатели её. Желание познать себя, заглянуть в тайники души и этим приблизиться к вечным законам природы! При этой мысли уже огромная радость охватывает меня, ибо начинаешь немножко прислушиваться и понимать язык Космоса. Родная моя, Вам навстречу несётся моя безграничная любовь и благодарность за всё то, что Вы мне открыли и научили понимать. И проще, и легче чувствую я продолжение пути. Ваша дорогая нам всем карточка имеется у каждого из нас – Порумочка заказала по копии с неё для всех.

Фраза: «не сладкие пирожки, а ковка меча», меня особенно поразила, ибо перед получением её, я употребила первую часть её в разговоре с Таруханом. Он написал письмо Ремизову о том, то если он придёт к Алатасу духовно, то получит больше возможности, а пока больше 10-ти процентов директора не хотят дать на «Звенигород», хотя он и был против этого. Я отнеслась очень резко к этому письму, сказав, что за служение и готованость в наших делах не ожидают награды в виде сладких пряников. Мама же приблизительно в это время видела, как булочник внёс полное блюдо пирожных. Кроме того, у меня был сон, как я пошла выбирать пирожные в кондитерскую на Broadway'e и все затейливые торты, выбираемые мною, оказались или нехорошими, или же продавщица отказалась мне их продать. Так что я рассердилась и ушла; всё это случилось перед получением фразы: Ваш сон, родная моя, от 19-ого Мая, поразителен. Мы уже тоже думали, что Bossom нечаянно может задеть что-то неприятное и притянуть это в школу. Пока это сказалось с Бринтоном, да он ещё говорил, что Mrs. Roberts его большой друг. Надо будет осенью, когда начнётся конкурс, быть с ним очень осторожным. Родная моя, когда Вы будете посылать в Париж для печатанья «Пути Благословения», напишите Зелюку, если решили печатать у него, какого формата хотите эту книгу, а также в скольких экземплярах, желательно бы было в большем количестве, ибо мы её здесь очень распространим, у нас уже есть известия сношений с русскими книгопродавцами в стране, и книга эта, я уверена, очень пойдёт. Пришлёт Вам её из Нью-Йорка Тарухан, ибо он её собрал, а Нару напечатала на машинке. Тарухану мы ничего не говорили ни о качестве бумаги, ни о количестве экземпляров, сказав, что Н.К. лично напишет об этом в Париж. Боюсь, что он что-то лишнее там наговорил Шкляверу и надавал ему какие-то обещания. Он

хочет здесь продавать Микулу через книгонош, чтобы ходили из дома в дом и продавали. И хочет давать за это от 25 – 35 %. Нам лично это не нравится и мы ему сказали, что напишем Вам, запрося Вас. Хорши привезли радостную новость – случайно купили в последний день перед отъездом 2 картины Н.К. у человека, приехавшего из России. Одна из них «Песнь о викинге», а другая – небольшой скетч. Обе, кажется, за 650 дол. Мы так счастливы этому, ибо я твёрдо верю в то, что Ваши картины лишь могут остаться там, где им нужно, и поэтому важен их обратный ход к нам. Бесконечно обнимаю и целую Вас, Ваша карточка у меня над кроватью Ваша преданная Вам на эту и на последующие жизни Радна
Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

27 июня [1924 г.] Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

27 июня.

Родные и любимые.

После всех писем пришло ещё одно превосходное письмо Логвана. Как он прав, что спрос на серебро возрастает, особенно в новых странах. Связи с Чехословакией, Россией и другими недавно появившимися странами могут дать новые пути для М. Конечно, эти связи растут с годами. Особенно мы видим, как делаются дела в Индии. Здесь фотограф сфотографировал мою картину и обещал фотографию через четыре дня, но уже третья неделя, а он всё ещё не может её сделать. Только что на горизонте появился новый человек, который взялся рекомендовать *добросовестного* человека для возможных контактов – будем ждать в потоке индийского темпа. Здесь теперь Тагор петухом кричит о необходимости национального превосходства в Азии, но молчит о главной язве Индии – кастовых различиях. Но Индия останется страной рабов до тех пор, пока не будет разрушен этот вековой предрассудок. В теперешнем виде – это трагедия. Смотритель виллы не может почистить дорожку, слуга не может поднять с пола упавший пакет, он не может принести даже маленькую вещь и должен звать носильщика, и, таким образом, быт становится заполненным ненужными людьми, получающими пенни и обременяющими всё пространство. Мы были поражены отчётом Мастер Института. Это величайшая редкость, что при таких расходах сразу и при переезде в новое здание получается такой результат, это неслыханно. Ваши предположения о миссис Кеттунен и Халперте очень практичны; в целом мисс Кеттунен могла бы вести детский класс, чтобы дать малышам правильный подход к будущей работе. Может быть, воскресный детский класс? Указана ли в отчёте оплата за служебное помещение «Алатаса»? Необходимо, чтобы учреждения платили друг другу за [получаемые] возможности. Мы будем обо всём этом говорить, потому что я должен дать вам определённые финансовые планы. Потому что дела будут развиваться изнутри каждого учреждения. Можно будет выпустить определённое количество акций «Алатаса». Конечно, лучше подождём до ноября.

У нас всё ещё нет информации, договорились ли о работе Кауна⁶ представителем «Алатаса» в С[ан]-Ф[ранциско]. И взял ли Спенсер Келлог книгу на

⁶ Каун Александр Давидович (1889–1944) — американский историк литературы российского происхождения, профессор Калифорнийского университета в г. Беркли.

продажу? Было бы хорошо отправить Лузаку остальные книги. Его фирма хорошая. Взяла ли «Ориенталия» книги на продажу? Будет замечательно, если благодаря Музею налоги будут снижены. Как хорошо, что только представитель города был на открытии. Конечно, механизм всех этих дел не может быстро разворачиваться. Когда вернётся Пеппер, он поможет выбрать недорогие вещи для Американского Музея. В целом не торопитесь с покупками. Будут случаи покупок небольших коллекций целиком. Была ли возможность увидеть д-ра Валентайнера из Детройта? Если бы ближе к ноябрю можно было подготовить встречу с ним, потому что Омаха и Эггерс в Колорадо собирают коллекции. Спросите от моего имени миссис Мэсси Холмс из Канзас-Сити, не знает ли она, кто отвечает за подготовку коллекции в Канзас-Сити. Было бы хорошо, если бы «хорошо известные» Форбс или Закс из Музея Фогга в Кембридже смогли бы увидеть коллекцию Корона Мунди. Они очень очень общительны. Как вы уже заметили, каждая вещь приходит новыми путями, и вы никогда не знаете, кто поможет. Если Розолимо принёс дом на 54-й улице, почему бы Форбсу не дать хороший совет? Мы чувствуем, что всё прибудет из-за пределов N.Y. Ловрик очень хвалил мне мистера Уильяма Крока из Сан-Франциско. Обычно он в N.Y ранней осенью. Нельзя ли увидеть его? Он крупный финансист. Попросите Натана Доула дать рецензию на «Адамант». Получил ли он книгу. Его адрес [можно узнать] через Boston Art Club. Уже сейчас записывайте все дела и вопросы, которые нужно обсудить в ноябре. Наш список тоже растёт. Потому что нужно проявить наибольшую практичность в решениях. Как вовремя всё дано! И хотя я должен буду плыть только через два месяца, вы уже чувствуете всю неотвратимость этого указа. Теперь отдыхайте со всеми своими мыслями и набирайтесь Праны. Обсуждая всё в деловом стиле с вновь прибывшими, мы также направляем их образ мышления в более прочное русло.

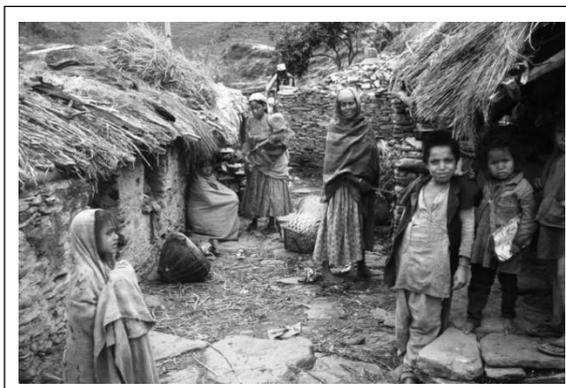
Братство – это истинно полезное сотрудничество для обеих сторон.

Целуем вас, всей силой духа с вами, Р.

Приехал ли Зиманд? Скоро вышлю несколько фото (довольно плохие). Мы составляем список всех вещей для К.М. Он весьма внушительный.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись, перевод с английского)

«Индия останется страной рабов до тех пор, пока не будет разрушен этот вековой предрассудок. В теперешнем виде – это трагедия...»

Индия. Каста неприкасаемых. XX век.

Юрий и Н.К. Рерихи в Дарджилинге. Лето 1924 г.

27 июня 1924 г. Дарджилинг

Письмо Е.И. Рерих к Рериху Владимиру Константиновичу и Чистякову П.А.

19 27/VI 24

Дорогие Пётр Александрович и Володя!

Письма Ваши очень тронули меня. Большею радости, нежели делиться сокровищем, которым мы владеем, нет, и не может быть. Сделаем всё возможное, при разделяющих нас условиях, чтоб, если не удовлетворить, то хотя бы поднять ещё новые искания в духе Вашем. Но прошу иметь в виду следующие обстоятельства: 1) Мы можем дать лишь то, что будет разрешено. 2) Многое нельзя доверить бумаге, ибо очень уж мучительно выдавать цензорам своё самое святое (письма часто приходят распечатанными). 3) Вы должны ставить чёткие вопросы. 4) Я завалена всякого рода писанием. Писать будем по очереди Н.К. и я. Для начала повторю уже известную Вам формулу: «Оставьте все предрассудки, мыслите свободно». Формула эта должна быть не только на устах, но осознана всей сущностью Вашей и проведена в жизнь. И помните ещё, что религиозный предрассудок – самая горшая вульгарность, ибо Христос говорил: не в Храме, но в Духе будете молиться. Дам также три завета для руководства: Бесстрашие, Красота и Простота. Поясню – Бесстрашие наш водитель, Красота наш луч понимания, Простота наш ключ от тайных дверей счастья. Не забудьте и о Законе Вмещения. Готовьте, закаляйте Ваш сосуд, чтобы вместить, ибо воистину не видим границ познания! Будем ждать вопросов, но просим писем наших никому не показывать, и надеемся, что раздавая «Листья Сада Мории», наше имя не связывается с книгою, как Н.К. уже указывал.

Володя просит написать ему о наших впечатлениях, думаю, что это лучше всего сделать, переслав Вам книгу, которая готовится к печати. Романтическую, сказочную Индию наших бабушек мы не нашли, она в развалинах, но Индия Рамакришны и Вивекананды живёт. Прочтя их произведения и особенно их биографии, Вы будете её знать. Некоторые сочинения этих Великих Учителей уже переведены на русск. яз. Сейчас сравнительно мало соприкасаемся с людьми, ибо всё наше время распределено, у каждого есть свой урок.

10 ч. вечера. Получили Указ: «Хочу выполнить общие желания, поэтому пусть каждый, имеющий знак или имя, возьмёт два листа бумаги. На одном пусть напишет, что он даёт Мне, на другом – что он желает получить от Меня. Пусть запечатает и пришлёт ближайшею почтою вам. Спросят, почему нельзя обратиться в духе – ибо часто мышление не точно. Вместо ясного вопроса посылается хвост мохнатого мышления, забывая, куда и к кому обращаются. советую, чтобы желания соответствовали плану Владыки. Мы увидим и измерим».

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

«Романтическую, сказочную Индию наших бабушек мы не нашли, она в развалинах, но Индия Рамакришны и Вивекананды живёт...»

Развалины Пещерных храмов Аджанты.

29 июня 1934 г. Moriah. Нью-Йорк
Письмо З.Г. Лихтман к Рерихам Н.К. и Е.И.

29-ое Июня 1924 г.

Дорогие и любимые мои! Вы бы обрадовались, если бы увидели здесь Ваших преданных Вам детей. Все мы радуемся каждому моменту здесь, все любим это место и наслаждаемся каждым кустиком и травкой. В особенности это место имеет благотворное влияние на Логвана и Поруму. Они опомниться не могут от восторга, говорят, что никогда ещё не жили так идеально летом, и не имели такого отдыха. Они уже начинают поправляться, кушают больше, (еда здесь превосходная) много отдыхают, и мы радуемся, глядя на них. Я уверена, они здесь прекрасно поправятся и окрепнут, что очень надо. И Модра в восторге от здешних условий, о Енточке и говорить нечего, так ей здесь всё мило и дорого. Одним словом, мы представляем другую, восторженную семью. Я уверена, что силы мамы здесь очень увеличатся, уже было заметно вчера по

сильным вибрациям и количеству видений. Конечно, мы все чувствуем чистоту здешней ауры, как местности, и так и людей, и это усиливает в нас способности восприятия. За работу мы ещё не принялись, решили первую неделю отдыхать, завтра уже начнём переводить Книгу. Я думаю, здесь это пойдёт легко и быстро, и что мы переведём, сейчас же пришлём Вам для проверки, и так будем делать со всем последующим материалом. Что Вас обрадует, родные мои, это известие, что мы начали давать уроки русского языка Поруме, Модре и Логвану. Все с радостью учатся и быстро схватывают. Здесь всё как-то быстрее достигается, возможно также потому, что делается с ясным и спокойным духом. Не думаю, чтобы последующие книги на русском можно было бы печатать в N. York'e. Тетер говорил, что очень трудно достать шрифт, посмотреть как он печатает постеры для Алатаса, тогда сможет судить. Пересылаю Вам здесь, любимые мои, письмо Тарухана, которое говорит само за себя, а также стихотворение Бальмонта ему, присланное в письме от него к Тарухану, которое мы скопировали для Вас. Видно не очень много прекрасного об Америке писал Тарухан Бальмонту. Также пришли два письма Коварского к Тарухану. Он пишет, что жизнь в Париже ужасно сырая, просит дать ему 50% за продажу книг, а Берлинским фирмам 60%, также пишет, что Микула идёт вяло. Пишет ли Вам Тарухан подробные отчёты об Алатасе? Он хочет упорно продавать книги свои в N.Y. через книгонош, из дома в дом. Мы против этой идеи, ибо она не очень достойна для Алатаса и зачем гнаться за продажей нескольких книг! Но ждём Вашего совета на это. Крепко обнимаю и целую Вас, любимые и дорогие.

Всегда в духе с Вами *Радна*

Мама вас всех обнимает и целует.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

Н.К. Рерих в Дарджилинге. Лето 1924 г.